

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.

Клэр Кент

"Последний проблеск света"

Серия: *вне серии*

Автор: Клэр Кент

Название: Последний проблеск света

Серия: вне серии

Перевод: Rosland

Редактор: Eva_Ber

Обложка: Rosland

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

Миру потребовалось всего четыре года, чтобы развалиться на части.

Теперь последний член моей семьи умер, и мне придется преодолеть то, что осталось от трех штатов, чтобы найти единственных знакомых мне живых людей. Чтобы выжить, мне придется собирать еду и припасы и пытаться избегать жестоких мужчин, которые научились брать желаемое силой. Единственный мой шанс справиться — это довериться Трэвису.

Трэвис раньше ремонтировал мою машину, а теперь он — все, что осталось у меня на свете. Он ворчливый и недружелюбный стойк, я толком не знаю его, и он мне не особо нравится. Но он — мой единственный шанс выжить. Он убережет меня. Мы позаботимся друг о друге. Пока не доберемся до остатков нашего родного города и не сможем наконец-то отпустить друг друга.

«Последний проблеск света» — это одиночный постапокалиптический роман, действие которого происходит в ближайшем будущем после глобальной катастрофы.

Глава 1

Я мгновенно узнаю мужчину. Я не помню его имени, но он раньше ремонтировал мою машину.

Он был нашим местным механиком, и когда мне было шестнадцать, я отвезла свою машину в его мастерскую для ремонта и техобслуживания. От него всегда пахло маслом и сигаретами, и ему часто не мешало бы побриться. Он никогда не улыбался мне, но был терпелив и объяснял, какие работы надо провести, а мой дедушка говорил, что он честный и никогда нас не обманет.

Но прямо сейчас он стоит у мотоцикла, который я только что нашла — того, в котором чудом сохранился бензин. В одной руке у него дробовик, а другой он роется в моей сумке.

Час назад я наткнулась на эту заброшенную заправку. Весь бензин, еду и большую часть припасов растащили давным-давно, но во всем этом бардаке я нашла две нетронутые пачки влажных салфеток и большую бутылку воды, закатившуюся под опрокинутый стеллаж.

Сзади, за разбитыми бензоколонками и старым зданием, я наткнулась на золотую жилу. Недорогой мотоцикл прямо на краю леса за заправкой.

Я выдрала сорняки, которыми он зарос, подняла в нормальное положение и задержала дыхание, возясь с проводками. (Любой, кому удалось выжить до этого дня, знает, как завести транспортное средство без ключа, а также заряжать и стрелять из оружия). Едва не рассмеялась, когда двигатель заработал.

Прошло больше года с тех пор, как я натыкалась на работающее транспортное средство.

Я оставила сумку на сиденье и зашла на три шага в лес, чтобы пописать за деревом. Вопреки всему, иллюзия уединения в такие моменты — это иллюзия, от которой я до сих пор не могу отделаться.

Это была ошибка.

Вокруг не было никого, когда я спустила штаны и присела, но выпрямившись, подтянув джинсы и развернувшись, я была уже не одна.

Мужчина. Присваивает мои вещи себе.

Я достаю пистолет, который держу в кобуре на правом бедре, и навожу на него, выходя из-за дерева.

Я застаю его врасплох. Это уже что-то.

От моего появления он заметно дергается и начинает поднимать свой дробовик.

— Не надо, — я подошла к противоположной стороне мотоцикла от него. — Отойди.

Выражение его лица меняется, когда взгляд находит мое лицо. Он насторожен. Это ясно. Его тело напряжено, рука с готовностью лежит на оружии. Однако он его еще не поднял. В другой руке он держит книгу, которую взял из моей сумки.

— Отойди, — повторяю я, делая голос как можно более жестким.

Я далеко не такая грозная, как мне хотелось бы. Мое лицо выглядит юным, тело миниатюрное. Волосы длинные и каштановые, заплетены в косы, глаза тоже карие. У меня есть ямочка на подбородке, что является практически противоположностью грозности. Но мой пистолет заряжен, и я умею им пользоваться.

Надеюсь, он это видит.

Он делает шаг назад, и рука с книгой поднимается в жесте капитуляции.

— Не знал, что ты здесь, — говорит он. Его голос мягкий, хриплый и окрашен тем же горным акцентом, который я запомнила четыре года назад, побывав в его мастерской. — Просто увидел байк и подумал, что надо взглянуть. Я тебе не наврежу.

— Естественно, ты мне не навредишь. Отойди, бл*ть, — теперь я расположилась над мотоциклом и опираюсь свободной рукой на сиденье.

Ему должно быть за тридцать (судя по внешности и тому, что я о нем знаю), и он не особенно красивый мужчина. У него сильные и грубые черты лица, светло-каштановые волосы выглядят нечесаными. Его лицо грязное, как и его джинсы, как и его серая футболка с оторванными рукавами. Но у него подтянутое крепкое тело с широкими плечами и хорошо очерченными мышцами рук, какие бывают от труда, а не от визитов в спортзал.

Он делает еще один шаг назад и говорит так, как люди обращаются к напуганному животному.

— Ты меня знаешь. Я Трэвис Фаррелл. Я тоже из Мидоуза. Я чинил твою машину. Я не пытаюсь обворовать тебя или навредить тебе. Я проходил мимо.

Трэвис. Вот как его зовут.

Я хочу верить ему во всем остальном.

Я бы с радостью поверила ему.

Мой дедушка всегда говорил, что он честный мужчина.

Но мир, который я знала четыре года назад, разломился до основания, и даже мужчинам, которые когда-то казались приличными, больше нельзя доверять.

Я ничего не говорю и не опускаю пистолет.

— Ты же Лейн, верно? Лейн Паттерсон? — глаза Трэвиса выглядят серыми в тусклом свете солнца, с такого расстояния между нами. Они изучают мое лицо, а потом бегло пробегаются по моему телу.

Они не задерживаются на моей груди, хотя моя клетчатая рубашка распахнута, а выцветшая майка прильнула к груди от пота. И они не задерживаются на нижней части моего тела, хотя мои старые джинсы совсем износились и очень низко висят на бедрах. Его взгляд возвращается к моему лицу и остается там.

Это уже что-то, но недостаточно, чтобы я ослабила бдительность.

Я не отвечаю на вопрос, но он, должно быть, принимает мое молчание за подтверждение. Он продолжает.

— У тебя был синий Форд Фокус со своенравной коробкой передач. Я Трэвис. Ты меня помнишь?

Я слегка склоняю голову.

Его черты расслабляются еще сильнее.

— Хочешь опустить оружие?

— Нет.

— Ладно. Я свое опущу. Медленно и аккуратно, — одновременно с этими словами он наклоняется и с нарочитой осторожностью кладет дробовик на гравий.

Когда он выпрямляется, я чувствую себя лучше, но не настолько глупа, чтобы верить, что теперь этот мужчина не представляет опасности. За спиной у него висит охотничья винтовка, а к ремню пристегнуты ножны с ножом вдвое крупнее моего.

От него больше не пахнет маслом и сигаретами. От него пахнет грязью и потом.

И от меня тоже. Теперь это меня уже не беспокоит.

— Ты сама по себе?

Я не отвечаю.

— Ты направляешься в Форт-Нокс?

Не думаю, что я кивнула, но он ведет себя так, будто я это сделала.

— Я тоже, — говорит он. — Можем держаться вместе, если хочешь.

Мои плечи напрягаются.

— Я не ищу компанию.

Его глаза слегка расширяются.

— Ничего такого. Я ничего не ожидаю. Маленькая хорошенькая штучка вроде тебя... ты не в безопасности в одиночку.

Он прав. Я знаю, что он прав. Но все, кому я когда-либо доверяла, мертвы или давно пропали.

— Откуда мне знать, что я буду в безопасности с тобой?

— Я знал твоих дедушку и бабушку. Твоя бабушка преподавала мне в воскресной школе. Я оставался в городе до конца. Не был в банде. Не примкнул к стаду. Помнишь меня после того, как мы взорвали мост? Я был с охотниками.

Я правда припоминаю встречи с ним примерно год назад, когда то, что осталось от Мидоуза, затаилось за охраняемым периметром. Я помнила, как он не раз возвращался с оленем или дикой индейкой, даже когда животных в лесах стало мало. Он делился добычей со всеми, распределял пайки.

Должно быть, он видит что-то на моем лице. Его челюсти слегка разжимаются.

— Я хороший парень, Лейн. Я не наврежу тебя и не буду просить ничего, что ты не готова дать.

Я так сильно хочу доверять ему, что моя рука дрожит. Приходится приложить сознательное усилие, чтобы держать пистолет ровно.

— Почему ты не покинул город с остальными?

Его лицо искажается так мимолетно, что я едва не упускаю это.

— У меня была больная маленькая девчушка. Ей и пяти лет еще не было. Не мог ее бросить.

Я слышу в его голосе потерю — легкую, ноющую, вторящую брести в моем голосе. Все, кто до сих пор жив, кого-либо потеряли.

Многие из нас потеряли всех.

— Что насчет тебя? — спрашивает он. — Ты задержалась ради кого-то?

— Ради бабули.

— Ее легкие?

Я киваю. Пепел в атмосфере, витающий последние несколько лет (и только начинающий уходить из воздуха) убил столько же людей и животных, как и вооруженные налеты, цунами, землетрясения и ураганы.

Просто пепел убивает медленнее.

— У моей малышки Грейс было то же самое. Она умерла пару недель назад. Я сейчас направляюсь в Форт-Нокс, так что ты можешь пойти со мной, если хочешь.

Я испытываю соблазн.

Это не милый мужчина и не дружелюбный, но он силен, вооружен и умеет охотиться. Он также кажется хорошим парнем, как он сам сказал.

Теперь мои инстинкты стали лучше, чем когда я была шестнадцатилетней девочкой, живущей комфортной жизнью. Мои родители умерли в автокатастрофе, когда мне было двенадцать, и это самое тяжелое, что случилось со мной. Мне пришлось переехать из города Шарлотт в Мидоуз, маленький горный городок в юго-западной Вирджинии. Мои бабушка и дедушка были любящими и состоятельными и делали для меня все возможное. Несмотря на горе, я хорошо училась в школе. У меня было много друзей. Я начинала интересоваться парнями. Мне не казалось, что Мидоуз полностью стал моим домом, но по сути я была там счастлива.

Как и многие знакомые девушки, я относилась к незнакомым мужчинам со здоровой осторожностью, но все равно предполагала, что большинство будет вести себя цивилизованно. Но это было до. После, в первый год, когда еще было кабельное телевидение и интернет, я смотрела новостные репортажи из больших городов, которые один за другим поддавались насилию и хаосу, и я раскачивалась вперед-назад, испытывая тошнотворный шок от того, что мужчины делали с женщинами и детьми.

Я глупо думала, что мой маленький городок, удаленный от крупных населенных пунктов и большинства жестокости, защищенный горами и рекой, охраняемый мужчинами, которых с рождения учили охотиться и стрелять... уберезет меня.

Теперь мои инстинкты стали лучше. Им пришлось улучшиться от жизни в этом мире.

Я знаю, что не все мужчины ведут себя как животные. У меня был отец, который любил меня. В семнадцать у меня был бойфренд, который был милым и нежным, пока мы целовались и трогали друг друга, пока он запускал руки под мою футболку на заднем сиденье брошенного Олдсмобила. У меня был дедушка, который расстался с жизнью, пытаясь защитить своих подопечных.

Я знаю, что некоторые мужчины по-прежнему хорошие, но все, кого я знала, теперь мертвы.

И теперь, когда мужчинам не грозят последствия за то, что они берут желаемое силой, плохих не меньше, чем хороших, и некоторые плохие прикидываются хорошими.

Я не буду рисковать.

Даже ради защиты спутника в путешествии, которую мог бы дать мне Трэвис.

— Что скажешь, Лейн? Опустит оружие. Мы можем поехать в Форт-Нокс вместе.

Я сглатываю и качаю головой так резко, что две длинные косы, свисающие на спину, слегка подпрыгивают.

— Нет. Я останусь сама по себе.

Он выдыхает, но это лишь его реакция.

— Ладно. Будь осторожна.

— Я всегда осторожна. А теперь медленно подойди вперед и положи эту книгу обратно в мою сумку.

Он опускает взгляд на книгу в своей руке, будто забыл, что до сих пор ее держит.

— Стихи?

Может, это глупо — носить с собой книгу, когда каждый сантиметр пространства в сумке должен быть занят жизненно необходимым, но я не могла ее бросить. Это тонкая книга в мягкой обложке под названием «Самые Любимые Стихотворения», и я снова и снова читала ее бабушке, пока она умирала.

— Да. Верни ее, а потом отойди к самому зданию.

— Ладно, — он делает несколько шагов вперед, бросает книгу в мою открытую сумку, а потом начинает пятиться назад. — Ты совершаешь ошибку, девочка. Ты там не продержишься.

— Посмотрим.

Я замечаю, как он косится на свой дробовик, так и лежащий на гравии, тонким слоем насыпанном поверх утоптанной земли. Я на мгновение подумываю забрать его. Оружие почти так же ценно, как еда или работающий транспорт. Но я решаю этого не делать.

Как и все остальные, я придерживаюсь правила: если то, что я нашла, не принадлежит кому-то другому, то можно спокойно взять. Возьму и не поколеблюсь. Но этот дробовик — Трэвиса, и он стоит прямо здесь.

К тому же, дробовик очень большой, и я не до конца уверена, что в состоянии им воспользоваться.

Я смотрю на него и вижу, что он меряет меня взглядом. Он прекрасно понимает, о чем я думаю, глядя на его оружие.

— Я оставлю его тебе, — говорю я. — Но не подходи за ним, пока я не уеду.

— По рукам.

— До самого здания.

Он подчиняется, больше не пытаюсь переубедить меня.

Как только он оказывается достаточно далеко, я подбираю сумку, перекидываю ногу через сиденье мотоцикла и убираю пистолет в кобуру. Затем завожу двигатель.

Он по-прежнему работает прекрасно.

Часть земли и гравия взлетает вместе с облаком пыли, когда я трогаюсь вперед, оставляя позади Трэвиса, его дробовик и остатки моего города.

Миру потребовалось всего четыре года, чтобы развалиться на части.

Мне было шестнадцать, когда в Германии упал астероид. Ударные волны и обломки от столкновения уничтожили большую часть Западной Европы. Астрономы видели его приближение, но он не должен был врезаться в нас. Они говорили об этом, воображали сценарии, если это все же случится. Но все это было теориями, и никто особо не обращал внимания.

Потому что он должен был пролететь близко, но не настолько.

Но ученые, да и все остальные, выучили суровый урок о непредсказуемости Вселенной. Траектория астероида изменилась совсем немножко. Это заметили за пару месяцев до столкновения, но мы никак не могли остановить такой огромный кусок камня, несшийся с такой скоростью.

Он врезался.

Астероид был не настолько крупным, чтобы спровоцировать полное уничтожение. Так сказали ученые.

Но все оказалось настолько плохо, что никто и не мог представить.

Массовое бегство из Европы за те два месяца перед ударом, подкосило мировую экономику и стабильность, пока все развитые страны принимали к себе как можно больше иммигрантов. Пыль и обломки, разбросавшиеся при ударе, заставили глобальную температуру понизиться, а дымка почти год заслоняла большую часть солнечного света.

И как будто этого оказалось недостаточно, планета пыталась воспротивиться атаке, породив разрушительные цунами, ураганы и землетрясения на всех континентах.

Мы в США не ощутили самого удара, но явно почувствовали его отголоски, черт возьми. Люди бежали с побережий, волнами устремляясь к центру страны, чтобы сбежать от натиска одного урагана за другим на восточном побережье и от постоянных землетрясений на западном.

Затем супервулкан под Йеллоустоном начал рокотать. Большого извержения так и не случилось, но на протяжении двух лет он постоянно выплевывал облака пепла.

Обширные протяженности сельскохозяйственных угодий в центре Северной Америки, которые едва пережили похолодание и дымку пыли, оказались добыты пеплом.

Это уничтожило нашу еду.

Электричество, средства связи и правительство рухнули следующими.

Люди умирали. И продолжали умирать.

В последней радиопередаче, что я слышала, озвучили предположительные подсчеты, что население мира сократилось вдвое.

Я была уверена, что теперь оно сократилось еще сильнее.

Некоторые люди прятались в бункерах, забрав с собой как можно больше еды и припасов.

Некоторые люди полностью сдались.

Некоторые люди объединились в блуждающие банды, которые стали известны как стада. Они иногда насчитывают аж до тысячи человек, передвигаются по остаткам дорог на грузовиках и танках, забирают все, что пожелают, убивают всех, кто встает на их пути.

Мой маленький городок насчитывал три тысячи жителей, когда мне было шестнадцать.

К тому времени, когда мне исполнилось семнадцать, нас осталось лишь полторы тысячи, потому что многие переехали из-за страха близости к побережью или примкнули к бандам или группам выживальщиков.

Люди, оставшиеся в Мидоузе, делали все возможное. Во второй год, когда сообщения о стадах, опустошавших все поселения, на которые они натыкались, становились все чаще, руководители города взорвали мост через реку, который служил основным средством въезда в Мидоуз. Две других дороги были горными и петляющими, защитить их было проще.

Большинство мужчин в городе, а также многие женщины умели охотиться, рыбачить и стрелять. Мы объединились с соседними городами, чтобы обслуживать и охранять электростанцию, так что электричество у нас сохранилось еще несколько месяцев после того, как остальная страна погрузилась во тьму. Еду делили и распределяли между всеми. Все старались вести свой вклад. Этого все равно было недостаточно.

Месяц назад, когда численность животных в лесах сократилась из-за перемены климата, а в реке перевелась рыба, большая часть из четырех сотен выживших в Мидоузе собрала вещи и отправилась в Форт-Нокс, услышав слухи о том, что армейская база в Кентукки охраняется остатками армии и принимает беженцев. То же говорилось о Форт-Брэгг в Калифорнии, но люди беспокоились, что это слишком близко к побережью, так что решили отправиться в Форт-Нокс. Единственные, кто не пошел с ними — это люди, не пожелавшие оставлять больных родственников, которые не могли пуститься в путь.

Например, я. Я потеряла деда, когда электростанция вышла из строя, и я не собиралась расставаться с бабушкой. Она умоляла меня уйти, но я отказалась. Не могла. Даже зная риски, я оставалась с двумя десятками других, и мы несколько недель владели скудным существованием.

Два дня назад моя бабушка умерла, и поэтому теперь я на пути в Форт-Нокс.

Может, я найду остальных жителей моего города.

Больше мне идти некуда.

Бензина в моем мотоцикле хватает почти на восемьдесят километров. Я держусь маленьких сельских дорог, где меньше шансы наткнуться на других людей, потому что «люди» неизбежно равно «опасность». Я неплохо справляюсь и сталкиваюсь лишь с несколькими маленькими группами, идущими вдоль дороги.

Видя, что бензин начинает заканчиваться, я сворачиваю на обочину и смотрю на дорожную карту, которую выдрала из старого атласа дома. Мне предстоит преодолеть еще почти пятьсот километров. Мне нужен бензин, и единственный способ добыть его — найти брошенное транспортное средство, откуда его еще не сцедили.

Непростая задача. Обычно надо отыскать заброшенный город и осматривать пустующие дома, пока не найдешь машину с бензином в баке. Так что я удивлена и полна подозрений, когда вижу нетронутый грузовик-пикап с багажником-кемпером, стоящий на обочине дороги.

Заброшенные машины обчищают за час, так что эта, наверное, только что остановилась.

Я притормаживаю и не вижу, чтобы в грузовике кто-то сидел.

Наверное, закончился бензин. Обычно именно по этой причине транспортные средства бросают на обочине. Но также есть вероятность, что возникли какие-то механические неполадки, и в баке есть бензин.

Надо проверить. Каким бы маловероятным это ни казалось, любые шансы найти бензин слишком важны, чтобы забыть на это.

Направив мотоцикл на обочину перед машиной, я слезаю и иду к водительской двери.

Я ахаю, осознав, что на сплошном сиденье-скамейке находится мужчина.

Он обмяк, и поэтому я не увидела его с дороги.

Его рубашка пропиталась кровью.

Мой первый инстинкт — быстро сдать назад. Этот мужчина явно погиб насильственной смертью, и от этого я хочу держаться как можно дальше. Но машина может быть в рабочем состоянии, и тут может иметься бензин. В кузове могут иметься припасы. Я буду душой, если не проверю просто из-за крови и мертвого тела.

Так что я беру нервозность в узду и подхожу снова.

Открываю дверцу и толкаю обмякшее тело мужчины от руля, чтобы дотянуться до замка зажигания.

Тело до сих пор теплое. И не такое обмякшее, как я ожидала.

А потом оно стонет.

Я отшатываюсь, когда мужчина открывает глаза.

Его взгляд встречается с моим, рот открывается. Он пытается что-то сказать, но получается лишь невнятный хрип.

Я осматриваю его рубашку в поисках источника крови и вижу уродливую рану на животе. Похоже на огнестрельное ранение. В дни, когда существовали медики и работающие больницы, такое ранение, наверное, можно было пережить, но сегодня он никак не выкарабкается. Вот-вот испустит последний вздох.

Я чувствую некую тошноту, но не грусть. Смерть незнакомцев меня уже не трогает.

И если в грузовике есть бензин, мне он нужен.

Неважно, как бы я ни изменилась за последние четыре года, мне не хватит духу вытащить его тело из машины. Пока он еще жив.

— Мне жаль, — говорю я наконец. — Мне хотелось бы помочь, но не думаю, что я могу что-то сделать для вас.

— Ф-Форт-Нокс, — его тихие стоны наконец-то сложились в полноценные слова.

— Что насчет Форт-Нокс?

— Возьми... возьми это... Маршалл. Ищи... волка, — его правая рука шарит в кармане, пока он не вытаскивает скомканный листок бумаги.

Я не хочу ввязываться в то, что он мне пытается сказать. Это наверняка сгубило его самого.

Благородные порывы опасны. Если астероид что-то и доказал, то именно это утверждение.

Выживание — это лучшее, на что мы можем надеяться.

Но этот мужчина тратит остатки своих сил, чтобы передать мне бумажку, так что я ее беру.

Часть ее запачкалась кровью, и я пытаюсь вытереть ее пальцами. Наконец, можно разобрать то, что написано на странице.

Похоже на какую-то беглую записку и рисунок внизу.

— Что насчет Форта Нокс? — снова спрашиваю я, глядя на мужчину.

Вопрос тщетен. Он уже мертв. Я явно вижу это, хотя все равно проверяю пульс.

Это почти облегчение. За свою жизнь я видела слишком много смертей, но мне все равно тяжело смотреть, как кто-то страдает.

Теперь, когда он мертв, я могу забрать грузовик и не особо винить себя за это.

Я протягиваю руку к ключу в замке зажигания. Мотор фырчит, но не заводится.

Бензин закончился.

Я бормочу несколько ругательств и обхожу машину, чтобы открыть багажник.

Ну хоть тут немного повезло. Несколько консервов (персики, бобы и кукуруза) и несколько упаковок макарон с сыром. Еще несколько бутылок воды.

Я не ела со вчерашнего дня, так что хватаю банку, открываю ее ножом и ем персики руками, стоя на обочине. Я перекладываю всю еду в сумку, добавляю столько бутылок воды, сколько могу унести, затем обхожу, чтобы проверить, что на заднем сиденье грузовика не осталось чего-нибудь полезного.

Ничего.

Если я правильно подсчитывала дни, сейчас должен быть август. Жара далеко не такая сильная, как я помню по временам своего детства, но воздух как будто густой и грязный, а урон, нанесенный озоновому слою, сделал лучи солнца более разрушительными, чем раньше.

Я потею так сильно, что пот капает мне в глаза, и задерживаться на обочине опасно.

Я собираюсь пойти обратно к мотоциклу (мой первый и единственный приоритет сейчас — это найти бензин и двигаться дальше), но меня манит окровавленное письмо, что я держу в руках.

Мне стоит просто бросить его и двигаться дальше. Так сделал бы настоящий выживший.

Любопытство сродни сочувствию. В итоге оно тебя губит.

Я все равно читаю письмо.

«Форт-Брэгг пал. Стадо (3000) на пути в Форт-Нокс. Эвакуируйтесь. Ищите символ волка».

Под словами виднеется стилизованный рисунок волка.

Я смотрю на кусок бумаги, и тревога скручивает мое нутро.

Я не понимаю отсылку к волку, но остальная часть записки предельно понятна.

База Форт-Нокс вот-вот будет захвачена стадом из трех тысяч человек.

Если это случится, все, кто еще дорог мне в этом мире, будут убиты или взяты в плен.

Мертвого мужчину послали предупредить, и теперь он никогда туда не доберется.

Я могу попробовать доставить это самостоятельно, но маловероятно, что я переживу дорогу до Форт-Нокс.

Мои внутренности снова бунтуют. Я слишком быстро съела те персики.

— Черт, — мое восклицание слишком громкое и эхом разносится над пастбищем мертвой травы справа от меня и над наполовину вырубленным лесом слева.

Будь здесь Трэвис, он помог бы мне добраться до Форт-Нокс и доставить это сообщение.

Это моя первая мысль.

Я еще не призвала в себе волю сдвинуться с места, когда слышу двигатель. Рев становится громче, а значит, приближается.

Я застываю.

Мне надо убежать в леса и спрятаться там.

«Машина» — значит «человек», а «человек» — значит «опасность».

Но за весь день я не видела на дороге другие транспортные средства.

И маленький назойливый голосок в моей голове продолжает повторять, что Трэвис направляется туда же, куда и я. Он может даже выбрать ту же дорогу.

Может, он нашел машину.

Может, он остановится и еще раз спросит, хочу ли я к нему присоединиться.

На сей раз я могу дать другой ответ.

Я еще не приняла решение, когда вижу приближающийся старый пикап и слишком поздно понимаю, что это не Трэвис.

Автомобиль странно виляет по мере приближения. Внутри четыре человека, и они орут из открытых окон, останавливаясь возле меня.

Я испытываю лишь небольшое облегчение, видя, что одна из них — женщина.

Это не признак того, что мужчины не представляют опасности.

Я поднимаю пистолет.

— Эй, юная леди, — произносит один из них заплетающимся языком, высунувшись из заднего окна. — Что такая красotka, как ты, делает тут одна?

Остальные непристойно гогочут.

Я смотрю на широкое небритое лицо и понимаю, что тут происходит.

Они пьяны. Все они.

— Воу! — говорит водитель, улыбаясь мне из окна. — Опустит пистолет, милая. Мы все хорошие ребята. Нашли этот грузовик. С ключами и со всем. Нашли холодильник, полный пива и всякой еды. Просто катаемся в свое удовольствие. Можешь поехать с нами, если хочешь.

— Нет, спасибо, — теперь я целюсь уже в водителя.

— Не стоит оставаться тут одной, — говорит первый тип. — У нас тут найдется место для тебя.

— Нет. Спасибо.

Теперь я дышу немного легче. Не таких гадких мужчин я боюсь сильнее всего. Они не те, кто примыкает к стадам и силой прокладывает себе путь по миру, насилуя, грабя и убивая по своему хотению. Я вижу это на их лицах.

Но они пьяны. А пьяные мужчины, особенно в группе, сделают такое, чего не совершат трезвые.

Я не опускаю оружие, хотя рука уже дрожит от усталости.

Я собираюсь сказать им ехать дальше, и тут слышу приближение еще одной машины. Мое сердце ухает в пятки. Мужчин в двух машинах я не смогу контролировать так, как мужчин в одной. У меня могут быть проблемы.

Настоящие проблемы.

Другой автомобиль настигает нас прежде, чем я решаю, что делать. Это джип Вранглер старой модели. Я тупо смотрю, как он останавливается, и на дорогу выходит мужчина с дробовиком.

Трэвис. С его непокорными волосами, неулыбчивым лицом и безрукавной футболкой.

И с дробовиком.

Мне стыдно признаться, но я почти скулю от облегчения.

— Что тут происходит? — требует он, располагая оружие у плеча и целясь в грузовик.

— Подумал, что хорошенькой леди нужна помощь, — говорит водитель с нелепой улыбкой.

Трэвис издает грубый гортанный звук и подходит, чтобы распахнуть дверцу с водительской стороны.

— Убирайтесь.

Пассажиры машины тупо смотрят на него.

Он показывает дробовиком.

— Убирайтесь!

— Не вреди им, — пошатываясь, я подхожу ближе к нему. — Они просто пьяные. Они не собирались мне вредить.

Вопреки облегчению от его неожиданного появления, я пугаюсь из-за жесткости в его голосе и лице. Внутри меня все до сих пор кричит, что Трэвис — достойный мужчина, но я видела, как достойные мужчины совершают ужасные поступки. Пару лет назад я помогала охранять периметр города, и мужчина, которого я знала и которому симпатизировала, застрелил и убил странника-оборванца, который продолжал приближаться, хотя было ясно, что бедняга не вооружен и вообще не в себе.

Вещей, которые я всегда принимала как должное (например, то, что нормальные люди будут вести себя нормально), теперь нельзя ожидать по умолчанию.

Трэвис меня игнорирует.

— Выметайтесь!

На сей раз его тон достаточно повелевающий, чтобы пассажиры машины подчинились. Они все вываливаются из пикапа и собираются группой на обочине.

Трэвис наклоняется в салон, выключает двигатель и выдергивает ключи. Затем бросает ключи далеко на пастбище в стороне от дороги.

Пьяные тупо смотрят на него.

— Ключи там, — произносит он так, будто разговаривает с непослушными детьми. — Идите и ищите.

Трое бегут за ключами, но водитель выплевывает:

— Это наше. Ублюдок, — он неуклюже замахивается.

Трэвис почти небрежно ударяет его прикладом дробовика.

Мужчина падает на асфальт и что-то лепечет.

Мои руки потеют так сильно, что пистолет выскальзывает из хватки, так что я убираю его в кобуру. Меня накрывает неожиданная волна тошноты. Я дергаюсь и сгибаюсь пополам, пока желудок сокращается рвотными позывами. Меня тошнит на обочину. Персиками, которые я съела ранее.

Трэвис просто наблюдает за мной. Когда я выпрямляюсь, его глаза пробегаются вверх и вниз по моему телу, может, ища травмы.

— Ты пострадала?

Я качаю головой.

— Они просто очень пьяные.

Теперь они не представляют угрозы. Я вижу, что трое все еще бродят по пастбищу и ищут ключи.

Они наверняка протрезвеют к тому моменту, когда найдут их.

Выбросить ключи было очень хорошей идеей.

Жаль, что я сама до такого не додумалась.

Трэвис кивком головы показывает на джип, на котором он приехал. Я знаю, что он говорит. Он говорит мне садиться в машину. Он даже не произносит слова. Лишь совершает легкое движение головой вбок.

Я колеблюсь лишь несколько секунд.

Ранее сегодня я совершила ошибку, когда отказалась от предложения Трэвиса путешествовать вместе. Я не собираюсь повторять эту ошибку. Даже если позднее он принудит меня к сексу в обмен на защиту (такова реальность женщин в этом мире), я могу с этим справиться.

Я забираюсь на пассажирское сиденье его джипа. Тут два места и крыша, но дверей нет. Намного комфортнее, чем в мотоцикле.

— Ты следовал за мной? — спрашиваю я, когда он забирается на водительское место.

— Я же сказал. Мы направляемся в одно место. Это самый короткий путь, который избегает шоссе и городов.

— Где ты нашел этот джип?

— В городе ранее. В чьем-то гараже. Я ездил на старой развалюхе, но это лучше и подойдет для бездорожья.

— В мотоцикле закончился бензин, так что мне все равно нужна была новая машина. В том грузовике я нашла консервы и воду. Часть я взяла себе, но там есть еще, я не смогла унести.

— Покажи мне, — он переключает передачу и подъезжает к грузовику.

Я подвожу его к бутылкам воды, и он хмыкает — я так понимаю, в знак одобрения. Я до сих пор не видела, чтобы этот мужчина улыбался.

Я освобождаю свой рюкзак от еды и воды, а Трэвис хватает остальные бутылки воды из грузовика. В багажнике джипа у него лежат протеиновые батончики, домашняя вяленая оленина. Еще больше бутылок с водой. Необходимые вещи для разбития лагеря. Еще оружие.

Этот мужчина знает, что делает.

Я на мгновение колеблюсь, затем достаю из сумки упаковку влажных салфеток. Я кладу их вместе с остальными припасами, а также выкладываю солнцезащитный крем и бинты, которые нашла пару дней назад в доме.

— Ты проверила мертвого парня? — спрашивает Трэвис.

— Он мертв.

— Знаю, но ты проверила, нет ли у него чего-то полезного?

— О. Нет, — я снова чувствую тошноту, думая о последних моментах жизни этого мужчины. В руке я все еще держу записку.

Трэвис тратит минуту на осмотр тела мужчины и возвращается с маленьким пистолетом, который кладет с остальным оружием в багажнике джипа.

— Что это? — он кивает на мою руку.

Записка.

Я смотрю на нее, затем медленно протягиваю Трэвису.

— Это было у мужчины. Перед смертью он сказал, что это надо доставить в Форт-Нокс.

Трэвис читает записку, а потом, должно быть, перечитывает снова и снова, потому что долго не поднимает головы.

— Моя бывшая жена сейчас в Форт-Ноксе, — по его голосу я понимаю, что он боится за нее.

— Все мои близкие, что у меня еще остались, сейчас в Форт-Ноксе.

Он облизывает губы.

— Ладно. Мы возьмем это. Стада движутся очень медленно. Им приходится делать так из-за их численности, и они останавливаются в каждом городе для грабежа. Мы наверняка сумеем их опередить.

— Ты так думаешь?

— Мы должны это сделать. Там Шэрил. Все там.

— Ладно. Если удастся найти достаточно бензина, то на джипе мы сможем ехать весьма быстро, даже если придется съехать с дороги.

— В конце концов нам определенно придется съехать с дороги. Но мы поедem как можно быстрее.

— Я не понимаю часть про волка.

Трэвис качает головой.

— Я точно не знаю. Но стада иногда помечают себя. Может, это их метка — чтобы дать нам знать, какое стадо туда направляется.

— О. Может быть. Ну, давай отправляться. Сколько у тебя бензина?

— Примерно четверть бака. Далеко не уедем.

— Тогда попробуем найти еще. По пути должны встретиться заброшенные города.

— Ага, — Трэвис закрывает заднюю откидную дверь джипа, а потом тянется ко мне, вынуждая меня ахнуть и отпрянуть.

Он быстро опускает ладонь, не дотронувшись до меня.

— Прости. У тебя из руки идет кровь. Ты же сказала, что не пострадала.

Я удивленно смотрю на себя.

— Не пострадала. Эти парни мне не навредили. Должно быть, я порезалась, когда шарилась в кузове грузовика. Даже не заметила.

Я снимаю рубашку, у которой теперь порван один рукав, беру предложенную им влажную салфетку и вытираю кровь со своего предплечья. Затем слегка разворачиваю свое тело, чтобы он мог наложить повязку на порез.

Я замечаю, что его глаза задерживаются на моей майке, где влажная ткань льнет к грудям, и чувствую себя странно смущенной, надевая обратно рубашку. Я перестала носить лифчик пару лет назад, когда «косточки» на последнем сломались. Мои груди слегка подпрыгивают при этом движении, и соски отчетливо видны через поношенную ткань.

— Спасибо.

Он что-то бурчит. Затем берет бутылку воду и протягивает мне.

— Попей. Ты выглядишь так, будто вот-вот грохнешься в обморок.

— Ну спасибо, — сухо бормочу я, и сарказм срывается по привычке. Затем я медлю и говорю более искренне: — Спасибо тебе. За то, что остановился и помог, имею в виду. Я все контролировала, но могу и не справиться. Так что спасибо.

Он теперь смотрит вниз, почти как будто я его смутила. Но он не похож на того мужчину, которого можно смутить, так что я не уверена, что он чувствует.

— Любой остановился бы.

— Нет. Не остановился бы. Уже нет. Едва ли кто-то вмешался бы. Так что спасибо.

Он кивает и бурчит что-то неразборчивое. Затем произносит уже другим тоном.

— Нам лучше отправляться в путь, если только ты не хочешь положить что-то еще.

Я сую руку в сумку, убеждаясь, что нет ничего, что надо выложить с припасами. Но все остальное — личные вещи или предметы, которые я хочу постоянно иметь при себе.

— Нет. Это все.

— Тогда запрыгивай.

Я слишком устала, чтобы куда-то прыгать, но медленно забираюсь на пассажирское сиденье.

Трэвис смотрит на меня так, будто ждет чего-то.

— Что? — спрашиваю я наконец.

— Пей воду. Я не хочу смотреть, как ты теряешь сознание.

Я привыкла экономить воду по максимуму, так что жадно пить из новой бутылки кажется роскошью. Но он ждет меня, так что я открываю крышку и делаю пару глотков.

Он кивает, все еще наблюдая за мной. Затем переключает передачу, но держит ногу на педали тормоза.

— Почему ты не пьешь? — спрашивает он излишне ворчливо, когда я опускаю бутылку и делаю несколько глубоких вдохов.

Я награждаю его такой мрачной гримасой, какую только могу изобразить.

— Пью же. Я не хочу пить слишком быстро, чтобы меня опять стошнило. И мне совсем не надо, чтобы мной так командовали.

— Похоже, что все же надо.

Я кошусь на него в тусклом свете. Сейчас примерно послеобеденное время, но из-за постоянной дымки пыли и пепла последние проблески солнечного света меркнут намного раньше, чем должны.

Я честно не могу сказать, серьезен он сейчас или нет.

Поскольку нет ни намека на улыбку, я решаю, что он не дразнится, и мрачней еще сильнее.

Он издает тихий фыркающий звук, которого я не понимаю, и косится туда, где моя сумка соскользнул на пол машины. Я оставила ее не застегнутой, и оттуда выглядывает моя книга.

Я вижу, на чем сосредоточен Трэвис, и быстро наклоняюсь, чтобы сунуть книгу обратно в сумку и застегнуть ее.

— Стихи? — спрашивает он в той же скептической манере, что и ранее этим днем.

Я прищуриваюсь и стараюсь выглядеть грозной. Почти уверена, что толку от этого нет. Во всем виновата та чертова ямочка на подбородке.

— Да. Стихи. Я же тебе говорила ранее.

— Почему ты таскаешь с собой эту книжку? — он смотрит на меня так, будто я выжила из ума.

Может, у него есть основания так считать, учитывая, что стало со знакомой нам цивилизацией.

Я потеряла свою семью. Я потеряла свой город. Я потеряла все, и существует лишь малый шанс, что я выживу и доберусь до Форт-Нокса. И еще меньше шансов, что мы доберемся туда прежде, чем базу захватит стадо. Но я все равно цепляюсь за эту книгу.

Теперь все сводится к выживанию. Стихи больше не имеют значения.

Есть слова, которыми я могла бы объяснить это ему. Слова о надежде. Об остатках утерянной красоты. Об эхе смысла в тусклой реальности.

Но я даже не пытаюсь объяснить.

Может, я и правда сошла с ума.

Читаю стихи после конца света.

Я вообще ничего не говорю.

Глава 2

Мы едем всего час, после чего становится слишком темно, чтобы двигаться дальше.

До случившегося я назвала бы это время ранним вечером, но садящееся солнце уже заслонено стеной грязных облаков и дымки, и вскоре Трэвису придется включить фары, так что мы ищем место, где можно провести ночь.

Ночью теперь слишком опасно бывать на улице. Трэвис, может, силен и хорошо вооружен, но мы с ним вдвоем противостояем всему, с чем можем столкнуться в темноте. Дневной свет — это единственный безопасный вариант.

Мы находим старую ферму с домом за холмом, который едва виден с дороги. Большинство окон разбито, а значит, внутри не будет полезных припасов, но на расстоянии многих миль отсюда нет городов, и уединение фермы все равно кажется более безопасным вариантом.

Мы прячем джип, забираем вещи и входим в полуразрушенный фермерский домик.

— Едва ли тут найдешь консервы или воду, — я окидываю взглядом гостиную, покрытую грязью, паутиной и старыми птичьими гнездами. Большая часть мебели сломана или гниет от погодных условий, проникающих внутрь.

— Да уж. Давай пойдем наверх. Нам нужна лишь одна нетронутая комната.

Состояние верхнего этажа оказывается более хорошим, одна спальня выглядит нетронутой. Дверь закрыта, и тут нет разбитых окон. Это была детская с двумя одноместными кроватями.

Мой желудок скручивает, пока я смотрю на маленькие постели, до сих пор аккуратно заправленные покрывалом с Бэтменом и таким же постельным бельем.

Тут жила семья. Совсем недавно.

— Сгодится, — говорит Трэвис, позволяя мешку припасов соскользнуть на пол. Он наблюдает за мной. — Что не так?

— Ничего.

— Тебе снова плохо?

— Нет. Я в порядке, — я прогоняю жгучее ощущение из горла и головы. Затем подхожу к пыльным шторам, чтобы впустить остатки скудного света. — Тут немного душно. Как думаешь, можно приоткрыть окно?

Трэвис подходит, чтобы хмуро посмотреть в задний двор, выходящий на бывшее пастбище. Теперь там лишь серые холмы, обнесенные кусками проломленного забора.

— Наверное, — он частично приподнимает створку окна. Там даже имеется сетка.

Я сажусь на кровать, снимаю обувь и ремень. Дышу насыщенным вечерним воздухом.

— Тебе нужно что-нибудь съесть, — он шарит в своем рюкзаке и предлагает мне протеиновый батончик и бутылку воды.

— Мне пока нормально.

— Ничего тебе не нормально. Ешь.

Я тупо смотрю на него.

Он сует руку мне под нос.

— Сейчас же.

Я принимаю от него воду и протеиновый батончик, хотя тихонько ворчу из-за его приказов. Я заглатываю в себя еду и минутку сижу, убеждаясь, что она не ползет обратно.

Вроде нет. От скуки я читаю этикетку на батончике и вижу, что срок годности вышел почти год назад. На вкус нормально. Сроки годности уже не имеют значение. Если еда выглядит нормально, ты ее ешь.

Я наблюдаю, как Трэвис толкает комод, располагая его перед дверью, чтобы забаррикадировать ту на случай вторжения. Затем он садится на детский стульчик и чистит свой дробовик, заодно поедая протеиновый батончик.

Я примостилась на краю одной кровати, допивая воду, когда он встает, потягивается с головы до пят и расстегивает ремень.

Мой желудок бунтует, но не от еды.

Если Трэвис окажется извращенным типом, это случится сейчас. Теперь я в западне с этим мужчиной. Ночью. В комнате на втором этаже. Где дверь забаррикадирована тяжелым комодом.

Если он думает, что заслуживает платежа за оказанную мне помощь, то потребует этого сейчас.

Он встает и долго молча смотрит на меня. Наконец, бормочет:

— Спи уже, девочка.

Когда он растягивается на другой кровати, я выдыхаю и наконец-то снимаю рубашку, откидываю одеяло и тоже ложусь.

У него есть несколько свечей и светильник с одной из тех батареек, который должны работать вечно, но этой ночью нет смысла тратить свет впустую.

Мы ничего не будем делать в темноте.

Я рада, что мои инстинкты не ошиблись на его счет.

Я рада, что сказанное им было не просто словами, призванными побудить к подчинению.

Трэвис реально достойный мужчина.

Я чувствую его запах со своего места — запах его тела смешивается с пропитанным сажей воздухом, поступающим из окна. Его отчетливый запах успокаивает. Это означает, что я не одна.

Я в месте, которое настолько безопасно, насколько можно надеяться, к тому же с мужчиной, способным меня защитить. Дверь забаррикадирована. Никто не может попасть в окно без лестницы. И мы в абсолютной глуши.

Я чувствую, как мое тело расслабляется впервые за долгие недели.

— Я чувствую себя лучше, — говорю я в тишине. Еще не полностью стемнело, и я знаю, что Трэвис не спит, потому что время от времени он меняет позу.

Он хмыкает.

— После еды, имею в виду. Спасибо, что заставил.

Он снова хмыкает.

Я поворачиваю голову и хмуро смотрю на него.

— Мог бы общаться не только хмыканьем, знаешь ли.

Он лежит, согнув одну руку и подложив под голову. Другая теребит покрывало. Он им не накрылся. Его оружие на полу возле кровати, рядом с ремнем, к которому прикреплены ножны с охотничьим ножом. Он не поворачивается посмотреть на меня, пока бормочет нечто неразборчивое.

— А это было просто хмыканье из нескольких слогов.

Он поворачивает голову и недовольно смотрит прищуренными глазами.

— Я сказал «спи уже, девочка».

Я закатываю глаза и поворачиваюсь на бок, спиной к нему.

Я пыталась быть милой. Дружелюбной. Завязать разговор в неловкой ситуации. Но это явно выходит за пределы способностей или интересов Трэвиса.

Сегодня днем он говорил больше. Он рассказал мне о себе, но тогда я держала его под прицелом. С тех пор он сообщал мне только практичные факты. Он не хочет знакомиться со мной.

Я не должна жаловаться.

Если он не хочет быть моим другом, то и не нужно. Он может лежать молча и смотреть в потолок до восхода солнца, если ему так вздумается.

Он ничего не просил в обмен на разрешение поехать с ним, так что моим платежом станет то, что я буду терпеть его раздражающе молчаливую натуру без жалоб.

Если он хочет молчаливого спутника, он такого и получит.

В комнате становится прохладнее, так что я накрываюсь одеялом. В целом кровать весьма удобная.

И я правда чувствую себя в безопасности.

Я закрываю глаза и развлекаю себя мыслями обо всем том, что я бы сказала Трэвису, если бы мне было дозволено.

Ему пора подстричься.

Ему надо отвечать на вежливые комментарии не просто хмыканьем.

Мне почти двадцать один год. Ему необязательно называть меня «девочкой».

Мне очень жаль, что его маленькая дочка умерла.

Я надеюсь, что с его женой в Форт-Ноксе все хорошо. Надеюсь, мы сумеем найти ее и остальных жителей Мидоуза, пока не стало слишком поздно.

Чувствует ли он потребность закурить или окончательно справился с этой привычкой?

Считает ли он, что у нас есть шансы добраться до Форт-Нокса, пока стадо не захватило всех знакомых и дорогих нам людей?

У него очень хорошие руки.

Может, завтра он будет дружелюбнее.

Я рада, что он не оказался мерзким типом.

На этой мысли я засыпаю.

Я сплю так хорошо, как не спала многие месяцы. Я просыпаюсь раз или два, едва осознаю окружение, а потом снова засыпаю, когда улавливаю запах Трэвиса. Я не просыпаюсь по-настоящему, пока не чувствую ладонь на своем плече.

— Лейн. Лейн. Пора просыпаться.

Я моргаю, шмыгаю носом и пытаюсь понять, какого черта происходит.

— Светлеет. Нам пора в путь, — Трэвис все еще стоит над моей кроватью, но убрал руку с моего голого плеча.

— Угум, — я заставляю себя сесть, тру лицо и убираю прядки волос, выбившиеся из кос. Глянув в окно, я вижу, что он прав. Тусклые проблески рассвета уже пробиваются во тьме. — Должно быть, я проспала целую вечность.

Он издает бессловесный звук, который я принимаю за подтверждение.

— Ты спал? — спрашиваю я. Он надел обувь и отошел на другой конец комнаты, чтобы открыть карманным ножом консервированные персики. Он выглядит точно так же, как и вчера.

— Ага. Немного, — он пальцами съедает половину персиков в банке, затем протягивает остальное мне.

Я вздыхаю, поскольку после вчерашней рвоты они выглядят не очень аппетитно, но я ни за что не стану тратить еду впустую. Я ем персики, и на вкус они оказываются очень даже ничего.

Поскольку он явно проснулся в неразговорчивом настроении, я не пытаюсь болтать. Доев, я надеваю рубашку, ремень и обувь, а Трэвис отодвигает комод от двери. Мы собираем вещи, идем внутрь и кладем все в машину.

Его визит в туалет занимает больше времени, чем мой, так что я смотрю на свои карты, пока жду.

Вернувшись, Трэвис занимает водительское сиденье и наклоняется над картами вместе со мной.

— Видишь хороший маршрут? Нельзя приближаться к междуштатным дорогам, и лучше избегать этого и вот этого, потому что данные города довольно большие.

Ему не нужно объяснять мне, почему стоит избегать междуштатных дорог и городов.

— Я думала, нам стоит просто напрямик поехать сюда, — я провожу пальцем по карте, прослеживая протяженность старой двухполосной дороги. — Разве не сгодится? Это проведет нас напрямик через всю Западную Вирджинию.

Он еще минуту изучает карту и кивает.

— Ага. Выглядит отлично. Сегодня надо будет найти бензина, иначе джип придется бросить. Высматривай маленькие городки, которые могли остаться не разграбленными.

— Черт. Чтобы добраться до Форт-Нокса, понадобится целая вечность, да?

— Да. Но стада движутся еще медленнее нас, лишь бы нам удавалось найти бензин.

— Ладно. Ну, давай отправляться в путь.

День оказывается длинным и как бы скучным. Время от времени мы натываемся на людей, но большинство идет пешком, а в те два раза, что мы натываемся на другие автомобили, Трэвис немедленно съезжает как можно дальше с дороги, чтобы не столкнуться с ними. Нам приходится остановиться в трех разных заброшенных городках, прежде чем мы находим в гараже машину с бензином в баке. У Трэвиса есть сифонный насос получше моего, так что мы пользуемся им, чтобы перелить бензин в наш джип. В том же доме нет еды или одежды, но я нахожу несколько банных полотенец и полный тюбик зубной пасты вдобавок к нашим припасам.

В остальном мы проводим день в дороге, и Трэвис почти ничего не говорит.

Я стараюсь... правда стараюсь... не раздражаться на него.

Он мне ничем не обязан. Уж точно не обязан разговаривать со мной.

Но все равно... Его что, убьет, если он немного поболтает или улыбнется?

Мы останавливаемся посреди дня, чтобы пописать и размять ноги. Трэвис проверяет двигатель. Как по мне, все работает нормально, но может, он возится с двигателями просто ради забавы.

Я в сотый раз за день смотрю на карту.

— Видишь что-то? — спрашивает он, закрывая капот и возвращаясь на водительское место.

— Ничего нового, — пот стекает по моей шее в ложбинку между грудями. Я пытаюсь отлепить майку от кожи и создать какое-то движение воздуха.

Трэвис так резко отворачивает голову в сторону, что я удивленно моргаю. Затем понимаю, что он наверняка отчетливо видел мое тело под майкой.

Я от природы не худенькая. И мама, и бабушка были невысокими и фигуристыми, и я наверняка была бы такой же, если бы хорошо питалась. Я годами не получала нормальное количество калорий, но мои груди все еще достойного размера.

По крайней мере, я всегда так думала. Питер, единственный бойфренд, что у меня был, с дразнящей улыбкой говорил, что моя грудь вызывает у него желание пускать слюни и тяжело дышать.

Трэвису, похоже, неловко, но он не особо сражен тем, что видит под моей майкой.

— Прости, — я стараюсь не смущаться. Мне нравится считать себя зрелой невозмутимой личностью, но я все равно чувствую, что щеки немного краснеют. — Я не могу перестать потеть.

— Ага. Я тоже, — он поднимает низ футболки и вытирает им лицо.

Мне хотелось бы сделать то же самое, но при этом обнажится такое количество кожи, что Трэвис наверняка выпрыгнет из машины и убежит к холмам.

Я хихикаю от мысленного образа. Не помню, когда в последний раз делала это.

Он бросает на меня быстрый взгляд.

— Прости, — я снова хихикаю.

— Ты в порядке?

— Ага, — я прикрываю рот ладонью в попытках сдержать смех, но это не работает.

— Какого черта? У тебя истерика или что?

— Может быть, — я подавляю очередной смешок. — Прости. Просто подумала кое о чем забавном.

Он заводит двигатель и трогает машину с места. Минуту спустя он спрашивает.

— Не хочешь поделиться, что тебя так развеселило?

Мои губы слегка приоткрываются. Он правда хочет услышать, что меня рассмешило? Он явно улыбаться-то не умеет, так что будет делать с этой информацией?

Я качаю головой.

— Лучше не стоит.

Может получиться неловко, поскольку я смеялась над ним.

Час спустя мы сталкиваемся с проблемами.

Некоторые поселения вдоль этой дороги не ушли и не бросили свои города. И, что вполне понятно, они не хотят, чтобы незнакомцы проезжали за их охраняемый периметр. Они выставили баррикады и не пропустят нас.

Они нормальные люди, совсем как Трэвис и я. Они пытаются защитить себя и спокойно жить своей жизнью, насколько это возможно. Мы не спорим и не пытаемся переубедить их, чтобы те нас пустили.

Но это означает, что нам почти пятьдесят километров приходится пилить по бездорожью, чтобы их объехать.

Один охранник, с которым мы говорим, рассказывает нам о старой горной тропе, которая пролегает по лесу и в итоге выведет нас на ту же дорогу за всеми баррикадами. Пройскав ее почти час, мы с Трэвисом все же находим эту тропу. Езда дается сложно, путь завален опавшими ветками и резко петляет вверх и вниз по горам. Это намного медленнее, чем ехать по дороге, и я даже не хочу думать о том, насколько больше бензина мы тратим.

Мы преодолели лишь половину тропы, когда начинает темнеть.

Вокруг нет домов. Нет никаких построек. Нас окружает лишь полумертвый лес.

— Нам придется разбить лагерь, — наконец, говорит Трэвис.

Я уже пришла к тому же выводу.

— Ладно, — я сглатываю. — Думаешь, мы будем в безопасности.

— Наверное. Вокруг ни души. Едва ли тут еще кто-то будет проезжать.

Он еще несколько минут ведет машину, после чего мы находим хорошее место, ровное и с быстрым доступом к ручью, который течет вдоль тропы.

Он паркуется, и мы принимаемся за дело.

Трэвис копает яму и разводит в ней небольшой костер. Я проверяю воду в ручье, и она оказывается на удивление чистой. Я наполняю большой котелок, имеющийся у нас в запасе, и начинаю кипятить воду над огнем — дополнительная мера предосторожности, чтобы мы не заболели из-за каких-нибудь бактерий. Когда вода вскипит и остынет, мы сможем наполнить все свои пустые бутылки. Пока она кипятится, я открываю банку тушеных бобов и вываливаю ее в котелок поменьше.

Мы подогреваем бобы и едим их с вяленой олениной. Я выпиваю две бутылки воды, и Трэвис делает то же самое. Поскольку у нас будет вода, чтобы сразу же наполнить их, мы можем позволить себе такую роскошь.

На самом деле, ужин получается замечательным.

Закончив, я достаю новый тюбик зубной пасты и втираю небольшое количество в зубы, затем споласкиваю рот.

Я почти и забыла, каково это — ощущать чистоту во рту.

Вдохновившись зубной пастой, я решаю искупаться в ручье. Я хватаю одно из полотенец и беру из сумки наполовину использованный брусок мыла.

Трэвис выдавливает себе зубную пасту, когда я встаю и говорю:

— Я пойду помоюсь.

Он кивает и хмыкает.

— Я имею в виду, реально помоюсь. В ручье.

Я вижу, как понимание отражается на его лице.

— Смотреть не буду.

— Спасибо. Видит Господь, мы оба пахнем не очень хорошо. Тебе тоже стоит подумать о том, чтобы помыться.

Его брови взлетают на лбу.

— Ну не одновременно, — поспешно объясняю я. — После меня, имею в виду. Можешь помыться после меня. Если хочешь.

Черт. Можно ли еще сильнее выставить себя идиоткой?

Он издает один из тех странных, тихих, хрюкающих звуков, что я слышала от него раз или два.

— Понял.

Небо темнеет, но полная темнота еще не наступила, и от костра полно света. Я подхожу к ручью и снимаю грязную одежду, убедившись, что Трэвис изменил позу и сидит спиной ко мне.

Я оставляю на себе майку и трусики, потому что не могу заставить себя раздеться под открытым небом. Затем захожу в ручей.

Ручей довольно крупный, и глубина воды составляет около шестидесяти сантиметров. Мне с лихвой хватает, чтобы намочиться, намылиться и смыть все с себя.

Я наслаждаюсь этим. Очень. Чувствую, как грязь, пот и пыль последних дней смываются с меня прохладной водой.

Я приседаю и наклоняюсь, чтобы опустить под воду всю голову, расплетаю волосы и надеваю резинки на запястье, чтобы не потерять.

Царапая ногтями кожу головы, я жалею, что нет шампуня. За неимением лучше я намыливаю руки мылом и переносу пену на волосы.

Не лучший вариант, но и то хорошо.

Выпрямляясь, я чувствую себя намного лучше. Воздух становится прохладнее с наступлением темноты, но температура вполне комфортная.

Я смотрю в сторону Трэвиса. Он до сих пор сидит в той же позе. Его спина прямая как кол.

Наверное, он даже не испытывает искушения глянуть в мою сторону.

Мои женские прелести его явно не прельщают.

Интересно, как выглядела его жена.

Одновременно с этой глупой мыслью я что-то слышу. Внезапный звук, заставляющий меня дернуться и тихонько вскрикнуть.

Трэвис уже вскочил на ноги и шагает в направлении шума.

Я обхватываю руками свое туловище и стою в неглубокой воде, одетая лишь в промокшую белую майку с трусиками, и наблюдаю, как Трэвис отправляется на разведку.

— Оставайся здесь, — отрывисто говорит он, продолжая идти в направлении звука.

На минуту он растворяется в сгущающейся темноте и деревьях.

Я в совершенно беспомощном положении, и мне это не нравится, так что я вброд выхожу из ручья и выхватываю пистолет из кобуры рядом с одеждой.

Я держу его наготове, когда Трэвис возвращается.

Он качает головой.

— Ничего там нет. Думаю, просто ветка сломалась и упала.

Я расслабляюсь и нагибаюсь, чтобы положить пистолет обратно.

Когда я выпрямляюсь, Трэвис смотрит на меня. Его глаза фокусируются на моем лице, а потом опускаются ниже. Его плечи напрягаются. Щеки слегка краснеют. Он втягивает странный маленький вдох, и его взгляд еще раз быстро пробегается по моему телу.

Затем он дергается и хмуро смотрит на меня.

— Проклятье, женщина. Прикройся. Ты такая мокрая, что с таким же успехом могла бы стоять голышом.

Я тянусь за полотенцем и хмуро кошусь на него в ответ.

— Тебе необязательно быть таким злыднем. Мы услышали странный звук, так что я подумала, что пистолет важнее моей скромности.

Он хмурится намного драматичнее, чем когда-либо прежде, и поворачивается ко мне спиной.

— Скажи, когда будешь в приличном виде.

Я вздыхаю и вытираюсь. Мысль о том, чтобы надеть грязную одежду на прекрасное чистое тело вызывает рвотные позывы.

— Я завернусь в полотенце, пока моя майка и трусики не высохнут.

Трэвис неразборчиво бурчит. Затем, минуту спустя, спрашивает.

— Прикрылась?

Я подтыкаю край полотенца, чтобы оно надежно держалось на груди.

— Да. Прикрылась. Иисусе, Трэвис. Ты как будто никогда в жизни голой женщины не видел.

Он бросает на меня косой взгляд, поворачиваясь лицом, но ничего не говорит.

Я бы предпочла, чтобы он со мной спорил. Тогда у нас хотя был бы нормальный разговор, а не та ситуация, где один хмыкает в ответ на попытки поддерживать нормальную человеческую беседу.

Я забиваю болт на этого раздражающего мужчину и сажусь перед огнем, чтобы расчесать волосы. На это уходит много времени, потому что волосы у меня длинные и густые, а я три дня не расчесывала косы.

Трэвис подходит, чтобы взять полотенце из кузова.

— Что делаешь? — спрашиваю я.

— Пойду помоюсь, раз ты говоришь, что я воняю.

— Я не хотела быть грубой. Я же тоже воняла.

Единственным ответом служит очередное неразборчивое ворчание.

— Вот, — говорю я, поворачиваясь в его сторону с маленьким кусочком мыла. — Можешь взять... — я шумно сглатываю, потому что Трэвис наполовину снял футболку.

Мой взгляд безошибочно падает на широкую мужскую грудь перед моими глазами.

Это совершенно прекрасная грудь. И его пресс плоский и хорошо очерченный. На груди у него растет немного светлых волосков, и мне очень нравится, как это выглядит. А от правой подмышки до пупка у него пролегает тонкий белый шрам.

Я перевариваю это в те несколько секунд, что требуются ему, чтобы стянуть футболку через голову.

— Прости, — говорю я, и мои щеки горят. Это нелепо. Ничего же не случилось, просто он снял футболку. — Я просто хотела дать тебе мыло, если хочешь.

— О. Да. Спасибо, — он берет мыло и ждет, пока я отвернусь, прежде чем делать что-то еще.

Я сижу на камне у огня, спиной к нему, и заканчиваю расчесывать волосы. Я слышу, как он движется. Шорох одежды. Плеск воды.

Интересно, остался ли он в трусах, как я. Наверняка.

Мне интересно, какое у него нижнее белье.

Мне очень хочется повернуть голову и взглянуть украдкой.

Но это было бы грубо. И неприлично.

Он не подглядывал за мной, так что я тоже не могу подглядывать за ним.

Вместо этого я сосредотачиваюсь на расчесывании своих мокрых волос.

— Мыла больше нет.

Услышав его слова, я поворачиваюсь, не подумав. К моему облегчению (разочарованию?), он уже надел джинсы и сушит волосы полотенцем.

— Ничего страшного. Может, мы найдем еще мыло в каком-нибудь доме или типа того, — я справилась с колтунами в волосах, но еще не заплела обратно. Я вижу, как Трэвис косится на них, будто его что-то удивляет. — Я пойду сполосну рубашку. Хочешь, твою тоже постираю?

Он моргает, будто не понимает, что я предлагаю.

— Трэвис?

— Что? О. Да. Конечно. Спасибо, — он все еще елозит полотенцем по волосам. Он делает так уже давно.

Я беру свою рубашку, затем подхватываю его футболку по дороге к ручью, где намачиваю обе вещи и пытаюсь отскрести хотя бы часть грязи и пота.

Обе вещи в плохом состоянии, но мы ничего не можем поделать. У нас обоих нет запасной одежды.

Закончив стирку, я поворачиваюсь и обнаруживаю, что Трэвис сидит на моем камне у огня и бреется опасной бритвой.

— Ты можешь делать это без зеркала? — спрашиваю я с искренним любопытством.

— Если действовать осторожно, то да.

Я с интересом наблюдаю.

— У тебя есть ножницы? Тебе стоит подровнять волосы, раз уже ты настроился приводить себя в порядок.

Его губы изгибаются.

— Нет. Ножниц нет. Но если хочешь наводить марафет, тебе лучше позволить мне отрезать эту твою гриву ножом.

Я ахаю и поднимаю руку к волосам.

— Зачем мне их обрезать?

— Их слишком много. Если на тебя кто-то нападет, то будет очень легко схватить тебя за волосы.

Я разделяю волосы посередине и начинаю плести.

— Я не стану обрезать волосы только из-за этого. Если кто-то сумеет схватить меня, то они поймут меня хоть с длинными волосами, хоть без них.

Он пожимает плечами и проводит бритвой по оставшимся участкам подбородка. Он еще не порезался, даже не имея крема для бритья.

Это глупо. Я знаю, что это глупо. Но меня беспокоит, что он хочет отрезать мои волосы.

Мне нравятся мои волосы. Они всю мою жизнь были длинными. Все всегда говорили, как это красиво.

Моя грудь и мои волосы. Это единственные мои преимущества в плане внешности.

А Трэвис назвал их гривой.

Я заканчиваю плести косы. Мои трусики по большей части высохли, так что я встаю и подхожу к месту, где оставила джинсы. Я бросаю полотенце и прежде, чем Трэвис успевает издать хоть гортанный звук возмущения, я натягиваю джинсы по ногам.

Спать буду в джинсах и майке, как и прошлой ночью.

Остальные наши вещи сушатся у огня. Нас окружает лишь темнота и тишина. И вообще ни капельки неважно, что Трэвис хочет отрезать мои волосы.

Он вытирает лицо влажным полотенцем.

— Я все сбрил?

Я подхожу ближе, а он приподнимает подбородок, показывая выбритое лицо.

Он обладает более привлекательной внешностью, чем я думала изначально. Я понимаю это, всматриваясь в его лицо. Вчера я думала, что его глаза серые как сталь, но они оказываются серо-голубыми и меняют оттенок в зависимости от освещения. Мне нравится его сильный подбородок и точеные скулы.

На нем нет рубашки, и это мне тоже нравится.

Сейчас я так близко к нему. Хотя мы только что помылись, я все равно улавливаю легкие нотки запаха Трэвиса. Он знаком мне спустя всего два дня.

Неожиданный завиток жара сворачивается в моем животе.

— Ну? — спрашивает Трэвис ворчливо. Он трет лицо, ища пропущенную щетину.

Я отстраняюсь, чувствуя, что мои щеки снова краснеют.

— Похоже, ты не пропустил ни волоска. Как нам спать?

Несмотря на размытый вопрос и отсутствие продолжения, Трэвис понимает, о чем я спрашиваю.

— В джипе есть спальный мешок. Только один, но мы здесь не можем спать одновременно. Надо, чтобы один оставался на страже.

— Логично. Можно спать по очереди, — я иду за спальным мешком, при этом осознавая, что действительно чувствую себя хорошо.

В моем желудке есть еда. Я выпила предостаточно воды. Я относительно чистая. Я до сих пор ощущаю привкус зубной пасты. Трэвис, может, и раздражает, но он не мерзкий тип. И я готовлюсь ко сну.

Я и не осознаю, что напеваю себе под нос, пока расстилаю спальный мешок у огня, очень близко к месту, где Трэвис сидит на камне.

— Что это? — спрашивает он внезапно.

— Что именно?

— Песня. Звучит знакомо.

Мне приходится заново пропеть несколько нот, чтобы сообразить, что за песня крутилась у меня на уме.

— О. Это бабушкина любимая, — я колеблюсь. Затем начинаю петь первые строчки.

«Будь моим видением, О Господь моего сердца;

Для меня нет ничего, кроме спасения, которым ты являешься».

У меня не очень хороший голос. Не такой, как у бабушки. Но я умею попадать в ноты, и звуки моего пения не отвратительны.

Трэвис не сводит с меня глаз, когда я умолкаю.

— Знаешь ее? — спрашиваю я, внезапно засмущавшись.

— Ага. Твоя бабушка иногда пела ее в церкви. Мне всегда нравилось.

Мне она тоже всегда нравилась.

На мгновение я скучаю по ней так сильно, что щиплет глаза.

Я не плакала, когда она умерла. Не могла. В человеческую душу встроена защитный механизм. Ты доходишь до точки, когда потери столь колоссальны, что та часть твоей души, которая болит при потере чего-либо, просто отключается. Ты немеешь.

Я даже не могу переварить, что означает тот факт, что за последние четыре года умерли миллиарды людей.

Что почти все мои близкие мертвы.

Что моя бабушка умерла всего несколько дней назад.

Я не могу это переварить. Это давит подобно грузу на груди, но не заставляет плакать.

Это просто есть.

— Ты знаешь всю песню? — спрашивает Трэвис, и его хрипловатый голос перебивает мои мысли.

— Да.

Он колеблется, будто ждет. Затем:

— Ну и?

Я фыркаю от тихого веселья. Затем пою ему всю песню, сидя на коленях поверх спального мешка.

Я не пела несколько лет. Это странно. Эмоционально.

Закончив, я не знаю, что делать, и Трэвис ничего не говорит.

Но он слушал. Я видела, что он слушал.

Наконец, я сбрасываю с себя странный транс. Я встаю, чтобы пописать за деревом, потом складываю последнее сухое полотенце в качестве подушки и забираюсь в спальный мешок, чтобы прилечь.

— Я посилю половину ночи. Просто разбуди меня, когда придет твой черед.

Он хмыкает.

Я сажусь и смотрю ему в глаза.

— Ты не можешь бодрствовать всю ночь. Тебе тоже нужен сон. Пообещай, что разбудишь, когда будет моя очередь стоять на страже.

Он бросает на меня нетерпеливый взгляд и издает очередной невнятный звук.

— Хмыканье — это не ответ. Пообещай.

— Проклятье, девочка, а ты упрямая. Ладно. Обещаю.

Я киваю, довольная своей победой, и вытягиваюсь в спальном мешке.

Он толстый, теплый и сильно пахнет Трэвисом. Земля твердая и неровная, но мне вполне комфортно, чтобы заснуть.

Мне нравится потрескивание огня. Мне нравится, что Трэвис сидит так близко, что я могу протянуть руку и дотронуться до него, если захочу. Мне нравится, что в кои-то веки я не ощущаю запах собственного пота при каждом движении.

Я лежу на спине, закрыв глаза, и слушаю ночь.

Минуту спустя я понимаю, что именно слышу помимо звуков огня и ручья. Мои глаза распахиваются.

— Насекомые!

Трэвис меняет позу.

— Чего, блин?

— Насекомые. Прислушайся. Слышишь?

— Да. Не очень много. Но что-то есть. Сверчки. Кузнечики.

— Я так давно вообще их не слышала, — я улыбаюсь в небо. — Я помню, в детстве летними ночами они были такими громкими, что даже хотелось зажать уши.

— Ага.

— Может, ученые были правы. Может, планета в итоге все же оправится. Они говорили, что потребуется несколько лет, но это случится. Может, мир вернется к жизни.

— Может.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на его лицо в оранжевых отсветах пламени. Он наблюдает за мной. Не улыбается, но в кои-то веки не выглядит мрачным.

— Может, когда мы будем старыми, то снова пойдем в поход, и леса будут зелеными, наполненными насекомыми, птицами и сверчками. Кроликами. Белками. Енотами. Опоссумами.

— И оленями, — хрипло бормочет Трэвис.

— И оленями. Раньше их было так много, что они бродили даже по нашему району. Подходили прямо к заднему крыльцу и жевали цветник моей бабушки, — я хихикаю. — Она так злилась. А я тайком выходила с утра и бросала им яблоки.

— Не надо было их кормить.

— Знаю, — я бросаю на него притворно мрачный взгляд. — Но они были такими миленькими, когда уминали яблоки, — я глубоко дышу, окруженная спальным мешком, теплом от огня и тьмой ночи. — Послушай насекомых. Я думала, что больше никогда их не услышу.

Мы оба долго слушаем. Через несколько минут я поворачиваю голову, чтобы посмотреть, что делает Трэвис, и замечаю, что он отворачивается от меня.

Я гадаю, о чем он думает.

Скорее всего, я никогда не узнаю.

Он не тот мужчина, который впускает других к себе в душу.

— Спой еще раз.

Его прямолинейные слова меня удивляют, и мой взгляд невольно снова взлетает к его лицу.

Его выражение непроницаемое, но теперь он смотрит мне в глаза.

— Спой еще раз, — повторяет он, и его тон смягчается почти до мольбы.

Так что я пою. Я снова пою песню, лежа и глядя во тьму надо мной.

Есть нечто странно злое в звуках моего голоса под открытым небом. В смысле старых, знакомых слов. Мой голос несколько раз срывается на последних строчках.

«Сердце сердца моего, что бы ни случилось.

Будь по-прежнему моим Видением, О Правитель всевышний».

Когда я заканчиваю петь, мы оба не говорим ни слова, так что мой голос словно задерживается в воздухе, смешиваясь с другими звуками ночи.

Я думаю о том, что чувствовала, когда пела эту песню в детстве. Иногда я чувствовала присутствие, поднимавшееся во мне, воспарявшее, тянувшее так, будто моя душа устремлялась в небеса.

Я больше не верю в эти слова. Я больше не верю в Бога, который заботится обо всех нас. Я не могу представить, чтобы кто-то о нас заботился.

Любимая песня моей бабушки, может, по-прежнему прекрасна, но в ней больше нет смысла. Только не после всего случившегося.

Или, может...

Может, сейчас она значит еще больше.

Гимн веры во времена конца света.

Я засыпаю под тихий хор насекомых, которые, как я думала, погибли навсегда.

Глава 3

Я не просыпаюсь, пока не чувствую, как кто-то аккуратно трясет меня за плечо.

— Моя очередь? — мямлю я, сразу понимая, где я и что происходит.

— Да. Если ты нормально себя чувствуешь, — Трэвис склоняется надо мной. Я вижу его в свете костра. На нем до сих пор нет рубашки.

— Я в порядке, — я неуклюже выбираюсь из спальника и сажусь на камень, где ранее сидел он. На земле стоит полупустая бутылка воды, которую он, наверное, потягивал, так что я тянусь к ней и делаю несколько глотков, стараясь окончательно проснуться.

Он уходит в темноту. Пописать, наверное. Затем возвращается и опускается на спальник, положив дробовик и нож в пределах досягаемости, затем расстегивает спальник и небрежно накрывается верхней частью.

Полагаю, он не хочет застегивать молнию, чтобы в случае необходимости суметь быстро вскочить на ноги.

— Время от времени шевели угли в костре, чтобы не погасло, — он кладет голову на то же полотенце, что я использовала в качестве подушки. — Я всегда сплю чутко, так что сразу проснусь, если будут проблемы.

— Ладно. Все будет хорошо. Поспи.

Мы больше ничего не говорим. Трэвис закрывает глаза. Его дыхание выравнивается меньше чем за минуту, и я практически уверена, что он уже спит.

Ночь долгая, и компанию мне составляют лишь размеренное дыхание Трэвиса да собственные мысли.

Я осознаю, что наблюдаю за ним, пока он спит.

У него на шее шрам длиной два с лишним сантиметра, полосой отходящий от его левого уха. Его волосы высохли, торча в разные стороны, а в передней части пробора образовался чуб.

Одна его рука лежит поверх спальника, и волосы на предплечье как будто светятся в отсветах костра.

Он не храпит, но шумно дышит. Это странно успокаивает.

На мой шестнадцатый день рождения бабушка и дедушка купили мне подержанную машину, на которой ездили уже четыре года. У нее была плохая коробка передач, так что мне приходилось гонять ее в мастерскую Трэвиса на ремонт почти так же регулярно, как и для обычного обслуживания.

Сидя в ночной тиши, я стараюсь вспомнить каждую деталь моих взаимодействий с Трэвисом в тот период.

Я никогда особо не думала о нем. Я знала, что он женат. Я никогда не воспринимала его как привлекательного или интересного парня. Мне не нравился запах сигаретного дыма, всегда витавший вокруг него.

Он был просто мужчиной, который чинит мою машину. Ничуть не примечательнее мясника в местном продуктовом магазине или парней, которые вывозили мусор.

Маленький кабинет у мастерской всегда пребывал в бардаке, стол завален бумагами, казалось, многолетней давности. У него всегда был термос с кофе. И футболка с эмблемой политехнического университета Вирджинии. Я помню фото новорожденного младенца в рамке рядом с этой кепкой.

Наверное, его дочка, Грейс.

Однажды, когда я пришла забрать машину, он разговаривал по телефону. Он показал извиняющийся жест, заканчивая разговор.

Не знаю, почему я запомнила, что он говорил звонившему. Тогда меня это вовсе не интересовало. Но сидя на камне, посреди леса, рядом со спящим Трэвисом, я вспоминаю большую часть слов.

«Мне надо идти, Шэрил... Да... Да. Я знаю... Можем поговорить об этом сегодня вечером... я же сказал, что сожалею... я знаю, но это же ты недовольна... я ничего не могу поделать».

Он повернулся ко мне спиной, заканчивая разговор, и прошел в дальний угол кабинета. Однако я все равно слышала его.

«Это неправда... я никогда ничего такого не делал... Шэрил, прекрати. Я не могу сейчас все это обсуждать. У меня клиент пришел».

После этого он повесил трубку. Я передала ему чек, который дедушка дал мне для оплаты, а затем уехала в своей машине. Я никогда не задумывалась о том разговоре.

Даже в самых бурных своих фантазиях я не думала, что буду сидеть так близко к этому мужчине. Что буду слушать, как он спит. Что буду гадать насчет его нижнего белья.

Что он будет всем, что осталось у меня в этом мире.

Теперь я понимаю, что в тот день он наверняка ругался с женой по телефону. Ее звали Шэрил. Он упомянул это вчера. Я по-прежнему ничего о ней не знаю, но он явно до сих пор любит ее.

Его страх за ее безопасность — единственная настоящая эмоция, которую я замечала за ним... помимо потери его дочери.

Пару часов я сижу на камне, не шевелясь и допивая бутылку воды, начатую Трэвисом. В итоге мне приходится встать, чтобы пописать.

Когда я возвращаюсь, Трэвис все еще спит, но слегка ворочается, будто бессознательно ощутил, что что-то изменилось.

Я снова сажусь на камень, и он протягивает одну руку к моей ноге. Его пальцы легонько обхватывают мою лодыжку.

Я кошусь на его лицо, но он все еще спит.

Я не убираю ногу. Остаток ночи он держится за мою лодыжку.

Следующие два дня проходят в дымке дискомфорта и монотонности. Нам удается съехать с тропы и вернуться на дорогу, но потом мы остаток дня ищем бензин.

В итоге мы находим пару галлонов топлива в старом пикапе, припаркованном рядом с уединенной хижинкой, и в итоге проводим там ночь. Мы по очереди спим на маленькой кушетке, поскольку Трэвис не считает, что в хижине достаточно безопасно.

На следующий день мы натываемся на более охраняемые города, так что снова вынуждены съехать с дороги. Той ночью мы разбиваем лагерь, но ночевка получается не такой компанейской, как в первый раз.

Трэвис снова вернулся к хмыканью и безмолвным взглядам. Это ощущается как та первая ночь на одноместных кроватях. А не как тот долгий вечер у ручья.

Он снова крепко отгородился.

Это нелепо, но я скучаю по нему.

Утром пятого дня мы наконец-то добираемся до Кентукки.

Поскольку бензина опять мало, мы сверяемся с картой и направляемся в маленький городок недалеко от дороги. К нашему облегчению, он заброшен. Главная улица основательно разграблена, но мы обыскиваем районы на окраинах, где дома в более хорошем состоянии.

Мы находим тот, что не выглядит так, будто в него вламывались, и заглядываем в гараж, где видим машину.

— Да! — я улыбаюсь, отходя на шаг. — Уверена, в баке есть бензин.

— Будем надеяться.

Трэвис пинком открывает боковую дверь. В машине есть бензин. Мы наполняем джип и находим на полке в гараже канистру для бензина, так что наполняем и ее, чтобы взять с собой.

— Можно и дом проверить, раз уж мы здесь, — говорю я, и Трэвис кивает в знак согласия.

Он пинком ломает заднюю дверь. Внутри все опрятно. Нет разбитых окон.

Я задерживаю дыхание, пока мы стоим бок о бок на кухне и открываем дверцы шкафчиков.

Полки полны еды.

Многое давно испортилось — хлеб, крекеры, батончики гранолы, печенье — но тут есть консервы.

Целые полки консервов.

— О боже! — выдыхаю я, доставая две банки стручковой фасоли и обнаруживая за ней консервированные супы. — Господи, ты посмотри на это!

Трэвис хмыкает.

Не знаю, почему я ожидала другой реакции.

В шкафчике под раковиной я нахожу скомканные пакеты и начинаю складывать в них консервные банки. Трэвис берет другой пакет и кладет туда соль, перец, острый соус, а также консервированную ветчину и тунца, найденные в соседнем шкафчике.

Я улыбаюсь как идиотка, когда мы ставим пакеты у двери и начинаем обыскивать остальной дом.

Я нахожу маленькие бутылочки шампуня и кондиционера — такие, которые обычно дают в отелях. Трэвис находит сейф с оружием. Ему не удается вскрыть сейф, но рядом ящик с патронами, и некоторые подходят к нашему оружию. В подвале обнаруживаются четыре большие бутылки питьевой воды.

А в хозяйской спальне комод и шкаф с одеждой.

Я хихикаю, копаясь в ящике с нижним бельем, и нахожу несколько пар относительно новых хлопковых трусиков, которые могут подойти мне по размеру. Я проверяю лифчики, но они слишком маленькие, да и мне все равно не хочется их носить.

Они никогда не были особо удобными.

В соседнем ящике — мужское нижнее белье. Я достаю серые боксеры и расправляю их, чтобы оценить размер.

Трэвис стоит на четвереньках в шкафу и роется в обуви.

— Похоже, эти тебе подойдут, — говорю я. — Хочешь прихватить парочку?

Трэвис выпрямляется и оборачивается. Может, я воображаю это, но кажется, будто его лицо слегка краснеет.

— Конечно, — мямлит он, опуская взгляд обратно к обуви. — Похоже, женская обувь будет тебе велика, а мужская мне мала.

— Естественно. Но хотя бы мы нашли одежду. Тут есть мужские футболки, и мне тоже кое-что подойдет.

— Не бери слишком много. У нас нет места для всего, — его голос слегка приглушается шкафом.

— Не буду. Женские джинсы все равно слишком длинные для меня, но хотя бы у меня будет пара запасных футболок, — в нижнем ящике комода я нахожу спортивные штаны и пижамы. Я беру серые штаны для Трэвиса и плотные черные леггинсы для себя.

Здорово будет переодеться во что-нибудь на ночь или на то время, что мы стираем джинсы.

Я поглаживаю красивую сорочку из красного шелка и вдруг чувствую, что Трэвис стоит позади меня.

— Ты же не собираешься взять ее, нет?

— Нет, — я вздыхаю и встаю, чтобы собрать свои находки.

Я хочу эту сорочку. Хочу так сильно, что слюнки выступают.

Но в моей жизни нет места для красивого белья.

Мы тащим все к джипу, и у нас уходит почти полчаса, чтобы навести порядок в багажном отделении и уместить все, что мы нашли.

Я так рада всему, что мы прибавили к нашим припасам, что хлопаю в ладоши, когда Трэвис ставит на место последнюю бутылку воды.

Мне нравится выражение его лица, когда он поворачивается ко мне. Он не улыбается. Он никогда не улыбается. Но его лицо расслаблено, и блеск в глазах подсказывает, что он чувствует то же самое.

Не подумав, я кидаюсь на него, обнимая.

Он не обнимает в ответ. Во всяком случае, сразу же. Он напряженно стоит, пока мои руки обхватывают его. И потом его ладони медленно поднимаются, чтобы легонько лечь на мою спину в районе ребер.

Я буквально на минутку утыкаюсь лицом в его футболку, затем отстраняюсь.

Трэвис смотрит на меня, и его глаза выглядят очень голубыми. А уголки его рта капельку приподнялись.

Я ахаю.

— Ты улыбаешься?

— Что?

— Ты реально улыбаешься?

— Нет, конечно, — но его губы снова подергиваются, почти неуловимо.

Я хихикаю и снова обнимаю его. Буквально быстрое сжатие рук.

— Да, улыбаешься. Ты можешь сколько угодно строить из себя ворчуна и стойка, но я тебя знаю, Трэвис Фаррелл. И эта новая добыча радует тебя не меньше, чем меня.

Он бурчит что-то невнятное и легонько подталкивает меня к машине.

— Пора ехать.

На пути к городу мы минуем магазин «Доллар Джeneral»¹.

Стекло витрины разбито, помещение кажется абсолютно разгромленным, так что едва ли внутри найдется что-то полезное.

Но не проверить будет глупо. Трэвис останавливает машину.

— Я пойду и взгляну, — говорит он. — Пересядь за руль.

Я подчиняюсь, не задавая вопросов.

— Держи пистолет наготове, — продолжает он серьезно. — Если увидишь какие-то проблемы, уезжай.

— Я тебя не брошу! — мне приходится выкрикнуть эти слова ему в спину, потому что он уже исчезает в разбитой витрине.

Проходит несколько минут, и я слышу что-то с дороги.

Не шум двигателя, но звуки голосов.

Я берусь за пистолет, но ни за что не стану уезжать и бросать Трэвиса в опасности. Во всяком случае, пока у меня есть выбор.

Плывать, что он мне сказал. Я этого не сделаю.

Прицелившись из пистолета в приближающиеся голоса, я расслабляюсь, когда первым делом вижу маленьких детей на великах.

За ними следуют три женщины и два мужчины. Все едут на велосипедах.

Наверное, если нет машины, то велосипед все же лучше, чем ходить пешком.

— Тебе не нужно переживать из-за нас, дорогая, — кричит одна из женщин, заметив меня. Она выглядит лет на пятьдесят, и у нее приятная улыбка. — Мы просто проезжали мимо.

Я киваю, но ничего не говорю. Я опускаю пистолет, но держу его наготове. Я не хочу целиться в детей, но также хочу быть готова, если эта группа окажется не такой безобидной, как выглядит на первый взгляд.

— Ты одна? — спрашивает та же женщина, останавливаясь рядом с пассажирским сиденьем джипа.

— Нет.

¹ Товары стоят один доллар.

Доллар Джeneral — магазин, в котором все

— Уверена? Тебе не грозит опасность от нас, и в группе безопаснее, — она кивает в сторону одного из мужчин — сидящего парня с косматой бородой и пистолетом в наплечной кобуре. — У Джимми нет женщины. Он о тебе очень хорошо позаботится.

Я бегло кошусь на Джимми и с трудом сохраняю нейтральное лицо.

— Нет, спасибо.

— Не стоит отказываться так быстро. Такой красотке, как ты, нужен мужчина.

— У меня есть мужчина, — говорю я, не подумав.

— У нее есть мужчина, — голос эхом вторит моему. Более низкий. Более хриплый.

Более громкий.

Трэвис.

Пока мы говорили, он вышел из магазина и теперь подходит ко мне, кладя руку на мое плечо.

Это кажется значительным. Собственническим. Будто он заявляет права.

Я чувствую тот тугой завиток жара внизу живота, который ощутила пару дней назад у ручья.

— Я ее мужчина, — говорит Трэвис грубым и запугивающим тоном. Он закинул дробовик на плечо. Не так, как для выстрела, но явно на виду. — Так что вы все можете отвалить.

— Мы не хотели ничего плохого, — говорит первая женщина. Она кажется удивленной и слегка разочарованной, но, похоже, не собирается спорить. — Извините. Мы подумали, что она одна.

— Не одна.

— Но все равно спасибо, — говорю я с улыбкой, желая завершить разговор, пока никто не разозлился. — Я ценю предложение, но он хорошо обо мне заботится. Удачи вам.

— И вам! — женщина и один из мужчин (не Джимми) машут, когда группа уезжает на своих велосипедах дальше по дороге.

Трэвис хмурится и слегка подталкивает меня рукой. Я перебираюсь на пассажирское место, позволяя ему сесть и снова вывести джип на дорогу.

Я машу, когда мы проезжаем мимо велосипедистов, и они скрываются из виду буквально за минуту, когда Трэвис прибавляет газу.

Он прищуривается и сердито смотрит на меня.

— Я же сказал тебе уезжать, если кого-то увидишь.

— Ты сказал мне уезжать, если будут проблемы. А проблем не было. Эти люди безобидны.

— Ты не могла знать этого наверняка.

— Нет, могла. Они думали, что я одна, и их предложение было искренним.

— Искренним? — цедит Трэвис, глядя на дорогу перед нами.

— Да, искренним.

— Ты хотела поехать с ними? — теперь он бросает на меня быстрые взгляды.

— Конечно, я не хотела поехать с ними. Но они не хотели навредить.

— Они хотели подложить тебя в постель этому старику!

Его ворчливое возмущение делает меня странно неуверенной. Понятия не имею, почему. Но растерявшись, я говорю то, что вообще не имеет значения.

— Не думаю, что он прямо старик. Ему, наверное, сорок с небольшим.

— А тебе-то сколько? Двадцать один? Ты реально хочешь его трахнуть?

— Нет, конечно! В чем твоя проблема? Я просто говорю, что в этом не было ничего страшного. Тебе необязательно рычать и свирепеть из-за этого. Со мной все было нормально.

— Ладно.

— Со мной все было нормально.

— Ты это уже сказала.

— Хорошо, — я заставляю себя расслабиться и перестать спорить. У меня нет оснований чувствовать себя вот так.

И у меня нет оснований смаковать воспоминание о том, как вес ладони Трэвиса ощущался на моем плече, и как хрипло звучал его голос, когда он сказал, что он мой мужчина.

Какое-то время мы едем молча.

Я думаю, почему мне могла понравиться мысль о том, что Трэвис мой мужчина, и что это может говорить обо мне.

— Ты сердишься? — спрашивает Трэвис через пару минут.

— Нет.

— Подумал, что лучше отпугивать таких людей, чтобы они не выдумывали себе всякое.

— Я понимаю и не сержусь.

— Тогда что не так?

Если я узнаю Трэвиса получше, то и он явно начинает узнавать меня.

— Ничего, — я качаю головой и пытаюсь найти слова. — Просто из-за этого я странно себя чувствую.

— Из-за чего?

— Из-за идеи, что мне нужен мужчина.

Я рискую покоситься на него и вижу, что он изучает меня с задумчиво нахмуренным лицом.

Я пытаюсь объяснить.

— Понимаешь, еще не так давно подобное мне бы и в голову не пришло. Меня воспитывали с убеждением, что женщина может сделать все то же самое, что и мужчина. Со знанием, что я могу быть независимой. Жить одна, если захочу. Или жить с кем угодно, как угодно. Идея того, что я не в безопасности, если у меня нет мужчины, который обо мне заботится... — я прочищаю горло. — Просто... это до сих пор ощущается странным.

— С тех пор многое изменилось.

— Знаю. Обычно я даже не думаю об этом, но иногда это прямо ударяет по мне. И... не знаю... мне хотелось бы снова почувствовать себя независимой. Мне хотелось бы не ощущать себя такой маленькой и беспомощной в этом новом мире.

— Ты и правда миниатюрная.

Я корчу гримасу.

— Я в курсе.

— Нет. Я имею в виду, в этом все дело. Несколько лет назад жизнь не сводилась к твоим физическим размерам. Ты могла позаботиться о себе без мужчины, потому что жизнь не сводилась к борьбе за выживание. Но теперь мы выживаем. Так, как это было в прошлом. Мужчины сильнее. Не все, но в целом мы сильнее. И это играет важную роль, когда ты сражаешься за свою жизнь. Дело не в том, что тебе чего-то недостает, Лейн. Просто ты не такая крупная, как мужчина.

Не знаю, почему, но от его слов мне правда становится лучше. Я слегка улыбаюсь.

Трэвис добавляет:

— Мужчины, может, и сильнее, но мы тоже больше не являемся независимыми.

— Что ты имеешь в виду?

— Ровно то, что я сказал. Теперь мужчины не могут прожить без женщин, как и женщины не могут прожить без мужчины. Мы нуждаемся друг в друге, — он прочищает горло и избегает смотреть на меня. — Ты нужна мне. Как я нужен тебе.

— Да?

— Думаешь, без тебя я жил так же хорошо, как и в эту неделю с тобой? Ты думаешь о таких вещах, которые не приходят мне в голову. Тебе лучше удается находить дома и бензин. Ты... ты делаешь все лучше. Возможно, я бы даже не двигался дальше, если бы не ты, и особенно если бы не то сообщение. Ты делаешь меня...

Я изумленно смотрю на него.

— Я делаю тебя каким?

Лицо Трэвиса искажается, будто он жалеет о сказанном.

— Забудь.

Я открываю рот, но его внезапно отстраненное выражение лица заставляет меня прикусить язык. Сейчас он сказал мне больше, чем когда-либо прежде, и я не хочу давить слишком сильно, чтобы он снова от меня отгородился.

Мне нравится, когда он по-настоящему разговаривает со мной.

Я думаю обо всем сказанном.

— Если я миниатюрная, это еще не означает, что я беспомощная.

Он бросает на меня взгляд, приподняв брови.

— Я умею стрелять и пользоваться ножом.

— Знаю.

— Я хорошо справилась с тобой. В тот первый день. Отогнала тебя от мотоцикла. Я справилась.

— Ты хорошо справилась, — его слова звучат искренне, но он не встречается со мной глазами.

Я хмурюсь.

— Что? Чего ты не договариваешь?

Трэвис открывает рот и закрывает обратно, совсем как я ранее.

— Скажи, — мой голос не настаивает, он почти умоляет. — Что я сделала не так?

— Ты все сделала так. Все правильно, — он поджимает губы, а потом говорит: — Большинство людей ты бы удержала на расстоянии. Это правда. Но я мог бы выхватить твое оружие, если бы захотел.

— Что? Нет, ты не смог бы!

Он не спорит, но бросает на меня скептический взгляд.

— Серьезно? Ты мог бы забрать у меня оружие? — я ни на секунду не сомневаюсь в его словах. Этот мужчина не стал бы врать о подобном. — Я думала, что действовала верно. Ты же отступил.

— Ты все сделала правильно. Как я и сказал, тебе бы удалось прогнать большинство людей.

— Но не тебя? Если бы ты хотел одолеть меня, то сделал бы это, — я вздыхаю и слегка сползаю по сиденью. — Что я сделала не так?

— Ты полагаешься на пистолет. Если вся твоя надежда полагается на оружие, то ты не всегда сможешь защитить себя.

Слова кажутся правдивыми, и я долго обдумываю это. Наконец, я спрашиваю:

— Ты меня научишь? Как сделать лучше? Я знаю, я миниатюрная, но я не хочу чувствовать себя беспомощной. Ты мне покажешь?

Трэвис поворачивает голову, и его взгляд смягчается, а челюсти слегка разжимаются.

— Да. Да, я тебе помогу.

Раз у нас столько еды, мы останавливаемся пообедать посреди дня. Мы находим маленькую полянку, окруженную деревьями и скрытую от дороги, и едим консервированные груши и тунца.

После этого Трэвис уходит за деревья, и его нет какое-то время, так что я полагаю, что он отошел не только пописать. Я слоняюсь без дела, заново укладывая некоторые наши припасы.

Через несколько минут я слышу, как он приближается. Я чувствую его запах за собой. Я стою близко к багажнику и собираюсь сказать что-то будничное, но тут чувствую, как рука хватает мои косы.

Я ахаю, но не реагирую, когда рука за волосы тянет меня назад, а потом обвивает меня сзади, пока моя спина не прижимается к чьей-то груди.

Все происходит так быстро, что я в ужасе. Я скулю и сопротивляюсь хватке.

Я не могу освободиться.

Это Трэвис. Я знаю, что это Трэвис. Я его не вижу, но его запах окружает меня.

Моя сиюминутная паника превращается в возмущение.

— Какого черта, Трэвис?

— Ты сказала, что хочешь, чтобы я помог тебе защитить себя, — его хриплый голос раздается прямо над моим ухом.

— Сказала. И вот что ты делаешь? Не мог предупредить заранее?

— Нет. Первый урок — всегда будь настороже.

Я ерзаю, но он меня не отпускает. Он железной хваткой прижимает меня к своему телу.

— Но это же ты. Я не думала, что надо быть настороже с тобой.

— Что, если бы это был не я? Что, если бы кто-то другой подошел к тебе сзади?

— Я знала, что это ты.

— Нет, не знала. Ты не могла знать наверняка.

— Знала. Я почувствовала твой запах.

— Все пахнут как я. Ни у кого больше нет дезодорантов, — его тон изменился, будто он удивлен, но продолжает продумывать ситуацию.

— Я в курсе. Но не все пахнут одинаково. Я узнаю твою запах. Я почуяла тебя задолго до того, как ты добрался до меня, — я безо всяких причин смущена из-за этого признания. — Я знала, что это ты. Я не думала, что мне надо быть настороже.

— Ладно, — его голос делается странным. Хриплым, но не от обычной ворчливости. — Я поверю тебе в этом. Но допустим, кто-то застаёт тебя врасплох и хватает вот так. Что ты сделаешь?

Пока мы говорили, его хватка ослабла, но теперь опять сжимается крепче. Одной рукой он сжимает обе мои косы, а вторая рука пригвоздила мои руки к бокам и прижимает мое тело к нему.

Я сопротивляюсь, пытаюсь выскользнуть из его хватки. В ответ Трэвис отпускает мои косы и обхватывает меня обеими руками, сжимая еще крепче.

Я старательно борюсь.

Ничего не работает.

Я пытаюсь пинать его по ногам, но получается разве что отдалить ему пальцы.

Трэвис охает, но не отпускает.

Я пытаюсь пихнуть локтем назад, но не могу замахнуться достаточно сильно, чтобы нанести ощутимый урон.

Я в ловушке.

Он меня поймал.

Он намного крупнее меня.

Я так раздражена, что скулю и обмякаю.

— Помоги мне. Пожалуйста.

— Какой частью тела ты можешь пошевелить?

Я на минутку задумываюсь.

— Ногами.

— А еще?

Я шевелю пальцами, но руки прижаты к телу, и я не могу до него дотянуться.

— Еще? — его голос по-прежнему раздается над моим ухом, дыхание обдает мои волосы.

Я инстинктивно поворачиваюсь навстречу.

— О. Голова. Я могу двигать головой, — я наклоняю голову вперед, а потом с силой запрокидываю и ударяю его по плечу. — Ой! По-моему, мне было больнее, чем тебе.

Он хрюкает.

— Да уж. Не рекомендую так бодаться. Но как еще ты можешь шевелить головой?

Я выгибаю шею и поворачиваю голову, пока мои губы не задевают его футболку. Я замираю, когда в голову приходит идея.

— Вот именно, — бормочет он. — Сделай это.

— Угол неподходящий.

— Так сделай его подходящим.

Я ерзаю и извиваюсь, пока не удастся достаточно повернуть голову. Затем открываю рот и сжимаю зубами плоть верхней части его руки — это единственная часть его тела, до которой я могу дотянуться.

Я не кусаю, но задерживаю зубы в таком положении.

— Сделай это, — хрипло требует он.

Я колеблюсь. Это же Трэвис, и я не хочу ему навредить.

— Сделай это, — его тело ощущается таким твердым и жарким позади меня, и это нравится мне сильнее, чем должно. — Сделай это, девочка. И одновременно топни по моей ноге. Не по пальцам. Выше к лодыжке. Так сильно, как только сможешь. Я не отпущу тебя, пока не буду вынужден сделать это. Вперед.

Я подчиняюсь. Я топаю по его ноге и одновременно кусаю за руку.

Трэвис громко охает, так что, должно быть, это больно. Он не убирает руки, но хватка ослабевает. Я вырываюсь и резко разворачиваюсь, одновременно доставая нож из ножен.

Я приставляю лезвие прямо к его животу.

— Хорошо, — Трэвис покраснел и слегка согнулся вперед, в его глазах проступило почти хищное выражение. — Очень хорошо.

Меня переполняет прилив восторга, силы. Я наблюдаю, как он снова приближается ко мне. Мне удастся несколько раз ускользнуть, но потом он притворяется, будто нападает слева, но обманывает и хватает за запястье так крепко и неожиданно, что нож падает в траву.

Я пытаюсь снова подхватить оружие, но Трэвис опережает меня и дергает к своей груди как тряпичную куклу. Я немедленно начинаю извиваться и поворачиваю голову, чтобы опять его укусить, но на сей раз он применяет удушающий захват, и его рука давит на мое горло. Сейчас мои зубы ближе к его руке, но он не позволяет мне двинуть головой так, чтобы впиться в его плоть.

Я хватаю ртом воздух и скулю от давления на горло, хотя это мне не вредит. Даже синяка не останется.

Но он давит достаточно, чтобы держать меня в ловушке.

— Трэвис, — хриплю я.

— Чем ты можешь пошевелить? — его голос у моего уха охрип настолько, что едва можно разобрать слова. Это практически низкое рычание.

Я снова поднимаю ногу, чтобы топнуть, но другой рукой он обхватывает мои бедра, прижимая мои ноги к своим.

Он ощущается горячим как огонь. Твердый, крепкий и живой в такой манере, от которой внутри все пульсирует.

— Чем ты можешь пошевелить? — снова спрашивает он.

Я двигаю бедрами, толкаясь ими назад.

Я чувствую нечто новое. У поясницы.

Это вызывает прилив жара внизу живота. Завиток глубинного наслаждения, которое я едва могу осмыслить. Теперь пульсирует уже кое-что другое.

Я беспомощно дергаюсь в его хватке, но не уверена, что вообще пытаюсь вырваться.

— Проклятье, женщина, — его голос звучит натянуто и требовательно. — Прекрати так ерзать. Чем ты можешь пошевелить?

Руками. Я внезапно осознаю, что могу шевелить руками, поскольку он держит меня за шею и бедра. Я ударяю его локтем в бок.

Трэвис охает и дергается. Я пытаюсь вырваться, как и прежде, но на сей раз не удается освободиться.

Я теряю равновесие. А может, это он спотыкается. Мы оба валимся вперед в траву.

Я падаю лицом вниз, но успеваю упереться руками, когда он меня отпускает. Трэвис приземляется сверху, его вес прижимается к моей спине.

Мы оба тяжело дышим. Он упирается руками в землю по обе стороны от меня, поднимая часть своего веса.

Та пульсация между моих бедер становится как никогда сильной, и это заставляет мое тело делать вещи, о которых я бы никогда не подумала. Я приподнимаю бедра, пока моя попа не встречается с этим бугром в его джинсах. Я потираюсь о него, издавая странный гортанный звук.

Трэвис невятно охает и поднимается с меня, скатившись в траву рядом.

Когда я поворачиваюсь, он садится и награждает меня самым гневным взглядом на свете.

— Ты что творишь, черт возьми?

— Прости, — я потираю лицо, пытаюсь собраться. Я тяжело дышу, и каждая клеточка моего тела тянется к нему, стремится к нему, жаждет, чтобы что-то случилось. — Прости. Я не...

— Ты не можешь так делать.

— Я же извинилась. Я не подумала, — я сглатываю и накрываю ладонью пылающую щеку. — Я не... я не осознавала, что ты...

— Чего ты не осознавала? Что я мужчина? — он напряжен, зол и покраснелся не меньше, чем я.

— Конечно, я знаю, что ты мужчина. Но мужчины же разные. Они не все хотят... хотят... — я умолкаю, все еще переводя дыхание. Все еще сдерживая себя, чтобы не забраться на него и не потереться всем телом. — Я не осознавала, что ты думаешь обо мне в таком плане.

Мы долго смотрим друг на друга посреди мертвой травы, оба тяжело дышим, и воздух как будто сгущается.

— Прости, — бормочу я снова. — Я не хотела тебя дразнить.

Он не отвечает.

— Ты зол на меня?

Он выпускает протяжный хриплый вздох.

— Нее. Все хорошо. Бывает. Ничего страшного.

Надеюсь, он говорит искренне, но я сомневаюсь.

Многие люди — и мужчины, и женщины — не считают секс чем-то серьезным. Это может быть просто средством скоротать время. Получить быстрое удовлетворение. Это может быть средством отплатить за защиту. Средством манипуляции. Товаром.

Но для Трэвиса секс что-то значит. Я это понимаю. Он не относится небрежно к таким вещам. В противном случае ему не было бы так неловко.

И я не хочу испортить наши отношения просто потому, что питаю к нему иррациональное влечение.

Я не собираюсь рисковать.

— Нам лучше отправляться в путь, — говорит он и слегка постанывает, когда поднимается на ноги.

Я тоже встаю.

— Еще раз извини за... И спасибо, что помогаешь мне.

Он кивает, но без тени улыбки.

— Ты хорошо справилась. Попозже я могу еще поучить тебя.

Его слова порождают облегчение.

Может, я не испортила все.

День клонится к вечеру, когда мы добираемся до окраин города.

Дорожное полотно испорчено. Покрытие сплошь испещрено трещинами, некоторые из них толщиной почти тридцать сантиметров. Нам приходится съехать с дороги и объезжать этот участок.

— Что вообще произошло? — спрашиваю я, глядя на этот урон.

— Не знаю. Землетрясение, наверное. Что еще может так разрушить дорогу?

— Ничего из известного мне. Ого. Наверное, тут было совсем ужасно. Посмотри на тот дом.

Его совершенно сравняло с землей.

— Я не осознавала, что в здешних местах бывали землетрясения, — говорю я, пока Трэвис объезжает разрушения, чтобы вырулить обратно на дорогу. — Как будто весь мир оказался выбит из колеи после того удара.

— Да. Так и случилось.

Вскоре мы видим заправку с прилегающим ресторанчиком фастфуда, выглядящим так, будто по нему проехался бульдозер. Рядом находится аптека.

Весь фасад аптеки попросту обрушился.

— Должно быть, землетрясения разрушили и этот магазин. Это не могли сделать мародеры.

— Да уж, — он сворачивает на парковку. — Возможно, стоит проверить. Если это было спровоцировано землетрясениями, внутри может оказаться что-то полезное.

— Да! Давай взглянем. Может, там даже есть лекарства.

Трэвис заезжает за здание и паркует джип. Мы обходим строение и ищем безопасное место входа. Вскоре становится ясно, что любые ценные вещи, которые могли находиться в передней части магазина, основательно разворованы. Под битым стеклом я нахожу бутылку кетчупа и поднимаю, показывая ее Трэвису и разочарованно качая головой.

— Наверное, вся еда была в передней части, — бормочет он.

— Да. Но тогда аптека располагалась в задней части. И все препараты без рецепта. Если сумеем попасть в заднюю часть, то можем найти что-то полезное.

Это занимает какое-то время, но Трэвис в итоге обнаруживает вход, отодвинув один из больших холодильных стеллажей, в которых раньше хранились напитки и другие охлажденные продукты. Этот стеллаж упал вперед, опираясь на обрушившуюся часть крыши. Должно быть, он невероятно тяжелый, но Трэвису удается сдвинуть его достаточно, чтобы мы попали в заднюю часть здания.

Трэвис просовывает голову туда, затем останавливается.

— Тебе лучше остаться здесь. Здание может быть нестабильным.

Затем, будто разговор на этом закончен, он наклоняется, чтобы протиснуться в образовавшийся проем.

Я возмущенно пишу и хватаю его за футболку, сжимая ткань в кулаке.

— Ни за что! Я не буду стоять тут и надеяться на лучшее. Если для меня слишком опасно, то и для тебя слишком опасно.

Его лицо искажается. Он явно раздражен.

— Я серьезно, — говорю я ему. — Я не позволю тебе рисковать жизнью из-за бл*дского аспирина.

Я вижу смирение на его лице.

— Проклятье, а ты упертая, — однако его тону недостает жара, так что я знаю, что он на самом деле не зол. — Пожалуй, все выглядит достаточно безопасно. Пошли тогда.

Я следую за ним через проем, испытывая облегчение от того, что здание вроде не собирается обваливаться нам на голову. Многие полки опрокинулись, товары кучами рассыпались по полу.

Но тут много всего.

Много всего разного.

— О Боже! Ты посмотри на это! — я перебираю раскиданные лекарства, отпускаемые без рецепта.

— Ищи нужное, но не бери слишком много. У нас нет места.

Я довольна как слон, собирая лекарство от боли в желудке, сироп от кашля, ибупрофен и все необходимое для оказания первой помощи. Трэвис поднимает стеллажи и куски стены в самой задней части здания.

— В помещение аптеки толком не попадешь, — говорит он. — Пожалуй, нам не особо нужны препараты, отпускаемые по рецепту.

— Мне не приходит в голову ничего жизненно необходимого. Брось эту затею. Если сюда придет кто-то совсем отчаявшийся, может, и откопают.

Трэвис переходит в другую часть магазина, осматривает опрокинутые стеллажи и время от времени наклоняется, чтобы что-то подобрать.

— Нашел мыло, — сообщает он. Минуту спустя добавляет: — И еще солнцезащитный крем.

Я хихикаю, наклоняясь, чтобы подобрать бальзам для губ.

— Эм, тебе нужны эти штуки?

Я выпрямляюсь, чтобы посмотреть на то, что держит Трэвис.

Упаковка тампонов.

Он не смотрит мне в глаза.

— Не знаю, — говорю я ему, подходя ближе. — У меня несколько месяцев не было месячных. Я так понимаю, из-за плохого питания и всего остального. Но если есть маленькая упаковка, можно взять на всякий случай, — я вижу небольшую коробочку и тянусь к ней.

Я бросаю еще один взгляд на лицо Трэвиса и не могу не сжалиться над ним.

— Вон там я видела кое-какие инструменты и товары для дома. Возможно, тебе стоит посмотреть.

Я украдкой улыбаюсь, когда он бросает коробку тампонов так, будто они кусаются, и шагает в центр магазина.

Он очаровательно смущается из-за некоторых вещей в такой манере, которой я совершенно не ожидала.

— Ты не видел дезодоранта, нет? — окликаю я.

Он хмыкает.

Я смотрю в его сторону.

— Это было утвердительное хмыканье или отрицательное?

— Нет. Не видел, — он хмурится. — Я помоюсь, когда мы в следующий раз найдем воду.

Я тупо смотрю на него.

— Чтобы не вонять так сильно. Ты, видимо, чуешь меня за километры.

— О! — я тихонько смеюсь. — Не за километры. И я говорила не про тебя. Я говорила про себя.

Его хмурое выражение сменяется непониманием.

— Тебе не нужен дезодорант.

— Эм.

— Ты прекрасно пахнешь, — он разворачивается и принимается копать в куче на полу.

Я минуту смотрю на его спину и задницу, испытывая странную смесь удовольствия и неверия.

Я не пахну прекрасно. Я пахну как та, кто провела много дней на жаре без дезодоранта.

Но может, он воспринимает мой запах так же, как я воспринимаю его запах. Присутствующий, но не совсем неприятный. Знакомый. Провоцирующий некий глубинный инстинкт обладания.

В любом случае, нет смысла беспокоиться о дезодоранте. Даже если я его найду, надолго не хватит, и в итоге я снова буду вонять.

Я перешагиваю кучу предметов женской гигиены и едва не пинаю упаковку презервативов.

Я смотрю на нее.

Я почти... почти... наклоняюсь и беру ее.

Я бы хотела заняться сексом.

Я бы хотела заняться сексом с Трэвисом.

Наши уроки самообороны ранее сделали это предельно ясным.

Мне бы это очень понравилось.

Я никогда прежде не занималась сексом.

Мне было всего шестнадцать, когда мир покатился псу под хвост, и с тех пор у меня был только один бойфренд. Мы с Питером дошли бы до этого, будь у нас шанс, но он умер прежде, чем нам удалось зайти так далеко.

А после него не было никого. Не то чтобы мне не предлагали. Предлагали, и не раз. И много раз это не ограничивалось словами. Но мне никогда не хотелось переспать с каким-то парнем, просто чтобы удержаться за него, просто чтобы защитить себя, просто чтобы иметь мужчину.

С Трэвисом все иначе.

Я хочу заняться с ним сексом, потому что я хочу секса. С ним.

Он предельно ясно дал понять, что никогда не будет приставать ко мне. Но ранее сегодня днем я выяснила, что я хотя бы немножко привлекаю его.

Так что, может, перспектива секса существует.

Я почти беру презервативы.

Но все же не беру.

Сейчас между мной и Трэвисом все хорошо, и я не хочу это испортить, посылая неверные сигналы.

Может, его эрекция — это просто эрекция. Это не означает, что он хочет меня как женщину.

И кроме того...

Сейчас нам нужно думать о вещах поважнее секса.

Все дорогие нам люди в опасности. Важно лишь добраться до Форт-Нокса вовремя, чтобы спасти их.

Я оставляю презервативы на полу, и мы готовимся уходить.

— Ты в порядке? — Трэвис встряхивает пакет, подобранный с пола, и начинает складывать туда наши находки.

— Да, — я улыбаюсь ему. — В полном порядке.

Я в полном порядке.

Секс сейчас попросту не является приоритетом. И неважно, что эта ирония вызывает горький смех.

Девственница и конец света.

Глава 4

Когда мы выходим из аптеки, идет дождь.

В год после падения астероида половина мира страдала от кислотных дождей. В США их было не очень много, но дождь не ощущается таким, как в детстве. Чистым. Освежающим. Естественным.

Как небо и воздух, дождь теперь ощущается... грязным.

Капли, падающие на мою кожу, не такие мерзкие, как раньше, но я все равно бегу к машине. Крыша несколько защищает нас, но бока джипа открыты, и ветер задувает дождь внутрь.

— Проклятье, — я вытираю влагу с лица, смотрю на свои ладони и испытываю облегчение от того, что они не испачканы сажей и грязью.

Дождь определенно становится лучше. Хотя бы он больше не делает нас грязными.

— Все равно скоро стемнеет, — Трэвис вытирает лицо футболкой. — Давай найдем дом и переночуем.

— Звучит здорово. Просто надо найти такой, что еще не сильно поврежден.

Мы проезжаем торговый квартал города, пока не добираемся до спальных районов. Многие дома разрушены землетрясениями, но мы наконец-то добираемся до квартала в нормальном состоянии.

Я уже вымокла от дождя и начинаю дрожать, поэтому хмуро кошусь на Трэвиса, когда он проезжает мимо пяти-шести домов, которые пострадали от землетрясения, но выглядят пригодными для проживания.

— Чем эти не подходят?

Он пригнул голову, всматриваясь в дождь и быстро сгущающуюся темноту.

— Ищу более безопасное место, если получится найти подобное. Тогда ты сможешь проспать всю ночь.

Я чувствую странное напряжение в груди. Мои глаза широко раскрыты, пока я смотрю на него.

Трэвис бросает на меня пару нервных взглядов.

— Что? — когда я не отвечаю, он спрашивает более ворчливо. — Что?

Я прочищаю горло.

— Ничего. Давай посмотрим вот там на холме. Оттуда открывался бы отличный вид, так что там наверняка более крупные дома.

Трэвис едет в указанном направлении, и мы находим двухэтажный дом, окруженный умирающими соснами. Это наименее поврежденный дом из всех, что мы видели до сих пор. Остановившись перед гаражом, Трэвис паркует джип, выходит, приближается к гаражу сбоку и заглядывает через окошко внутрь.

— Что теперь-то не так? — спрашиваю я. Моя реакция на его заботу ранее превращается в раздражение, потому что я абсолютно промокла и устала.

— Ничего. В гараже нет машины.

— Нам сейчас не нужен бензин.

— Я знаю. Оставайся тут. Пересядь на водительское место.

Я даже не пытаюсь скрыть стон.

— Проклятье, Трэвис. Мы можем просто забраться в этот дом?

— Да. Так и сделаем. Жди здесь. Я вернусь через минутку.

Прежде чем я успеваю возразить, он исчезает за домом.

В моем распоряжении минута с лишним, чтобы поворчать из-за возмутительных привычек Трэвиса.

Затем дверь гаража передо мной открывается, и его тело медленно открывается моему взгляду, пока он поднимает дверь.

Он машет мне заезжать в гараж.

— О, — я направляю джип в гараж, паркую и выключаю двигатель.

— Так машина не будет стоять под дождем на виду, — Трэвис помогает мне выбраться из джипа.

— Умно, — мой комплимент весьма неохотный, но искренний.

Он тихо фыркает.

Поскольку мы укрыты от дождя, мы имеем возможность выбрать те вещи, что понадобятся нам на ночь.

Обитатели этого места явно потратили время на сборы перед отъездом. Тут нет еды или личных вещей, но мебель и многие кухонные принадлежности на месте. Мы направляемся в три спальни на втором этаже.

— Ни в одной нет двух кроватей, — говорю я, пока влага капает мне на лицо с мокрых волос. Моя обувь чавкает при ходьбе.

— Черт.

— Наверное, мы можем занять две комнаты. Может...

— Неа. Мы должны быть в одной комнате, чтобы я мог забаррикадировать дверь. Просто выбери любую. Неважно, какую.

Я вхожу в хозяйскую спальню — просторную комнату с большой кроватью и декоративной кушеткой под окном.

— Здесь очень большая кровать, и мы можем оба поспать на ней.

Я оглядываюсь и обнаруживаю, что Трэвис хмурится.

— Трэвис, все нормально. Кто, черт возьми, теперь переживает о сне в одной кровати? Мы спим еще ближе друг к другу, когда ночуем под открытым небом. Я не позволю тебе спать на неудобной кушетке, так что мы либо делим огромную кровать, либо опять спим по очереди.

Он ворчит, но я слышу в этом согласие, так что позволяю всем вещам, что я несла в руках, упасть на пол.

Он обходит комнату по периметру и открывает дверь в шкаф и прилегающую ванную, когда я кое-что замечаю.

— Трэвис, смотри.

Он подходит к месту, где я смотрю на красивый кирпичный камин. И рядом маленькая стопка поленьев, явно оставленная владельцами дома, когда они еще спали здесь.

— Думаешь, поленья в нормальном состоянии?

Он пожимает плечом.

— Наверное. Лишь бы сухие были, а так сгорят.

— Как думаешь, мы можем развести огонь? — в комнате не холодно, но я дрожу, потому что вымокла. — Не на всю ночь. Ровно настолько, чтобы разогреть суп.

Трэвис колеблется, переводя взгляд с моего лица на очаг и обратно.

— Наверное, можно. Едва ли кто-то увидит дым в темноте и дожде. Давай я сначала осмотрю камин, чтобы убедиться, что там чисто. И костер должен быть небольшим. И как только суп согреется, мы позволим огню погаснуть.

Я улыбаюсь ему.

— По рукам.

Довольная этим открытием, я иду к своей сумке и достаю длинную футболку и леггинсы, которые взяла в другом доме. Не подумав, я стягиваю мокрые джинсы и надеваю вместо них леггинсы.

Я кошусь на Трэвиса. Он наблюдает за мной, но теперь поворачивается спиной, хватается за мокрую ткань своей футболки и стягивает ее через голову.

Ужасно устыдившись, я отворачиваюсь от него, делаю то же самое со своей рубашкой и майкой, сменяя их на сухую футболку.

Когда мы переоделись, я развешиваю нашу мокрую одежду в душевой, чтобы за ночь все высохло. Вернувшись, я вижу, что Трэвис уже осмотрел камин и развел маленький костер буквально из одного полена.

Ранее сегодня мы нашли хороший говяжий суп с овощами. Не сгущенная химозная фигня, а хороший суп с большими кусками мяса и овощей. Я открываю две консервные

банки, выливаю их в наш котелок, а Трэвис держит его над огнем, чтобы содержимое согрелось.

Пока он занимается этим, я сбегая вниз и беру на кухне две миски и ложки, чтобы нам не приходилось есть из котелка.

Мы едим на полу перед гаснущим огнем. Суп густой, теплый и полный больших кусков мяса.

Это лучшая еда, что я ела в своей жизни.

Мне тепло и приятно, когда мы доедаем. Дождь размеренно стучит по крыше. На мне чистая комфортная одежда. Я сыта.

Я улыбаюсь Трэвису в свете огня, и он почти улыбается в ответ.

— Пока не баррикадируй дверь, — говорю я. — Мне надо будет сходить в туалет перед сном.

— Да. Мне тоже. Пью больше воды, чем обычно.

— Наверное, это хорошо, — я встаю, потягиваюсь и внезапно смущаюсь. Трэвис смотрит на меня, и я не могу прочесть выражение в его глазах.

Поскольку заняться больше нечем, я плюхаюсь на кровать и смотрю в потолок, наслаждаясь ощущением сытости и стараясь не гадать, о чем думает Трэвис.

Услышав шуршание, я сажусь, чтобы посмотреть.

Он держит что-то в пакетике.

— Нашел это в аптеке. Подумал, что стоит попробовать, — он подходит и бросает несколько ярких разноцветных упаковок на кровать рядом со мной.

Я ахаю и сцепляю руки перед собой.

Конфеты.

Конфеты!

Трэвис садится на кровать и бросает на меня смущенный взгляд.

— Шоколад испортился за четыре года, так что я придерживался других вариантов. Готов поспорить, эти могут храниться целую вечность.

Я хихикаю, разрывая пачку Skittles и позволяя маленьким цветным камушкам рассыпаться по покрывалу. Мы оба выбираем по одной конфетке и смотрим друг другу в глаза, засовывая их в рот.

— О Боже, — стону я, откидываясь назад и жуя. — Как вкусно.

Трэвис хмыкает.

Я хватаю еще несколько и жую, меня омывает удовольствие от сладкого вкуса.

Возможно, я снова застонала. Но кто мог бы меня винить?

Я уже много лет не ела ничего сладкого.

Трэвис открывает пакетик мармеладок и жует одну, но морщится.

— На вкус нормально, но очень жестко. Не лучшим образом сохранились.

Я разрываю пакетик желейных мишек и пробую одного.

— Ммм. А эти хороши. Может, чуть тверже обычного, но все равно вкусно. И готова поспорить, что с леденцами все в порядке, поскольку они и должны быть твердыми. Нам стоит приберечь их — надолго хватит. Так у нас каждый день будет лакомство.

Трэвис кивает, жуя Skittles.

Какое-то время мы едим молча, вместе растянувшись на кровати.

В итоге я говорю:

— Такое чувство, будто наступил Хэллоуин.

Я кошусь на Трэвиса и вижу, что его голова повернута ко мне, а глаза не отрываются от моего лица.

— Такое же ощущение, — поясняю я. — Сладкий вкус во рту и даже слишком набитый желудок. И восторг от целой кучи конфет разом. Понимаешь?

— Ага. Именно такое чувство.

— Ты в детстве ходил по домам, крича «Сладость или гадость»?

— О да. В Мидоузе это было важной традицией. Все наряжались, родители возили нас вдоль тех длинных прямых улиц возле утиноного пруда, где можно разом пройтись по десяткам домов, при этом не проходя много миль вверх и вниз по холмам, — уголки его губ приподнимаются в выражении, которое у него считается за улыбку. — Там было сотни детей, и все приходили в одни и те же дома. Бедные жители того квартала, должно быть, тратили целое состояние на конфеты.

Я хихикаю и беру несколько жележных мишек. На их разжевывание требуется немало времени.

— Думаю, это и дальше так продолжалось. На улице моих родителей ходило много ряженых, но все же это не основная их масса. А вот через несколько улиц от них... Вау. По тем дорогам невозможно было проехать в Хэллоуин, настолько много детей.

— А ты сама ходила просить «сладость или гадость» в Мидоузе?

— Нет. Мне было двенадцать, когда я переехала, и в первый год я никого не знала. А потом была уже слишком взрослой.

Трэвис переворачивается на бок, чтобы оказаться лицом ко мне. Он выглядит расслабленным, теплым и очень сексуальным в приглушенном освещении.

— Припоминаю, что иногда в мой дом приходили и подростки. Слишком взрослые, чтобы кричать «сладость или гадость».

— Знаю, — я смеюсь. — Некоторые были просто бесстыжими. Я так не делала. Хотя в церкви, которую я посещала пару лет, были вечеринки на Хэллоуин. Называли их «Вечеринки Аллилуйя», чтобы можно было называть себя приличным христианином и все равно получать конфетки.

Трэвис хрюкает, и я узнаю в этом звуке смешок.

— Знаю я эти вечеринки. В детстве я посещал ту же церковь, и тогда они их тоже проводили.

— Ты сказал, что моя бабушка учила тебя в воскресной школе?

— Да. Она была лучшей учительницей.

— Да, — моя улыбка кажется душераздирающей, грудь сдавливает от любви и скорби.

— Это точно.

Мы молча жуем, а минуту спустя Трэвис говорит, глядя в потолок:

— Я бы водил Грейс в ту церковь, чтобы твоя бабушка учила и ее тоже. Она могла бы посещать эти «вечеринки Аллилуйя».

Мое сердце сжимается еще крепче, еще сильнее. Я перевожу взгляд и вижу, как черты Трэвиса на мгновение искажаются.

Он любил свою дочку не меньше, чем я любила свою бабушку.

Он тоже ее потерял.

Не так давно.

Моя потеря вызвала ощущение онемения, но у Трэвиса этого нет. Я гадаю, имел ли он возможность оплакать смерть своей дочери.

Может, он оплакивал ее в недели перед ее смертью.

Может, он уже не умеет скорбеть.

Это одна из тех вещей, которые были потеряны, когда мир развалился на куски.

Я не знаю, что сказать. И я боюсь, что если скажу, то Трэвис отстранится. Он снова отгородится, а я не хочу, чтобы это произошло.

Так что я тянусь к его руке, лежащей на покрывале. Я переплетаю наши пальцы и сжимаю.

Он не сжимает в ответ, но не отстраняется.

Я держу его за руку меньше минуты. Затем отпускаю и снова тянусь к конфетам.

Я не хочу, чтобы он отстранился, так что ищу возможность разрядить атмосферу.

— Когда ты был маленьким, они заставляли детей наряжаться в библейских персонажей для этих вечеринок?

— О да, — Трэвис снова кажется расслабленным. — Я каждый год наряжался пастухом, потому что можно было просто надеть халат.

Я беспомощно хихикаю от его сухого тона и мысленного образа.

— А ты? Кем ты наряжалась?

Я улыбаюсь в потолок и проглатываю Skittles перед тем, как ответить.

— В последний год я наряжалась как Есфирь. У моей бабушки была такая старинная... не знаю, что это было, то ли халат, то ли ночнушка, то ли еще что. Очень красивая и вычурная — зеленый бархат с золотой оторочкой и невероятной бисерной вышивкой. Она купила ее где-то в поездке, и я никогда не видела, чтобы она ее носила. Но мне это одеяние подходило, так что я носила ее с блестящей золотистой тканью на голове в качестве вуали. Я завивала волосы, подводила глаза черным и красила губы.

— Готов поспорить, ты была очень красивой.

— Я определенно так считала. Я так гордилась своим величием, — я тихо смеюсь, и мои глаза не отрываются от расслабленного лица Трэвиса. — Не знаю, чем думали мои бабушка и дедушка, позволяя мне наряжаться как Есфирь. Четырнадцатилетняя девчонка идет в церковь, нарядившись как женщина из гарема. Но она же упоминается в Библии, значит, все нормально.

Трэвис тоже смеется. Это настоящий смех. И он улыбается так, как я за ним еще не замечала.

Нам еще предстоит доесть конфеты.

И я счастлива.

В данный момент я счастлива.

Я просыпаюсь посреди ночи. Мне тепло и уютно, я окружена запахом Трэвиса.

Я немедленно понимаю, что произошло, еще даже не открыв глаза. Ложась спать, мы оба находились под одеялом, но на разных сторонах кровати. Но теперь я прижимаюсь к нему.

Во мне теплится смутная надежда, что это он перекатился ко мне, но открыв глаза, я понимаю, что все совсем не так. Мы на его стороне кровати. А значит, это я подползла, чтобы обниматься.

Он крепко спит, дышит размеренно и шумно. Волосы в его подмышке щекочут мой лоб.

Если он проснется и обнаружит, что мы вот так переплелись, ему не понравится. Я как можно осторожнее отстраняюсь.

Его рука крепче обнимает меня, и он мямлит что-то во сне.

Я лежу, пока он не расслабляется, затем снова пытаюсь отстраниться. На сей раз мне удается. Я откатываюсь на свою половину кровати и сворачиваюсь на боку, спиной к нему.

Тут не так тепло и уютно, но мне нужно оставаться здесь.

Когда я просыпаюсь в следующий раз, почти наступило утро, и мы снова обнимаемся.

Трэвис прижимается ко мне сзади, жесткие и горячие очертания его тела прильнули к моей груди.

Я открываю глаза и понимаю, что на сей раз мы на моей половине кровати, то есть, это он перекатился ко мне.

У меня есть всего несколько секунд, чтобы насладиться этим заключением, после чего я осознаю кое-что еще.

Трэвис тверд.

Очень тверд.

Его эрекция прижимается к моей заднице.

На нем те спортивные штаны, что я ему нашла, так что это не просто неудачно сгрудившиеся джинсы. Я чувствую его длину, прижимающуюся ко мне. На мне лишь тонкие эластичные леггинсы, так что я чувствую все.

Абсолютно все.

И мне это нравится.

Его очертания позади меня вынуждают меня сжать ноги от возбуждения.

Он одной рукой прижимает меня к себе. Его лицо прямо за моей головой. Его дыхание обдаёт мою шею сзади и ухо. Я чувствую его запах. Чувствую его.

Мое тело продолжает реагировать.

Трэвис слегка ерзает во сне, совершая легкий толчок навстречу моей попке.

Мне приходится подавить стон удовольствия от этих ощущений.

Мне нужно убраться от него. Я не могу позволить себе эти ощущения. Не тогда, когда он спит. Я очень аккуратно пытаюсь убрать руку, что прижимает меня к нему.

Он что-то бормочет и крепче стискивает меня, снова вжимаясь в мою задницу.

Мои щеки горят, дыхание делается неровным. Я так возбуждена, что между ног зарождается болезненное, пульсирующее ощущение.

Я думала, он чутко спит. Почему он не просыпается и не понимает, что делает?

Я понимаю, что это не всерьёз. Это невольная физиологическая реакция во сне.

Но все равно. Он возбужден и прижимается ко мне. Мое тело не понимает разницы.

Я пытаюсь убрать его руку и скатиться с кровати, но он мне не даёт. Он снова бурчит, и даже без слов похоже, что он ворчливо протестует из-за моих попыток отстраниться.

Я немного ерзаю, и он с низким стоном прижимает бедра к моему телу.

О Боже. Это так приятно.

И так неправильно.

Я снова пытаюсь подвинуть его руку, уже не так аккуратно, и все его тело напрягается. Я сразу же ощущаю разницу, и мне хватает ума закрыть глаза и расслабить тело.

Трэвис будет стогать от стыда, проснувшись и поняв, что он делает.

И будет еще хуже, если он узнает, что я тоже проснулась.

Он замирает, не меняя позы. Я дышу медленно и глубоко, держу глаза закрытыми.

Затем его рука медленно отпускает мою талию. Он откатывается с приглушенным стоном. Мне не нравится, какими холодными ощущаются мои спина и задница, когда он не прижимается ко мне, но я ничего не могу поделать.

Я чувствую, как его вес смещается на матрасе, и слышу очередной тихий стон Трэвиса.

Я умираю от желания увидеть его лицо. Посмотреть, что он делает. Но я не осмеливаюсь повернуться.

С минуту я ничего не слышу. Затем раздаются его шаги по полу. Затем звук открывающейся двери.

Он не может выйти из комнаты. Вход все еще забаррикадирован комодом, который он туда подтащил. Но явно открылась какая-то дверь.

Ванная. Наверное, он вышел в ванную.

Он не может ею воспользоваться. Водопровод и канализация не работают.

Понятия не имею, что он там делает.

Я лежу совершенно неподвижно и слушаю.

И вскоре я слышу что-то новое.

Звук тихий, приглушенный, едва различимый. Но я точно это слышу.

Странный, ритмичный, шлепающий звук.

Какого черта?

Я моргаю и продолжаю слушать. Это доносится из ванной, и закрытая дверь не позволяет мне расслышать.

Но это что-то...

Мои глаза широко распахиваются, когда я понимаю, что он там делает.

Само собой, я знаю, что он делает.

Он сильно возбудился в постели. И теперь он решил об этом позаботиться.

Мое возбуждение распяляется и скручивает мое тело, когда я представляю его в ванной, пытаюсь представить его лицо, пока он дрожит.

Это нечто личное. Я не должна подслушивать.

Но ничего не могу с собой поделать.

И это заставляет мое тело испытывать нечто большее.

Не раздумывая, я запускаю руку под пояс леггинсов, пока не нахожу клитор. Я потираю его быстрыми и сильными круговыми движениями, заглушая тяжелое дыхание подушкой.

Я слышу Трэвиса. Он все еще трудится в ванной.

И я тоже.

Я еще не достигаю пика, когда слышу низкий хриплый звук, что-то среднее между хрипом и стоном. Шлепки прекращаются.

Я двигаю пальцами быстро и сильно, чтобы кончить, пока он не вернулся в комнату.

Мой оргазм накатывает быстрой горячей волной, и я хрипло ахаю в подушку, когда мое тело расслабляется.

Я успела вовремя. Я слышу, как дверь ванной открывается.

Мое тело теплое и расслабленное от оргазма, и я прячу лицо, чтобы он не увидел, как я покраснелась. Я слышу, как он ходит вокруг, собирая мусор и перекладывая наши припасы. Затем я различаю шорох ткани. Должно быть, он переодевается, снимая спортивные штаны.

Через несколько минут я чувствую ладонь на своем плече.

— Лейн. Лейн. Уже утро.

Я издаю шмыгающий звук и перекатываюсь, открывая глаза.

— О. Утро. Привет.

— Привет, — он не улыбается, но это нормально.

Он выглядит серьезным. Собранным и естественным. Не зная я лучше, я бы и не догадалась, что он только что делал в ванной.

А он не узнает, что я делала под одеялом.

По утрам мы всегда тихие, так что все нормально, пока я встаю и переодеваюсь в свою одежду и чистое нижнее белье из вчерашнего дома. Мы делим консервированное фруктовое ассорти (Трэвис отдает мне все вишни), а потом мы выходим, чтобы облегчиться и собрать вещи.

Мы проверяем соседние дома, пока не находим машину с бензином, наполняя бак джипа и канистру.

Затем мы отправляемся в дорогу.

День проходит без каких-либо событий. Мы не наталкиваемся на населенные города, но также не добиваемся большого прогресса, потому что дорога сильно повреждена землетрясениями. Нам постоянно приходится съезжать с нее и пробираться через канавы и обломки.

Время клонится к вечеру, когда Трэвис говорит, что нам стоит высматривать бензин. Вскоре мы натываемся на старый фермерский дом с гаражом на две машины, который не выглядит слишком поврежденным.

В гараже два автомобиля — старый пикап и седан. Мы пополняем запасы топлива, а я захожу во двор, чтобы пописать за деревом.

Я уже застегиваю ширинку, когда замечаю что-то внизу двора.

— Эй, Трэвис!

Я слышу хмыканье и понимаю, что он меня слушает.

— Там ручей. Надо проверить, вдруг вода достаточно чистая, чтобы вскипятить ее и наполнить бутылки.

Он присоединяется ко мне с пакетом, в котором лежат наши пустые бутылки, и мы спускаемся к ручью, наклоняясь, чтобы опустить руки в воду и проверить ее чистоту.

— Неплохо, — Трэвис набирает воду пригоршнями и умывает лицо. Мы наполняем пустые бутылки. Потом мы вскипятим эту воду, когда будет время развести огонь. Затем Трэвис запускает руку за плечо, хватая ткань футболки (это одна из новых, черная с вырезом под горло) и стягивает ее через голову.

Я наблюдаю, как он встает на колени и брызжет водой себе на лицо, руки и грудь, особенно уделяя внимание подмышкам и предплечьям.

— Хорошая идея, — мне приходится силой оторвать взгляд от воды, стекающей по его голой груди. — Я могу принести мыло и полотенце, помоемся по-настоящему... если ты считаешь, что у нас есть время.

Трэвис выпрямляется, наблюдая за мной своим мокрым и задумчивым лицом. Он смотрит на небо, затем обратно на меня.

— С таким же успехом можно остановиться. Остаться тут на ночь.

Я стараюсь скрыть радость от его слов.

— Правда? Так рано? Мы могли бы ехать еще час до наступления темноты.

Он пожимает плечами.

— Да, но это хороший дом. Возможно, позже не удастся найти другой. И тут есть ручей. Мы можем помыться и развести костер. Вскипятить воду для бутылок, хорошо поужинать и провести ночь внутри.

Я практически обнимаю себя.

— Звучит здорово. Я пойду, подгоню машину, чтобы не тащить все в руках...

— Я могу...

— Ты весь мокрый, — я уже бегу вверх по холму к дому, где мы припарковали джип. — Я сама.

— Достань пистолет! — кричит Трэвис мне вслед. Напоминание кажется машинальным, привычным, нежели вызванным спешкой. Он снова плещется в воде.

Я притормаживаю и делаю, как он говорит. Машина припаркована перед домом, ее совершенно не видно от ручья. Мы несколько часов не видели ни единой живой души, но нет причин вести себя глупо.

Я глупа.

Я улыбаюсь и напеваю себе под нос, добравшись до джипа. Я думаю о мытье, о вечере у костра и ужине с Трэвисом. Может, мы наконец-то сделаем макароны с сыром.

Теперь у меня есть шампунь. Я могу нормально помыть волосы.

Я сажусь за руль, положив пистолет на пассажирское сиденье.

Затем я замечаю, что ранее мы оставили заднее отделение открытым, так что выхожу, чтобы закрыть его.

— Ты глянть. Я ж сказал, что слышал девчонку, — голос раздается позади меня. Мужской. Грубый. Незнакомый.

Я разворачиваюсь и вижу, что приближаются два грязных бородатых мужчины.

Понятия не имею, откуда они взялись. Раньше их тут не было. Но теперь они здесь. В считанных метрах от меня.

Я инстинктивно тянусь к кобуре, но она пустая, так что я хватаюсь за нож.

— Не подходите, — хриплю я, мое горло сжимается от паники.

Я привыкла иметь дело с враждебными мужчинами, но эти двое застали меня врасплох. Я не готова ментально. Я так потрясена и напугана, что едва могу дышать.

Тот, что заговорил ранее, хохочет. Это хриплый, уродливый звук.

— А она бойкая. Люблю девочек с характером.

— Я тут не одна, — выдавливаю я, пятясь назад от их приближения. — И я вас убью, если тронете меня хоть пальцем.

Мужчина снова хохочет.

— Сдается мне, ты одна. Я составлю тебе компанию. Я уже несколько недель не видел хорошенькой киски. Что скажешь, Хэнк?

Хэнк — второй мужчина, и пока я не слышала, чтобы он говорил. Он с сомнением смотрит на своего друга.

— Не знаю. Если она не хочет...

— Ты разве не слышал? Весь мир скатился в жопу. Уже неважно, хочет сучка или нет.

Теперь они приперли меня к джипу, подходя с двух сторон. Трэвис недалеко. Я знаю, что он мне поможет. Я пытаюсь закричать, чтобы дать ему знать — он мне нужен.

Мое горло так сдавило, что получается издать лишь писк.

От этого первый мужчина гогочет.

Я пытаюсь снова, но так же безуспешно. Это ужасно. Кошмарно. Я не могу издать ни звука.

Мне надо что-то предпринять. Немедленно. Раз кричать не получается, я бросаюсь на Хэнка и рассекаю его руку ножом.

Он воет и отшатывается, и я бросаюсь к пассажирскому сиденью, где оставила пистолет.

Я почти добираюсь туда, но первый мужчина настигает меня и хватается сзади.

— А ты норовистая, да? — его ужасное дыхание обдает меня через плечо.

— Брось, чувак. Отпусти ее. Она этого не хочет, и у меня вообще-то кровь идет.

— Она получит это, хочет она того или нет, — одна из его рук возится с низом моей футболки.

Ком в горле уходит, и наконец-то удается закричать.

Дальше все происходит так быстро, что я едва могу отследить отдельные движения. Я отчаянно извиваюсь в его руках. Он изменяет их положение, чтобы лучше меня контролировать, и подносит одну руку к моей шее.

Теперь его предплечье достаточно близко.

Я впииваюсь в него зубами как можно сильнее и бешено извиваюсь в его хватке.

Я кусаю до крови.

Он разъяренно ревет и отпускает меня, но прежде чем я успеваю отпрянуть, он замахивается кулаком. Если бы удар пришелся в полную силу, я бы потеряла сознание, но он лишь вскользь задевает мою щеку. Все равно больно. И я теряю равновесие и падаю.

Даже в этот момент я тянусь к оружию.

Затем раздается другой звук. Я вообще его не узнаю.

Это похоже на рычание. На дикое животное.

Но это не так.

Это Трэвис.

Он бежит со всех ног и набрасывается на нападавшего мужчину, повалив его с такой силой, что тот отлетает на пару метров.

Драка быстрая и неприглядная. Я едва могу ее отследить. Трэвис оказывается сверху другого мужчины. Поначалу он бьет только руками, но потом противник вытаскивает нож и атакует им. Трэвис каким-то образом отбирает оружие.

А потом проливается кровь.

Много крови.

Трэвис вонзил охотничий нож в шею мужчины сбоку.

Тот умирает за считанные секунды.

Трэвис встает, поднимает свой дробовик и упирает приклад в плечо, прицелившись в Хэнка.

Хэнк наблюдал за всем словно в опешившем трансе, но теперь поднимает руки и делает шаг назад.

— Это не я. Это был не я!

— Не он, — каркаю я с земли. — Это был не он. Он говорил другому парню остановиться.

Трэвис выстреливает над головой мужчины. Выстрел оглушительно гремит в послеобеденной тиши.

— Беги. Беги немедленно.

Хэнк стремительно разворачивается, не обращая внимания на кровь от оставленной мною раны, и бежит. Он не останавливается и не оборачивается.

Трэвис ждет, пока он не скрывается из виду. Затем опускает оружие и подходит ко мне. Он опускается на колени и пытается нежно заставить меня выпрямиться.

— Черт. О черт, Лейн. Ты в порядке?

Я пытаюсь сказать, что все нормально, но выходит лишь какой-то скулеж.

Он издает невнятный гортанный звук, и его лицо на мгновение искажается.

Моя голова раскалывается, я оглушена ударом, но понимаю, что серьезного урона нет. Я пытаюсь заставить свое горло нормально работать.

— Я в порядке. В порядке.

Он осматривает то место, куда мужчина ударил меня.

— Кровь идет?

Трэвис прикусывает губу.

— Совсем немножко.

— Я хочу помыться. Его пот... его пот повсюду на мне...

Трэвис что-то бормочет и встает, помогая мне подняться. Когда мои колени подкашиваются, он подхватывает меня на руки и несет к пассажирскому сиденью джипа. Я опускаю руку, чтобы убрать свой пистолет (зачем, черт возьми, я оставила его там?), и Трэвис нежно садит меня на сиденье.

Он заводит машину и едет к ручью, после чего выносит меня на берег.

Я могу ходить. Я знаю, что могу.

Просто сейчас у меня нет силы воли спорить с ним.

Трэвис роется в наших вещах в поисках мыла и полотенца, затем опускается на землю рядом со мной. Я уже наклонилась и плещу водой себе в лицо.

Я уже неспособна чего-либо стесняться. Я просто хочу смыть с себя запах и пот этого ужасного мужчины. Я стягиваю футболку, бросаю на землю и брызгаю водой на свою грудь и руки.

Я беру предложенное Трэвисом мыло, намыливаюсь и ополаскиваюсь, тру свою кожу, пока запах мужчины не исчезает. Я утыкаюсь лицом в сырое полотенце и с минуту трясусь, наконец-то избавляясь от напряжения.

Трэвис встает, и я не знаю, зачем, но потом он возвращается с другим полотенцем. Он макает один конец в воду, затем протирает им мою спину. Я дрожу, пока он намыливает то место, а затем еще раз протирает полотенцем.

Его руки такие осторожные. Такие мягкие.

— Тебе нужно... — его голос срывается, будто он забыл, как им пользоваться.

Я опускаю полотенце и вижу, что он жестом показывает на мои джинсы.

— Нет. Там он меня не трогал.

Я вижу, как это отражается на его лице.

Трэвис протягивает руку, убирает часть волос, выбившихся из моих кос, затем опускает руку обратно на колени.

— Можно мне... можно мне обработать... место, где он тебя ударил?

Я без слов киваю и наблюдаю, как он встает и возвращается с антисептической мазью и пластырями.

Он аккуратно стирает кровь, затем приклеивает один большой пластырь.

— Ранка не очень большая, — бормочет он. — В основном будет синяк.

Мне все еще больно в том месте, куда ударил кулак мужчины. Все могло быть намного хуже.

Я не могу перестать дрожать. Мое нутро скручивает тошнотой.

— Спасибо, — хриплю я.

Его лицо снова искажается.

— За это. И за то, что пришел на помощь.

— Я должен был прийти раньше. Прости. Я понимал, что ты задерживаешься. Я должен был... — его акцент усиливается, когда он расстроен.

— Ты пришел вовремя. Спасибо. Это я дура. Я не сохраняла бдительность. Я...

— Ты не дура. Ты не сделала ничего плохого. Это он. Это все он, — его голос снова становится хриплым и почти свирепым, но он все равно нежно убирает мои волосы с лица.

— Я вела себя как дура. Я же знаю, что не надо ослаблять бдительность. Я положила пистолет. Я... расслабилась и наслаждалась жизнью. И я положила пистолет.

— Это не твоя вина. Ты имеешь право наслаждаться жизнью. Это все он.

Я обхватываю руками живот в попытках перестать трястись.

— Я вспомнила, чему ты меня учил. Я очень сильно его укусила. Я вырвалась из его хватки.

— Ты справилась хорошо. Очень хорошо.

— Спасибо, что помог мне, — по моему лицу скатывается слеза. Я чувствую, как она капает вниз.

Трэвис издает беспомощный звук. Он протягивает ладонь, но роняет ее, так и не дотронувшись. Я знаю, он хочет что-то сделать, но не делает.

Я все еще сгорбилась у ручья. Без рубашки. Держа влажное полотенце перед грудью.

— Можешь принести другую футболку из моей сумки? Синюю?

Он тут же встает и приносит ее мне. Когда я надела ее, Трэвис стоит и смотрит на меня.

— Тебе нужна вода или еще что-то?

Я качаю головой.

— Не сейчас. Ты... ты не против, если мы найдем другое место для ночлега? Я не хочу тут оставаться.

Тело того мужчины все еще лежит на окровавленной земле у дома. Возможно, у него есть друзья. Что, если Хэнк расскажет им, что случилось?

— Конечно, — Трэвис помогает мне встать, собирает вещи и увозит нас прочь от ручья и фермерского дома.

Мы находим небольшое скопление заброшенных домов примерно в двадцати минутах езды оттуда. Большинство обрушилось при землетрясении, но один остался невредимым. Там два этажа, так что это подходит для наших нужд.

Мы не разговариваем, пока берем вещи и идем на второй этаж. Я без раздумий захожу в хозяйскую спальню, и Трэвис следует за мной.

— Ты голодна? — мягко спрашивает он.

Я качаю головой и забираюсь в постель. На ней лежит красивое лоскутное покрывало. Слегка затхлое, но не в плохом смысле слова.

Я забираюсь под покрывало и сворачиваюсь на боку.

Трэвис с минуту стоит и наблюдает за мной, и его лицо искажается в той манере, которая говорит, что он пытается контролировать эмоции.

Он съедает протеиновый батончик, пока чистит оружие. Затем баррикадирует дверь шкафом и забирается в постель рядом со мной.

Я поворачиваюсь к нему лицом.

Его глаза такие пытливые и нежные.

— Я могу что-нибудь сделать?

— Я в порядке.

— Разве?

— Я буду в порядке.

— Знаю, — он прочищает горло. — Ты хочешь, чтобы я... чтобы я...

— Чтобы ты что?

— Обнял тебя. Или типа того.

Мне и в голову не приходило, но именно в этом я нуждаюсь. Я безмолвно киваю.

Трэвис подвигается ближе, а я переворачиваюсь на другой бок, чтобы он мог обнять меня сзади. Его рука легонько обхватывает меня, и я вжимаюсь в его силу, в его тепло.

Я снова начинаю дрожать.

Он утыкается носом в мои волосы, в мое плечо.

— Мне надо было прийти быстрее, — бормочет он. — Мне так жаль, Лейн.

— Ты пришел достаточно быстро. И это не твоя вина, — я вспоминаю слова, которые Трэвис сказал мне ранее, и повторяю их. — Это он. Это все он.

Мои волосы, выбившиеся из кос, слегка шевелятся от дыхания Трэвиса. Его ладонь мягко обхватывает мое предплечье. Вся длина его тела прижимается к моему, и я окружена его запахом.

Так я чувствую себя в безопасности.

Мне становится лучше.

Я перестаю дрожать.

Я знаю, то, что он делает сейчас для меня — это не личное. Он мужчина, который заботится о других людях, и я единственная, кто у него есть.

Это все равно кое-что значит для меня.

Маленькое местечко, где мне не надо быть всегда сильной.

После гибели родителей я узнала, что жизнь — тяжелая штука, а за последние четыре года я узнала, что все намного хуже. Жизнь жестока. Безжалостна. Она забирает все и редко дает что-то взамен. Так что я никогда не ожидала найти это.

Утешение после конца света.

Я закрываю глаза и засыпаю, окруженная Трэвисом.

Глава 5

Я просыпаюсь следующим утром, и в комнате светло. Это нетипично... обычно мы встаем, когда еще темно.

Я моргаю и переворачиваюсь, запутавшись во времени. Трэвис рядом. Я ощущаю его запах. Я привстаю и обнаруживаю, что он сидит в кресле у окна.

Он читает мою книгу стихотворений, но опускает ее, осознав, что я проснулась.

— Как ты себя чувствуешь?

— Ты чего меня не разбудил? Мы давно должно были отправиться в дорогу.

Он пожимает плечами и встает.

— Неважно. Подумал, тебе не помешает отдохнуть.

Я подвигаюсь, свешивая ноги с края кровати, затем похлопываю по покрывалу рядом с собой.

Он подходит и садится, наблюдая за мной с тихой пытливостью, которая слегка нервирует.

— Как ты себя чувствуешь? — повторяет он, но уже мягче.

— Нормально. Синяк немного побаливает, но ничего страшного. Я правда в порядке. Ты правда думаешь, что мужчины не пытались проверить со мной подобное?

— Знаю, что пытались. Но он тебя везде лапал. Ударил. Я видел, как он сшиб тебя с ног. Он мог... — его лицо безупречно собранное, но акцент делается таким сильным, что мой желудок скручивает спазмом. Трэвис до сих пор очень расстроен.

— Он этого не сделал. Меня сбили, но теперь я снова на ногах. И даже если мне потребовалось больше времени, чтобы снова подняться, я не хочу, чтобы ты обращался со мной как со сломанной куклой или типа того.

Я вижу на его лице признание моих слов. Его челюсти разжимаются.

— Ладно.

— Так что мне не нужно проспать весь день, или что ты там себе придумал. Я хочу снова отправиться в дорогу. Нам нужно добраться до Форт-Нокса раньше, чем стадо.

— Сначала тебе надо поесть. Что-нибудь с протеином. Ты вчера пропустила ужин. Мы все равно выедем поздно, так что давай разведем костер снаружи и разогреем что-нибудь.

Я колеблюсь. Я очень проголодалась, но мы опаздываем.

— Я тоже умираю с голоду, — добавляет Трэвис.

— Ладно. Но прежде чем мы что-то сделаем, мне надо спуститься вниз. Я вот-вот описаюсь, — я направляюсь к двери, но медлю, понимая, что Трэвис идет за мной.

— Ты не пойдешь одна, — говорит он. — Никуда. Больше ни за что. Раньше я пытался дать тебе уединение. Быть... вежливым. Не слишком лезть к тебе. Но теперь этому пришел конец. Я не выпущу тебя из поля зрения.

Я выдыхаю и слегка улыбаюсь.

— Ладно. Но ты повернешься спиной, пока я делаю свои дела. Тут я провожу черту.

— По рукам.

День выходит неплохим. Мне уже лучше после вчерашнего, и осторожность Трэвиса помогает, потому что это дает мне нечто, чему можно противиться и давать отпор.

Не то чтобы я собираюсь бороться с его попытками защитить меня. Мы слишком расслабились, и оба это понимаем. Но необходимость дать Трэвису понять, что я не травмированная и не слабая, дает мне нужный запал, чтобы быть сильной.

По ходу дня ко мне возвращается уверенность. Слишком много всего случилось, чтобы заикливаться на одном плохом моменте.

К вечеру я почти чувствую себя нормально.

Мы преодолели не очень большое расстояние из-за позднего выезда и урона от землетрясений, отчего приходится маневрировать и постоянно искать бензин. Когда начинает темнеть, мы проехали всего около пятидесяти километров.

Нам снова пришлось полностью съехать с разрушенной дороги, так что мы находим местечко в лесу, чтобы разбить лагерь на ночь. Трэвис показывает мне приемы самообороны и учит пользоваться его дробовиком, и от этого мне еще лучше. Он позволяет мне поспать первой после того, как я заставляю его пообещать разбудить меня для моей «смены».

Он правда меня будит. И если я подозреваю, что он бодрствовал больше половины ночи, то у меня нет доказательств. У меня нет никаких часов.

Я сижу спиной к дереву, держа оружие наготове, пока Трэвис спит у моих ног. В какой-то момент он протягивает руку и держится за мою лодыжку, как и несколько ночей назад.

Я не отстраняюсь.

Следующим утром воздух кажется более прохладным. Более свежим. Более близким к тому, что я помню по временам своего детства. Я глубоко дышу, пока мы делим меж собой банку консервированных персиков. После я напеваю себе под нос, сворачивая спальный мешок.

Я это не осознаю. Я делаю это машинально.

Но все же замечаю, когда вижу, что Трэвис уставился на меня.

— Что? — спрашиваю я.

— Ничего. Просто... ты что-то с чем-то.

Я не уверена, что он имеет в виду, но по его лицу понимаю, что это комплимент.

Я улыбаюсь ему, и он почти улыбается в ответ.

День проходит почти так же, как и предыдущий. Медленное продвижение вперед. Никаких встреч, кроме безвредных пеших путешественников.

После обеда мы видим весьма крупный ручей, и я спрашиваю, можем ли мы на время остановиться, чтобы наполнить бутылки и помыться.

Трэвис какое-то время изучает окрестности, пока не находит хорошее уединенное место, с двух сторон огражденное скалистыми выступами. Затем мы берем пустые бутылки, полотенца, мыло, маленькие бутылочки шампуня и идем к ручью.

Сначала мы наполняем бутылки, проверив качество воды (потом можно будет вскипятить для гарантии). Затем я снимаю рубашку, решая помыться в майке и трусиках, как в тот день ранее. Вода в ручье глубиной больше 30 см. Должно получиться.

Когда Трэвис встает рядом с дробовиком, лениво прислоненным к плечу, я спрашиваю:

— Ты же тоже помоешься, разве нет?

— Конечно. Но не одновременно. Тут очень тихо, но я не буду рисковать.

Я соглашаюсь без споров и расстегиваю джинсы.

— Я собираюсь зайти внутрь. У меня до сих пор не было возможности помыть волосы, а очень хочется.

— Нет проблем.

Трэвис не поворачивается спиной, пока я раздеваюсь и захожу в ручей, но и не смотрит на меня. Он осматривает окрестности, его поза выдает напряжение.

Я моюсь и ополаскиваюсь. Затем распускаю косы, опускаю голову под воду и намыливаюсь. Это так приятно, что я стону от удовольствия, пока вымываю шампунь из волос.

Трэвис наблюдает за мной, пока я промываю глаза водой, и я улыбаюсь ему.

— Я никогда не понимала, какая это роскошь — мытье головы.

Он лишь хмыкает.

Я не хочу испытывать терпение Трэвиса, задерживаясь надолго, так что выхожу на берег и вытираюсь. Я заворачиваюсь в полотенце, подтыкая его под мышкой, чтобы удержать, затем тянусь к пистолету.

— Мне надо обсохнуть перед тем, как надевать одежду, так что почему бы тебе не пойти мыться сейчас?

Он не спорит. Он кладет дробовик и подходит к краю ручья. Я стою на страже, совсем как он ранее, пока он раздевается до серых боксеров, которые я нашла для него. Он моется мылом и шампунем намного быстрее, чем я. Я знаю, что ему не нравится быть уязвимым на открытом воздухе.

Я стараюсь стоять на страже и не пялиться на него все время, но сложно отвести глаза. Когда он намокает, хлопок его трусов льнет к телу. Я вижу каждое очертание его фигуры. Сильные бедра. Крепкая округлая задница. Жесткие очертания рук и плеч.

Его тело не просто привлекательное. Оно сильное. Живое.

Что-то во мне тянется к нему так, как тянет к воде во время жажды.

Трэвис оказывается на берегу и вытирается прежде, чем я успеваю переварить свои чувства.

— У нас есть время, чтобы я расчесала волосы? — спрашиваю я у него.

Он на мгновение колеблется.

— Конечно, — он оборачивает полотенце вокруг талии и поднимает дробовик.

Я нахожу камень, на который можно сесть, и принимаюсь распутывать свои мокрые волосы. Трэвис напряженно ждет, выглядя до невозможности сексуально в одном полотенце и с дробовиком.

Я действую быстро и почти распутала волосы, но вдруг замечаю кое-что, когда Трэвис поворачивается.

— Ты ранен! — я встаю, и от движения мое полотенце соскальзывает.

Он удивленно моргает.

— Что?

— Ты ранен. Тот мужчина зацепил тебя ножом. Почему ты мне не сказал?

Он смотрит на свой бок, на порез, который опять начал кровоточить — наверное, от того, что он помылся.

— О. Это ерунда. Я почти и не заметил.

— Я не осознавала, что он тебя ранил. Ты даже не обработал порез.

— Я же сказал, ерунда, — он выглядит весьма раздраженным. Это почти вызывает облегчение. Значит, он оправился и стал самим собой.

— Ну, если мы не обработаем рану, может начаться заражение. Нельзя же так глупить! — мое полотенце продолжает сползать, так что я бросаю его и тянусь к джинсам. Мои трусики все равно почти высохли.

Трэвис скользит взглядом по моему телу, после чего резко отворачивается.

Надев джинсы, я подхожу к джипу и достаю нашу аптечку.

Трэвис мрачнеет.

— Я же сказал...

— Знаю, знаю. Это ерунда, — я сердито смотрю на него. — Ну, я все равно обработаю рану, хоть ерунда это, хоть нет.

Он больше не возражает, но его тело напряжено, пока я аккуратно очищаю порез, наношу мазь-антисептик и наклеиваю два пластыря. Его полотенце мне мешает, так что я сдергиваю ткань с его талии. Он свободно придерживает полотенце рукой. На нем все равно есть трусы, так что он не голый.

Прижимая пластыри к его коже, я внезапно осознаю, как близко стою. Я чувствую его тепло. Чувствую его чистый запах. Его тело крепкое, напряженное. Но оно реальное, мужское и такое близкое ко мне.

Я провожу пальцами вверх от пластырей по его боку и слышу, как он резко втягивает вдох.

Я смотрю ему в лицо и вижу, как его глаза блуждают от моего лица к груди. Мои волосы распущены. Моя майка до сих пор слегка влажная.

Я чувствую себя желанной в такой манере, которой обычно не испытываю. Его серо-голубые глаза пылают чем-то сродни голоду.

Я опускаю взгляд на его тело. Ткань его боксеров вздыбилась.

Он затвердел.

Между моих ног зарождается пульсация.

Мы оба молчим, не считая нашего учащенного дыхания. Его взгляд задерживается на моих грудях. Их ничто не прикрывает под влажной льнущей майкой. Я опускаю глаза и вижу, что соски заметно напряглись.

Я как будто чувствую их. Свои соски. Напрягшиеся под тканью.

Они реагируют на Трэвиса, как и остальное мое тело.

Затем он внезапно издает сдавленный звук и драматично отворачивается, густо покраснев.

— Прости, — бормочет он. — Прости.

Я делаю несколько глубоких вдохов и смотрю на его пах. Его эрекция отчетливо видна под влажным хлопком. Это заставляет меня вспомнить, как он мастурбировал в ванной того дома пару дней назад. Те тихие ритмичные шлепки. И как он под конец застонал.

Мне так хочется прикоснуться к нему, что меня почти трясет.

— Все в порядке, — выдавливаю я.

— Я не хотел.

— Знаю. Тебе не нужно извиняться.

Я жду, затаив дыхание. Мои пальцы дрожат, так что я сжимаю ладони в кулаки.

— Нам пора отправляться, — Трэвис неловко отстраняется от меня. — До темноты есть еще час или два.

Я выдыхаю.

— Ладно. Я готова.

Два часа спустя мы находим дом для ночлега.

Он большой, окружен несколькими акрами земли. Там имеется веранда с прекрасной декоративной плиткой, летней кухней под открытым небом и встроенной ямой для костра. Кое-что пострадало от землетрясения, но не слишком сильно. И дом расположен на холме, что дает хороший обзор на окрестности, и я знаю, что от этого Трэвису спокойнее за нашу безопасность.

Костровище просто идеально. Мы разводим небольшой огонь, кипятим воду, чтобы сделать макароны с сыром быстрого приготовления. Конечно, у нас нет молока или масла, но и с водой прекрасно. Мы едим их с банкой ростбифа в подливе. Так написано на банке: ростбиф в подливе. Я не уверена, настоящее ли это мясо, но оно вкусное и знакомое. Как и макароны с сыром.

Мы чистим зубы и идем пописать, после чего направляемся в спальню на втором этаже.

Я переодеваюсь в леггинсы, не снимая майку, пока Трэвис загораживает дверь комодом.

После этого он расслабляется. Я вижу это по его позе, выражению лица.

К тому моменту, когда он переодевается в чистую футболку и спортивные штаны, я принимаю решение.

Я сижу в изножье кровати, и он медлит, заметив, что я смотрю на него.

— Что не так?

— Ничего.

— Нормально себя чувствуешь?

— Да, все хорошо.

Он хмурит брови и садится рядом, от чего матрас проседает.

— Ты не устала?

— Не слишком.

Он колеблется, всматриваясь в мое лицо в поисках объяснения моему настроению.

— Я могу что-то для тебя сделать?

— Да.

— Что?

Я открываю рот, но слова застревают в горле. Я хочу сделать это, но это кажется таким странным, таким рискованным.

— Что такое, Лейн? Я сделаю все, что тебе от меня нужно, — его лицо выражает искренность. Похоже, он говорит всерьез.

— Я устала чувствовать себя напуганной и беспомощной.

— Хочешь, чтобы я поучил тебя другим приемам?

— Да, но не сейчас. Я не это имею в виду. Я устала всегда чувствовать себя так. Это длится уже годами. Будто я ничего не контролирую. Я хочу что-нибудь сделать с этим. Я хочу что-нибудь сделать, чтобы изменить это.

Он явно до сих пор понятия не имеет, о чем я говорю.

— Что ты хочешь сделать?

Я с трудом сглатываю.

— Я хочу почувствовать что-нибудь другое. Я хочу почувствовать что-нибудь... приятное.

Он замирает совершенно неподвижно. Даже его ресницы не шевелятся.

Теперь я уже по уши в этом... дороги назад нет. Возможно, это самый дурацкий мой поступок, но я не собираюсь останавливаться.

— Я не хочу, чтобы ты делал то, чего не хочешь, Трэвис. Я бы никогда даже не попросила. Но кажется... уже дважды... кажется, будто ты... будто ты хотел. Со мной. Так что я подумала...

— Ты хочешь... — его голос такой тихий и горланый.

— Заняться сексом. С тобой. Да. Хочу, — я смотрю на свои руки на коленях. — Если ты хочешь.

— Зачем?

Я вскидываю голову от надломленного изумления, прозвучавшего в этом одном слове.

— Я же сказала. Я хочу почувствовать... что-то другое. Что-то хорошее. Я хочу почувствовать... что контролирую происходящее.

— Я помогу вернуть тебе чувство контроля и без...

— Но я хочу это сделать. Почему я не должна этого делать? Почему мы не должны?

Его широко раскрытые глаза все еще изучают мое лицо.

— Со мной?

— Да. С тобой. Ты мне нравишься. Мне нравится, как ты выглядишь. И я хочу это сделать, — я втягиваю протяжный прерывистый вдох. — Ты... тебе нравится, как я выгляжу?

Он так напряжен, что тоже почти дрожит.

— Ты же знаешь, что нравится.

— И мне показалось... уже дважды... что ты хотел...

— Не дважды, это случалось чаще, — он опускает глаза, как и я ранее.

Меня накрывает воспоминанием о том разе, когда я подслушивала, как он дробил в ванной того дома. Как я запустила руку под свои трусики. Все мое тело переполняется жаром, который собирается между ног.

Сумев заставить горло работать, я говорю:

— Ладно. Итак. Мы оба хотим. Так почему мы не должны этого делать? Почему мы всегда должны... должны работать, страдать, терпеть боль и бороться? Почему мы... почему мы не можем испытать что-то хорошее?

Теперь он уставился на меня, и я вижу напряжение на его лице. Он испытывает соблазн. Он решает. Он хочет этого, как и я.

Это дает мне храбрости встать.

— Пожалуйста, Трэвис. Я хочу. Ты не воспользуешься мной. Я хочу сама принимать решения, и это мой выбор. Итак... итак, ты хочешь?

Вопрос повисает в воздухе на несколько долгих секунд.

Затем что-то мелькает на его лице, когда он бормочет:

— Да.

Я вдыхаю и выдыхаю. Я поворачиваюсь к нему лицом, пока он сидит в изножье кровати.

— Сейчас тебя устроит?

— Д-да. Сейчас хорошо, — его щеки слегка покраснелись, спина напряжена. Глаза не отрываются от меня, когда я делаю шаг к нему.

Я не совсем знаю, что делать, но его твердый взгляд делает что-то с моими внутренностями. Я наклоняюсь, аккуратно снимаю леггинсы и теперь стою перед ним только в майке и белых хлопковых трусиках.

Его взгляд быстро пробегаётся по мне и потом возвращается к груди. Затем к моему паху. Я вижу жар, вспыхивающий в его глазах, и это меня ободряет.

Он правда хочет этого. Он просто осторожен. Беспокоиться переступить границы дозволенного.

Но он правда хочет этого.

И я тоже.

Я делаю шаг еще ближе, пока его колени не задевают мои ноги. Его голова на уровне моей шеи.

Трэвис протягивает руки и нежно прикасается к моим бокам. Я чувствую его ладони через ткань майки. Он медленно поднимает их, пока не задевает мои груди снизу. Мы оба смотрим на его руки, пока его пальцы деликатно скользят по соскам, проступившим через поношенный хлопок.

Я ахаю от этих ощущений.

Его взгляд взлетает к моему лицу.

— Ты уверена насчет этого?

— Да. Я уверена. Пожалуйста. Прикоснись ко мне. Я хочу ощутить что-то... хорошее.

Он обеими руками берется за низ моей майки и стягивает ее через голову. Мои груди подпрыгивают от этого движения, и Трэвис издает странный гортанный звук, глядя на них.

Он снова тянется к моим грудям, и на сей раз между его мозолистой кожей и моим телом ничего нет.

Я переступаю с ноги на ногу, и тот завиток жара между ног усиливается.

Он долго изучает мое тело вот так. Трогает меня мягко, аккуратно. Мои груди. Мой живот. Мои руки. Когда его ладони наконец-то возвращаются к груди, он перекатывает мои соски под большими пальцами, и я выгибаюсь навстречу, ахнув.

Мои колени подкашиваются. Я держусь за его плечи для опоры.

Он накрывает мою задницу поверх трусиков и поддвигает меня ближе к себе, устраивая между своих ног. Затем берет мой сосок в рот, посасывая и дразня его языком.

Я хнычу и впиваюсь ногтями в его плечи.

Пульсация возбуждения теперь уже повсюду. Я чувствую это с головы до пят. Я и раньше возбуждалась, но это не было так. Я издаю очередной хнычущий звук, когда его зубы легонько царапают кожу над моим соском.

Он позволяет мне выскользнуть из его рта и отстраняется, чтобы всмотреться в мое лицо.

— Трэвис, — шепчу я.

— Тебе нравится?

— Да, — мое лицо горит, голова кружится, между бедер все пульсирует. — Мне...

— Хорошо, — он снова подается вперед, чтобы пососать другую грудь, и на сей раз его рука соскальзывает с моей попки ниже. Он сжимает бедро сзади и продолжает сжимать, пока его пальцы постепенно не оказываются между моими ногами, проводя по ткани трусиков.

Я влажная. Я внезапно осознаю это. Возможно, он даже чувствует это.

Я издаю смущенный звук, когда мои бедра начинают тереться об его пальцы.

— Тебе правда нравится, — бормочет он, будто слегка удивившись, и легонько дергает мой сосок.

— Д-да. Да, нравится, — я тяжело дышу, начинаю потеть и покачиваться на ногах, опираясь на его плечи, чтобы не упасть.

Он отстраняется и снова смотрит на меня.

— Ты правда этого хочешь.

— Я же сказала.

В выражении его лица промелькивает что-то, явно выдающее одно — он наконец-то принял это и верит, что я правда этого хочу.

— Почему бы тебе не прилечь? — он отстраняет меня и встает, чтобы стянуть футболку через голову. Он возбудился еще с того момента, как я сняла леггинсы, но теперь он полностью эрегирован, его длина и толщина отчетливо видны под свободными штанами.

Я подхожу, чтобы стянуть покрывало и одеяло, и ложусь на кровать, пинками отбрасывая их, чтобы не мешались.

Я чувствую себя голой, оставшись лишь в трусиках. Уязвимой, пока его нетерпеливый взгляд бродит по мне. Я изнываю от нужды, и мне сложно лежать неподвижно.

Я ерзаю бедрами и впиваюсь пальцами в простыню под собой.

Трэвис забирается на постель рядом, все еще одетый в спортивные штаны. Его отросшие волосы взъерошены, ему надо побриться, и он снова начинает пахнуть Трэвисом. Он сексуальнее всего, что я когда-либо видела.

Он опирается на одну руку, а другой еще немного мнет мои груди, водя кончиками пальцев вверх и вниз, по очереди дразня соски.

Я ахаю от каждого касания и выгибаюсь, поднимая грудь ему навстречу.

Затем он дразнит меня ртом, пока я не начинаю почти извиваться. Я мямлю невнятные мольбы, когда он утыкается лицом в мой живот.

Я стискиваю его волосы обеими руками.

— Трэвис!

— Хмм, — он удивляет меня, протяжно лизнув центр живота вверх и в итоге накрыв ртом мою грудь.

Я издаю урчащий звук, и мной овладевает спешка.

— Трэвис, пожалуйста!

— Раздвинь для меня ножки.

Я сжимала бедра из-за пульсирующей нужды, но подчиняюсь. Я теперь такая влажная, что уверена — он видит мокрое пятно на моих трусиках, когда его глаза опускаются к моему паху.

Мы оба тяжело дышим, пока он смотрит на меня. Двумя пальцами он поглаживает мое белье вверх и вниз. Затем начинает чуть сильнее давить в разных местах. Находит влажное пятно. Раскрывает меня через трусики. Снова трогает.

Я осознаю, что он пытается найти мой клитор.

— Выше, — шепчу я.

Он слегка сдвигает пальцы и снова давит.

Я дергаюсь и запрокидываю голову.

— Да, тут.

Он кругами массирует мой клитор через трусики.

Я хнычу и запрокидываю руки за голову, чтобы схватиться за что-нибудь. За что угодно. Я нахожу изголовье и держусь за него.

Его глаза не отрываются от меня, пока он гладит меня через влажный хлопок. Я чуть ли не рыдаю, когда оргазм приближается, но тут Трэвис останавливается.

— Тебе это нравится, Лейн? — спрашивает он, стягивая мои трусики вниз по ногам.

— Да. О Боже, да. Я... я...

Он хмурит брови.

— Что ты?

— Я тут умираю! Пожалуйста, мне нужно поскорее кончить.

— Я сделаю так, чтобы ты кончила. Я сделаю так, чтобы ты кончила очень хорошо, — в его глазах живет жаркое обещание, которое удивляет меня и заставляет все тело сжаться от предвкушения.

— Скоро?

— Вполне скоро, — он изменяет позу так, чтобы оседлать одну мою ногу, и утыкается лицом в мои груди.

— Ты слишком высоко. Тебе надо опуститься пониже.

Он усмехается. От этого его тело трясется и слегка задевает мою чувствительную кожу.

— Я так и сделаю. Имей немножко терпения.

— Я не хочу терпения. Я хочу кончить.

Его тон слегка меняется, когда он бормочет:

— Не хочу спешить. Хочу, чтобы тебе было хорошо, — он снова посасывает мой сосок.

Понимание, что он говорит мне правду — что он так усиленно старается, чтобы я получила удовольствие — будит во мне иное напряжение.

На сей раз оно вызвано эмоциями.

Я глажу его по спине, наслаждаясь ощущением твердых перекатывающихся мышц, а потом снова запутываюсь пальцами в его волосах.

Очень нежно я толкаю его ниже.

Трэвис снова усмехается и на сей раз опускает ладонь между моих ног. На мне уже нет трусиков, так что я чувствую его пальцы, когда он принимается изучать мою горячую влажную плоть.

Я издаю абсурдные скулящие звуки, пока он дразнит и ласкает. Затем он вводит в меня палец, поворачивая его так, чтобы ощутить мои внутренние стенок.

— Откройся для меня сильнее, — хрипло бормочет он, когда я сжимаюсь от проникновения.

Я развожу ноги, сгибая их в коленях. Трэвис убирает палец, затем вводит уже два пальца.

Я не уверена, как воспринимать эти глубинные ощущения. Я снова хватаюсь за изголовье, а пальцы ног впиваются в простыню, поджимаясь.

Трэвис утыкается лицом в мои груди, а потом в живот, продолжая двигать пальцами во мне.

Мое тело как будто хватается за них, пытается сжаться вокруг них. Кончиками пальцев он потирает мои внутренние стенок, не прекращая движений.

Теперь я вся вспотела, мотаю головой из стороны в сторону. Я кусаю губу, подавляя беспомощные звуки.

Его голова опускается ниже по моему телу. Его волосы щекочут мой живот, щетина царапает внутреннюю сторону бедра. Прежде чем я успеваю сообразить, его язык принимается активно лизать мой клитор.

Я совершенно теряю контроль, захлебываясь наслаждением, пока мое тело упивается оргазмом от его пальцев.

— Это очень хорошо, — хрипло бормочет Трэвис, утыкаясь носом в мой пупок и продолжая двигать пальцами, пока мои мышцы сокращаются. — Ты ведь этого хотела, верно? Сейчас тебе очень хорошо. Как ты и говорила.

Мне не хочется, чтобы это прекращалось, и это не прекращается — его большой палец накрывает мой клитор и начинает массировать. Я хнычу и выгибаюсь всем телом, когда удовольствие опять усиливается, и вскоре за первым я испытываю еще парочку мини-оргазмов.

Его пальцы все еще во мне, когда Трэвис поднимается выше по моему телу, прокладывая дорожку поцелуев от груди к горлу. Он посасывает точку пульса, нежно двигая пальцами, пока мои судороги стихают.

Он еще не целовал меня в губы. Я этого и не ожидаю.

— Ты стала очень влажной, — бормочет он с улыбкой в голосе, хотя я не вижу его лицо. — Моя рука абсолютно мокрая.

Я хихикаю и отпускаю изголовье, дергаю его за волосы обеими руками. Мне уже лучше теперь, когда он более расслаблен и уверен в том, что мы делаем.

— Ну, ты сам ее туда засунул. Мне было хорошо, как ты и сказал.

— Да, хорошо. Давай посмотрим, может ли тебе быть еще лучше.

— Я сомневаюсь, смогу ли... — я испускаю пронзительный визг. Он подхватил мою ногу и закинул ее высоко на свою спину.

Его пальцы все еще во мне, теперь уже под иным углом. Я чувствую, как его эрекция прижимается к другому моему бедру, но на нем по-прежнему надеты спортивные штаны.

Трэвис трахает меня своими пальцами. Не просто двигает и поглаживает. Он трахает меня. Рукой. Грубо, быстро и нетерпеливо.

Это ощущается иначе. Жестче. Глубже.

Я издаю надломленный крик и впиваюсь ногтями в его шею сзади. Его лицо все еще утыкается в изгиб моего горла.

Сама того не ожидая, я сильно кончаю. Все мое тело трясется, пятка крепко прижимается к его голой спине.

— Теперь тебе еще лучше, — его голос такой низкий, хриплый и опьяняющий. — Я же сказал, что ты сможешь. Очень хорошо. Тебе очень приятно.

Возможно, я кончаю еще раз. Возможно, оргазм просто длится долго. Но я никогда не знала, что мое тело способно на такое. Я испытывала лишь краткие жаркие вспышки удовольствия от потирания клитора.

Это другое. Это сотрясает все мое тело.

Выворачивает наизнанку.

Мы оба задыхаемся к тому моменту, когда движения его руки наконец-то замедляются. Он нежно поглаживает меня и убирает пальцы.

— Теперь моя рука стала еще мокрее, — сухо говорит Трэвис, легонько куснув меня за плечо.

— Говорю же. Сам виноват, что сунул ее туда. Теперь я хочу кое-что другое вместо твоей руки.

Он прочищает горло и приподнимается на прямых руках.

— Ты уверена?

Я едва не давлюсь от удивления.

— Да, уверена. Я хочу этого. И я хочу, чтобы тебе тоже было хорошо.

— У меня нет...

— Знаю. Но не думаю, что нам нужны презервативы. Я же говорила тебе про месячные. Не думаю, что я смогу... я не забеременею.

После удара фертильность значительно снизилась. Дети рождаются редко. Если я каким-то чудом забеременею, то, наверное, посчитаю, что это на благо человеческой расы и как-нибудь справлюсь.

— Я вытащу, — у Трэвиса снова появляется это бдительное выражение. — В конце. Не стопроцентная гарантия, но все-таки помогает.

Я киваю. Он знает о сексе намного больше, чем я, так что полагаю, что он может позаботиться об этом моменте.

Трэвис встает, чтобы снять спортивные штаны. Я смотрю на его обнаженный пенис — большой, крепкий, чуть темнее остальной его кожи. У основания виднеются жесткие волоски, узкой полоской поднимающиеся от паха к животу. Его эрекция слегка покачивается при движении.

С минуту он смотрит на меня. Затем забирается на постель, мягко разводит мои ноги и устраивается на коленях между ними.

Я никогда не принимала сознательного решения не говорить ему, что я девственница. Я просто не сообщаю этого.

Это заставило бы его обращаться со мной иначе. Он мог бы вообще передумать.

Мне нравится, какой он сейчас. Не хочу, чтобы он менялся. Или останавливался.

Трэвис подвигается ближе ко мне. Он берет свою эрекцию в руку и собирает несколько капелек жидкости с головки. Затем накрывает ладонью мою попку, чтобы

приподнять бедра. Я остаюсь в этой позе, пока он одной рукой придерживает себя и входит.

Там тесно. Очень тесно.

Ощущения интенсивные. Откровенные. Ошеломляющие.

Кажется, будто в моем теле не осталось места для его длины, но мое тело растягивается, принимая его глубже.

Я шумно дышу, сжимая пальцами простыню.

Взгляд Трэвиса опускается от моего лица к месту, где он входит в меня... будто он смотрит, как погружается в меня. Его тело напряжено и вспотело.

— Ты как? — спрашивает он, полностью войдя одним медленным толчком.

Я издаю странный гортанный звук и пытаюсь шевельнуть бедрами.

— Лейн? — он отводит взгляд от паха и сосредотачивается на моем лице. — Тебе больно?

— Нет, — хриплю я. — Только... только тесно. Ты... большой.

— Да? — он кажется удивленным. Слегка польщенным. Затем его тон меняется. — Слишком большой для тебя?

— Нет. Это приятно, — я снова двигаю бедрами и осознаю, что расслабляюсь вокруг него. Все по-прежнему ощущается таким наполненным, откровенным... и интенсивным. Но уже не так болезненно тесно.

— Уверена? Мы не будем делать это, если тебе неприятно.

— Приятно, — я выгибаюсь и запрокидываю голову. Он снова поддерживает меня за задницу, и я пытаюсь понять, куда деть свисающие ноги. — Мне очень хорошо.

Трэвис расслабляется и позволяет своему взгляду снова пройти по моему телу. Я бесстыдно раскинулась, его руки поддерживают мои бедра. Он может видеть всю меня.

Похоже, ему нравится то, что он видит.

Очень нравится.

Его глаза снова распалываются.

Затем его бедра начинают двигаться. Поначалу медленно. Ритмично. Осторожно раскачиваются.

Я беспомощно стону, чувствуя, как его длина движется во мне.

Это вызывает ноющую боль. Но не в плохом смысле слова.

— Тебе хорошо?

Я кусаю губы и стараюсь найти опору на постели. Мое тело сотрясается от его движений.

— Д-да. Хорошо. Очень хорошо.

Трэвис держит мои бедра слегка приподнятыми и долгое время движется в одном ритме. Мои обнаженные груди подпрыгивают. Выбившиеся волосы льнут к влажному лицу. Кровать тихонько поскрипывает.

И я занимаюсь сексом.

Я занимаюсь сексом.

Мои ноги неловко болтаются, так что я сцепляю их за бедрами Трэвиса.

Он начинает постанывать от наших движений. Этот грубый, примитивный звук отдается в самом центре моего нутра. Его бедра ускоряются, толчки становятся более энергичными.

Я выгибаю шею и стону, не в силах поверить, что эти чувственные звуки срываются с моих губ.

— Бл*ть, — черты его лица искажаются. Он теряет контроль. Его ритм усиливается. — Ох, бл*ть. Опустит руку и поласкай себя.

Эти слова удивляют меня. Даже шокируют. Но я немедленно реагирую. Я отпускаю простыню, в которую вцепилась, и опускаю ладонь на свой клитор. Я неуклюже тру его, пока Трэвис трахает меня.

Наслаждение резко скручивает все вниз, и я издаю жалобный мяукающий звук.

— Вот так. Именно так. Продолжай, — его пальцы впиваются в мягкую плоть моей попки. Мое тело подпрыгивает от его толчков.

Это ощущается таким диким. Похотливым. Скрип кровати, мои подпрыгивающие груди. Шлепки наших тел друг о друга.

Я лихорадочно тру себя, когда его толчки становятся жесткими и дергаными. Я кричу, когда наслаждение наконец-то захлестывает меня. Трэвис несколько секунд движется вопреки моим конвульсиям, затем резко вскрикивает и выходит из меня.

Он позволяет моим бедрам упасть на кровать и кончает на мой живот, рукой сжимая себя на протяжении разрядки.

Перед глазами все расплывается, но я вижу, как искажается его лицо, как рот открывается в хриплом стоне.

Я все еще легонько потираю клитор, ощущая отголоски наслаждения. Я тяжело дышу, наблюдая, как все напряжение уходит из его тела и лица, сменяясь мягким удовлетворением.

Трэвис падает на кровать рядом, повернувшись ко мне лицом.

Мне требуется немало времени, чтобы перевести дыхание. Когда возвращается дар речи, я хрипло произношу:

— Спасибо... тебе. Спасибо.

— Тебе было хорошо? — его голос такой же охрипший, как и мой, и я слышу, как он неровно и часто дышит.

— О да, — я поворачиваюсь и встречаюсь с ним взглядом. — Тебе тоже?

— Лучше всего... на свете, — его серо-голубые глаза смотрят серьезно. По лицу стекает пот.

Он искренен.

Я выдыхаю с облегчением.

Это не было ошибкой. Я сделала, что хотела, и не придется об этом жалеть. Может... даже посреди опасностей, потерь и страха... мы можем сделать что-то чисто для себя.

Только для Трэвиса и для меня.

Нам может быть хорошо. Хотя бы на какое-то время. В незнакомом доме. В укрытии забаррикадированной спальни.

Необходимая разрядка в этом жестоком мире.

И если у меня есть право голоса в данном вопросе, мы сделаем это снова.

Глава 6

Несколько минут мы лежим на кровати голые и приходим в себя. Я чувствую, как дыхание Трэвиса замедляется, а тело немного охлаждается.

Мое тоже.

В итоге я спрашиваю:

— Тебя до сих пор тянет закурить сигаретку?

Он удивленно, но весело хмыкает.

— Не так сильно, как я думал. Я пытался бросить, когда родилась Грейс. Сократил до одной-двух штук в день. На улице, где дым не...

Он умолкает, но я понимаю, что он имеет в виду.

Он бросал курить ради дочери.

А теперь его дочь мертва.

— А потом, после, не было времени подумать о курении, даже если под рукой были сигареты, — он сгибает одну руку, кладет на нее голову и смотрит на меня. — Но если бы мне когда-то и захотелось сигарету, то именно сейчас.

Я улыбаюсь от теплого блеска в его глазах.

Его глаза скользят ниже по моему телу, он поднимается на ноги и натягивает трусы.

— Дай схожу за полотенцем. Я тебя всю испачкал.

Он и правда меня испачкал. Его сперма разбрызгана по всему моему животу. Я не уверена, что с этим делать, так что просто жду, пока он приносит полотенце (мы развесили их ранее, но оно все еще немного сырое) и вытирает мой живот.

Его рука замедляется, но не отстраняется. Трэвис не смотрит мне в глаза.

— Могу я кое-что спросить?

— Конечно, — я понятия не имею, чего ожидать, но мое сердцебиение учащается.

— Это... вот только что... это был твой первый раз?

Я напрягаюсь и отталкиваю полотенце. Я проверяю между ног, но непохоже, чтобы у меня шла кровь. Я сажусь и накрываюсь простыней.

— Ты... ты заметил?

Трэвис не отвечает. Не смотрит на меня.

— Я... я была так плоха?

Его взгляд взлетает к моему лицу.

— Нет! Конечно, нет. Ты была... великолепна. Я просто... задавался вопросом, — его акцент становится сильнее, он запинаясь.

Я расслабляюсь и пытаюсь улыбнуться.

— Можешь передать мне ту синюю футболку?

Трэвис встает за ней, пока я надеваю трусики. Надев и футболку, я подвигаюсь, освобождая для него место на кровати.

— Мне не стоило спрашивать? — теперь он смотрит на меня. Это уже что-то.

— Нет, ничего страшного. Я просто не хотела... быть плохой в этом.

— Ты не была плоха. Все было здорово.

— Я тоже так подумала, — я несколько секунд терзаю нижнюю губу зубами. — Это был мой первый раз.

— Почему ты мне не сказала?

— Не знаю. Я вроде как смущалась. И я не хотела, чтобы ты... обращался со мной иначе.

— Я был бы нежнее. Осторожнее. Если бы знал.

— Я знаю. Поэтому и не сказала. Я не хотела, чтобы ты был только осторожным и нежным. Я хотела... прочувствовать это.

— И как? — он удерживает мой взгляд, смотря искоса.

— Да. Прочувствовала, — я тереблю простынь. — А ты?

— Да. Я тоже.

Теперь все решено, так что мы готовимся ко сну. Я поправляю постель, пока Трэвис убеждается, что два окна и забаррикадированная дверь надежно заперты. Снаружи почти стемнело, как и в комнате, когда Трэвис забирается на кровать рядом.

Мы оба лежим на спине, между нами примерно тридцать сантиметров. Время от времени я чувствую, как он слегка меняет позу.

Не знаю, сколько проходит времени, когда Трэвис говорит:

— Я слышал, в первый раз у женщин идет кровь.

Может, эти слова должны удивить меня, но не удивляют.

— Не знаю. У некоторых идет. У некоторых не идет.

— Ты никогда не заходила так далеко с Питером?

Я дергаюсь и поворачиваюсь на бок лицом к нему. Я не вижу его в темноте, но это неважно.

— Ты знал про Питера?

— Конечно. Питер Шепард. Сын Пэта и Роуз. Ты какое-то время встречалась с ним, разве нет?

— Да. Когда мне было семнадцать. Я просто удивлена, что ты в курсе. Мы с тобой тогда даже не были знакомы

— Нет, были. Я чинил твою машину, — он произносит эти слова просто, будто они выражают очевидную правду.

Может, так и есть.

— Знаю. Но мы никогда... Просто мне и в голову не приходило, что ты заметишь, с кем я встречаюсь.

— Это не было что-то мутное. Я не следил за тобой или типа того. Просто заметил. Подумал, что Питер — хороший парень.

— Таким он и был, — я подавляю знакомую ноющую боль. Это было годы назад. Уже не так ранит. — Мы так и не дошли до секса. Дошли бы. Уверена, что дошли бы. Но нам не представилось шанса.

Трэвис протягивает руку и на несколько секунд прикасается к моему предплечью, затем отстраняется. Мы еще одну-две минуты молчим, после чего он говорит:

— Я был с той группой, что нашла его тело.

— Да?

— Да. Если... если это чем-то поможет, похоже, он погиб быстро.

Однажды Питер пошел охотиться и не вернулся. Другие охотники нашли его тело и сказали, что его, видимо, подстрелили. Никто так и не узнал, что случилось.

— Я рада, что он не мучился. Он был очень милым, — я прерывисто вздыхаю. — Может, даже слишком милым для нынешнего мира.

— Да. Наверное, сейчас уже не осталось места для чего-то милого.

Слова повисают в тишине комнаты.

Я дотрагиваюсь до руки Трэвиса, давая понять, что ценю его слова, затем откатываюсь и стараюсь заснуть.

Я думаю об его словах.

Я не милая. Уже нет. Может, я была бы милой, если бы мир остался прежним, но у меня нет такой роскоши. Я слишком занята выживанием.

Трэвис тоже не милый. Он грубый, резкий, закаленный и сильный.

Он не милый.

Но он хороший.

Я знаю, что он хороший.

И факт его существования в этом побитом мире, который нам достался, заставляет меня верить, что я, возможно, тоже могу быть хорошей.

Я хорошо сплю и прекрасно чувствую себя после пробуждения. Трэвис тоже выглядит чуточку более расслабленным, пока мы тихо просыпаемся и собираемся.

Это вызывает во мне странный трепет. То, что Трэвис теперь более расслаблен. То, что секс помог ему снять часть напряжения. То, что он чувствует себя лучше, потому что мы переспали.

Мне даже нравится, что между ног слегка ноет — напоминание о том, что мы делали прошлой ночью.

Когда мы трогаемся в путь, на дорогах тихо. Вся эта зона полностью заброшена. Из-за землетрясений, я так понимаю. Но я стараюсь не терять бдительность — мы все равно можем столкнуться с проблемами.

Ранее я расслабилась, и это добром не кончилось.

Мы добиваемся того же медленного прогресса, что и в прошлые несколько дней, пробуя найти обходные пути вокруг наиболее сильной разрухи от землетрясений и отыскать бензин. Посреди дня мы останавливаемся, чтобы размять ноги и поесть чего-нибудь.

Трэвис отъезжает довольно далеко от дороги, чтобы джип не было видно проходим. По одну сторону от дороги мертвое пастбище, но по другую леса, и ему удается спрятать

машину за несколькими полумертвыми деревьями. Мы едим протеиновые батончики и немного гуляем в лесу, потому что тут ходить безопаснее, чем по дороге.

Через несколько минут я замечаю кое-что на ветке и хватаю его за руку.

— Трэвис, смотри!

Его взгляд устремляется туда, куда показывает мой палец.

Это кардинал. Самец. Ярко-красный и примостившийся на ветке.

— О Боже, Трэвис! — теперь я шепчу и все еще цепляюсь за его руку. Я не хочу спугнуть птицу.

Я так давно их не видела.

Я украдкой смотрю на Трэвиса и замечаю, что под его бдительностью скрывается восторг.

Он тоже рад увидеть птицу.

Когда птичка слетает со своего насеста на другую ветку пониже, я иду следом за ней и ташу за собой Трэвиса.

— О, смотри, — теперь мне видно ее чуть лучше. — Он ест вон те ягоды.

— Бузина. Поверить не могу, что для него нашлось питание.

Дикие растения в последние несколько лет были не настолько здоровыми, чтобы давать плоды. Но вечерами мы слышали насекомых. И вот теперь кардинал. Ягоды на ветках.

Мои глаза щиплет, пока я смотрю, как маленькая птичка аккуратно хватается несколько ягодок и взлетает на ветку повыше, чтобы съесть их.

Моя рука крепко обвивает предплечье Трэвиса. Он стоит так же неподвижно, как и я.

Птица съедает еще несколько ягод, затем замечает нас и улетает.

— Мы можем поесть бузины, — говорит Трэвис нормальным голосом, раз птица уже испугалась и улетела.

— Они хорошие?

— Неплохие. Своего рода терпкие. Они намного вкуснее в подслащенном виде, в варенье или пирогах. Но можно попробовать.

Мы подходим, срываем несколько ягодок с веток и кладем в рот.

— Ммм. Неплохо.

Трэвис срывает еще несколько и передает половину мне.

Свежие фрукты — это роскошь, которой больше нет в нашей жизни.

— Давай не будем есть их все, — говорю я минуту спустя. — Надо оставить немного птицам. Надеюсь, тут не только один кардинал.

— Наверняка. Оставим остальное им, — он вытирает рот тыльной стороной ладони, затем кладет ладонь между моих лопаток. — Пора возвращаться.

— Ага. Я готова. Я рада, что мы увидели птицу.

— Я тоже.

Мы выходим из леса и понимаем, что мы не одни.

Мы должны были услышать шум двигателя. Или звуки голосов. Мы были не так уж далеко от машины, а у Трэвиса особенно острый слух.

Но там не было шума двигателей. Не было голосов.

Они передвигались пешком. Бесшумно. Целенаправленно. Как морские котики или обученные ассасины.

Как только мы выходим из леса, они нас окружают.

Я немедленно достаю пистолет из кобуры, а Трэвис приставляет дробовик к плечу и целится.

Но их слишком много против нас двоих.

Со своего места я вижу минимум двадцать человек, и их наверняка больше.

Они все вооружены. Их лица напряжены и насторожены. На нас нацелено минимум десять пистолетов.

Все они женщины.

Этот факт откладывается в голове сквозь прилив паники.

Неважно, насколько Трэвис силен и умел. Нас окружает слишком много оружия, чтобы он смог драться.

Одна женщина выходит вперед из полукруга, который плавно окружил нас. Она высокая и сильная, с темными волосами, темными глазами и загорелой кожей.

— Мы убьем тебя раньше, чем ты нажмешь на курок, — она не кажется злой.

Она полностью контролирует ситуацию.

Трэвис задвинул меня за себя, так что я в ловушке между его телом и деревом.

— Я убью нескольких из вас прежде, чем это случится.

Я свободной рукой вцепилась в его футболку, хотя все равно целюсь в одну из женщин в пределах моей досягаемости. Трэвис так напряжен, что я чувствую пробегающую по нему дрожь. Я не вижу его лица, но мне и не нужно.

Он напуган.

Как и я, он знает, что у нас нет надежды сразиться и выйти из этой ситуации.

— У тебя будет лишь один выстрел. Лучше бы он попал в цель, — говорит та же женщина. На ней облегающие джинсы и безрукавная майка, а волосы стянуты в пучок на затылке. У нее минимум три ножа, насколько я вижу.

— У нас есть машина, — говорит Трэвис хриплым и поспешным тоном. — Чуть дальше. Там бензин. Еда. Припасы. Забирайте. Забирайте все. Мы не хотим проблем.

Женщина хмурится.

— Мы это видели. Нам не нужны подачки от мужчины. Я хочу поговорить с ней.

Я внезапно понимаю, что она имеет в виду меня.

Трэвис смещает свое тело так, чтобы полностью заслонить меня от говорящей.

— Я обращаюсь к тебе, сестра, — голос женщины звучит громко, ясно и уверенно. — Мы убьем этого мужчину, если ты этого хочешь. Ты не обязана оставаться с ним. Мы убережем тебя, если ты хочешь пойти с нами.

От удивления моя ладонь на спине Трэвиса разжимается.

— Я не хочу, чтобы вы его убивали. Пожалуйста, не надо.

— Тогда мы можем связать его. Не дать ему последовать за тобой. Ты можешь быть свободна от него. Скажи лишь слово.

Я внезапно понимаю, что тут происходит, и что эти женщины предлагают мне.

Я пытаюсь отодвинуть Трэвиса.

— Лейн, не надо... — он пытается одной рукой удержать меня за собой.

— Нет, все хорошо. Они мне не навредят, — я выхожу из-за него и встаю лицом к говорящей женщине. — Ведь так?

— Да. Мы не навредим тебе. Но навредим ему, если ты того хочешь, — ее темные глаза удерживают мой взгляд, и посыл ни с чем невозможно спутать.

— Я не хочу, чтобы вы ему вредили. Он хорошо ко мне относится.

— Мы будем хорошо относиться к тебе, не требуя ничего взамен.

— Он никогда ничего не требовал от меня. Даже не просил. Я клянусь, что это так.

Он хороший.

Женщина смотрит то на Трэвиса, то на меня. Ее челюсти слегка разжимаются.

— Я не уверена, что на свете еще остались хорошие мужчины.

— Остались. По крайней мере, этот хороший.

Я оборачиваюсь, и Трэвис наблюдает за мной. В его глазах живет что-то, чего я не понимаю.

— Ладно, — женщина показывает жест своим спутницам, и все опускают оружие.

Их много. Женщины. Сильные. Умелые. Свирепые.

Я тоже хочу быть такой.

— Я Мария, — говорит женщина. — Ты все равно можешь пойти с нами. Мы не навредим твоему мужчине. С нами тебе будет намного безопаснее, чем с ним.

Я явно вижу, что это правда. Каким бы сильным ни был Трэвис, он один. А тут почти сорок женщин... я вижу это теперь, когда мне открывается вид получше. Все вооружены. Все работают вместе как команда.

— Мы можем пойти с вами?

Мария качает головой.

— Ты можешь. Он — нет.

— О.

Я поворачиваюсь к Трэвису. Он опустил дробовик, и его лицо выглядит странно бесстрастным. Он делает шаг ближе ко мне и бормочет:

— Ты можешь пойти с ними, если хочешь, Лейн. С ними тебе безопаснее, чем со мной.

Я хватаю его за руку.

— Но я не могу бросить...

— Неважно. Со мной все будет в порядке. Иди с ними, если хочешь.

Я поворачиваюсь к Марии. Она высокая. Красивая. Воительница. Полностью контролирует ситуацию.

Никто не тронет ее, если она того не хочет.

— С твоим мужчиной все будет хорошо, — говорит она. — Похоже, он умеет за себя постоять.

Я знаю, что с ним все будет хорошо.

Но я не хочу бросать его, даже ради шанса на лучшую безопасность.

— Нет, — говорю я наконец. — Спасибо. Я очень... ценю это предложение. Спасибо всем вам, — я смотрю на остальных, все наблюдают за нами. — Но я останусь с ним. Мы из одного города. До сих пор мы неплохо справлялись.

Мария начинает нравиться мне еще сильнее, когда она принимает мое решение без возражений.

— Тогда ладно. Удачи вам. Куда вы направляетесь?

— Форт-Нокс. Вы что-нибудь слышали об этой базе?

— Говорят, армия все еще удерживает контроль, так что стоит попробовать, если вы ищете пристанище, — она задумчиво хмурится. — Но вам придется избегать дорог.

— Мы держались подальше от междуштатных дорог и шоссе, — все это говорю я. Трэвис не сказал ни слова и не сдвинулся с места с тех пор, как я приняла решение. — Мы знаем, что они опасны.

— Я не только про крупные дороги. Между здешними местами и Форт-Ноксом есть весьма мерзкие группы.

— Стада?

— Не настолько крупные, чтобы назвать стадом. Но достаточно крупные. Мерзкие.

Я бросаю взгляд на Трэвиса, задавая безмолвный вопрос. Когда он кивает в таком же безмолвном ответе, я достаю окровавленную бумажку с посланием и протягиваю Марии.

Она читает, и я вижу, как все ее тело напрягается.

— Откуда это у вас?

— От мужчины, который был уже полумертвым. Его подстрелили. Встретили его давненько.

— Падение Форт-Брэгг для меня новости. Плохие новости. Вы хотите доставить это в Форт-Нокс?

— Да. Если сможем.

— Я слышала про волчье стадо. Они особенно паршивые. Но они пока не проходили в эту сторону, хотя они могли выбрать более прямой путь, раз идут по междуштатным дорогам.

— Мы надеемся, что сумеем добраться до Форт-Нокса наперед их.

— Я знаю кое-каких людей, которые будут рады помочь. Я посмотрю, не удастся ли направить больше людей с этим сообщением, чтобы все не ложилось только на ваши плечи, — ей не нужно это озвучивать, но я знаю — она просчитывает шансы того, что мы с Трэвисом доберемся туда живыми.

Она кивает в том направлении, куда мы ехали.

— У вас не будет проблем, пока вы не доберетесь до следующего города. Но после этого держитесь подальше от дороги. Бросьте машину, если придется. Вас только двое... Нет, вам лучше держаться подальше от дорог.

— Ладно. Спасибо. Так и сделаем, — я смотрю на Трэвиса, но он все так же застыл. Я беру его под руку и подвигаюсь ближе. — Еще раз спасибо.

Мария кивает и показывает женщинам другой сигнал. Они все выходят на дорогу и начинают идти в противоположном направлении от нашего. Двигаясь быстро. Бесшумно. Перед уходом Мария еще раз поворачивается ко мне.

— Надеюсь, твой мужчина и правда такой хороший, как ты думаешь.

Мы с Трэвисом стоим на прежнем месте, пока все женщины не скрываются из виду. Затем я поворачиваю его лицом к себе, сжимая ткань его серой футболки в кулаках.

— Ты в порядке?

— Д-да. Конечно.

— Выглядишь странно.

Он качает головой, будто прогоняет туман.

— Нет. Я в норме. Просто удивлен. Почему ты не пошла с ними?

— Не захотела.

— Нет, ты хотела. Я видел твое лицо. Отчасти тебе хотелось этого.

— Но остальной части меня этого не хотелось. Я останусь с тобой.

— Почему? — это слово произнесено с тем же хриплым изумлением, которое прозвучало в его голосе, когда он спросил, зачем я хотела заняться с ним сексом.

Я пожимаю плечами, внезапно засмущавшись.

— Не знаю. Мы продержались до сих пор, так что кажется неправильным бросать тебя сейчас.

— Она права. С ними тебе было бы безопаснее.

— Мне плевать. С тобой мне достаточно безопасно. Я хочу добраться до Форт-Нокса. Я хочу найти остальных жителей Мидоуза. Они в опасности. Таков наш план, и я хочу его придерживаться. Почему я не должна этого делать? — внезапно мне приходит в голову мысль, от которой сжимается все нутро. — Ты хотел, чтобы я пошла с ними?

— Что? С чего бы мне этого хотеть?

— Не знаю. Потому что тогда тебе бы не пришлось... иметь дело со мной. Ты бы избавился от бремени.

Он свирепо хмурится.

— Ты не бремя. Говорил же. Я бы не протянул так долго без тебя.

— О.

Мы смотрим друг на друга.

— То есть, ты не хотел, чтобы я ушла с ними?

— Нет. Не хотел.

— Ладно. Отлично. Я тоже не хотела уходить. То есть, между нами все хорошо.

Он ничего не говорит. Просто тяжело дышит.

— Все же хорошо, так?

Он отрывисто кивает.

— Да. Между нами все хорошо.

Я не уверена, почему в моем животе трепещут бабочки, пока мы идем к джипу.

Мария и женщины могли забрать машину. Обчистить ее.

Они этого не сделали. Они оставили все нам. Это странно ободряет меня — понимание, что они такие, какие они есть в этом мире. Даже если я не присоединилась к ним, я знаю, что они есть где-то там.

Но даже это ободрение не унимает трепет.

Этот трепет только из-за Трэвиса.

Мы едем по дороге до следующего города, но потом останавливаемся и изучаем карту, чтобы найти лучший маршрут вне дорог.

У нас нет оснований не верить совету Марии, что не надо ехать по дорогам. Пока нам повезло не сталкиваться со стадами или другими не менее опасными группами поменьше.

Отчасти это потому, что мы были осторожны. Худшие группировки склонны держаться поближе к городам, где намного больше еды, топлива и припасов. Но нам также везло, и мы оба не видим смысла испытывать удачу.

Если мы будем ехать не по дорогам, путь займет дольше времени, но так безопаснее, и поэтому оно того стоит.

Остаток дня мы планируем маршрут. Этот регион имеет горный ландшафт, и мы все еще в зоне, пострадавшей от серьезных землетрясений. Мы решаем держаться поближе к лесистой местности, чтобы нас не так просто было увидеть издалека.

Я понятия не имею, где мы проведем ночь.

На нашем маршруте нет хоть сколько-нибудь близких поселений.

Мы можем разбить лагерь. Это не станет концом света.

Но это означает, что мы не сможем снова заняться сексом.

Я уверена, что Трэвис никогда не ослабит бдительность настолько, чтобы заняться сексом, если он не уверен в нашей безопасности.

Я напоминаю себе, что секс не может быть нашим приоритетом. Я не настолько забыла о нашем положении.

Мы не можем провести ночь в городе, если это опасно.

Нам просто придется повременить с сексом.

Как только мы съезжаем с дороги, остаток дня проходит без каких-либо событий.

Уже поздно и темнеет, когда Трэвис говорит:

— Наверное, сегодня придется разбить лагерь.

— Ничего страшного. Может удастся найти ручей и восполнить запасы воды.

— Смотри по сторонам. Мы можем проехать чуть дальше до наступления темноты.

Он едет по старой земляной дороге, которую мы нашли — она ведет в нужном направлении и позволяет нам оставаться под прикрытием леса. Я всматриваюсь сквозь деревья, но последние проблески солнца заслоняются холмами и лесом, так что я не могу видеть далеко.

Примерно через пятнадцать минут я дотрагиваюсь до руки Трэвиса.

— Смотри. Вон там. Это подъездная дорожка? Может, там хижина или типа того.

Невозможно знать, ведет ли она к чему-то, но там определенно есть поворот от дороги.

Трэвис медленно подъезжает, затем пожимает плечами и поворачивает.

— Можно и проверить.

Земляная дорожка ведет к хижине, как я и надеялась. Хижина крохотная и разваливающаяся, а также очевидно пустует.

— Что думаешь? — спрашиваю я.

— Не знаю. Можно посмотреть. Не очень безопасно, но лучше, чем спать под открытым небом.

Внутри хижина такая же потрепанная, как и снаружи. Тут никогда не было туалета или какого-то водопровода. Даже электричества не было. Но бревенчатые стены выглядят крепкими, и тут имеется старый сундук, который Трэвис может пододвинуть, чтобы забаррикадировать дверь.

Он начинает расслабляться только тогда, когда видит, что тут есть самодельные деревянные ставни, которые можно закрыть изнутри и запереть два маленьких окна.

— Должно быть, кто-то жил здесь какое-то время после того, как дело приняло дерьмовый оборот. Иначе зачем делать эти ставни? — он закрывает одно окно и одобрительно кивает. — Это сгодится. Не так надежно, как спать на втором этаже, но сгодится.

— Ладно, хорошо. Ну, не запирай нас здесь, пока не поедим и не сходим в туалет.

Мы заносим внутрь самые важные наши припасы (просто на тот случай, если ночью кто-то будет проходить мимо и угонит джип), затем тихо ужинаем консервированной кукурузой, стручковой фасолью и тунцом. Все это холодное, поскольку Трэвис не хочет рисковать и разводить костер, но мы смешиваем все вместе с солью, перцем и острым соусом, так что получается неплохо.

Затем мы идем в туалет, чистим зубы и немного моемся из бочки снаружи хижины, в которую собирается дождевая вода.

— Когда я забаррикадирую нас, будет абсолютно темно, — Трэвис занимается вторыми ставнями. — Лучше зажги парочку свечей.

Я так и делаю, пока он баррикадирует дверь.

Когда та оказывается заперта, тут становится странно. Темно. Изолировано. Вокруг только стены и трепещущие свечи.

На двуспальной кровати лежит голый матрас, так что я расстилаю наш спальный мешок поверх него. Пару дней назад мы взяли из одного дома запасное одеяло, так что можно накрыться им.

Я стою в центре комнаты.

Трэвис подходит и встает передо мной. Его запах довольно ощутим, поскольку нам не удалось помыться со вчерашнего дня. Его лицо окутано тенями, черты кажутся более резкими и сильными.

— Ты в порядке? — мягко спрашивает он.

Я дотрагиваюсь до его груди поверх футболки.

— Лейн.

Я не уверена, что он имеет в виду, произнося мое имя вот так. Может, это вопрос. Может, предупреждение. Может, хрип облегчения.

— Мы в безопасности? — спрашиваю я.

Он колеблется лишь на мгновение.

— Думаю, вполне в безопасности.

— Достаточно безопасно, чтобы...

— Ты хочешь? — его дыхание учащается. Я очень отчетливо это слышу.

Я поднимаю руку к его подбородку, чувствуя ладонью грубую щетину. Это ощущение провоцирует нечто глубинное и первобытное.

— Да. Хочу.

Я думала, может, он будет действовать медленнее, поскольку узнал, что вчера был мой первый раз. Я думала, может, он будет осторожничать.

Это не так.

Он протягивает руки и подхватывает меня, так что мне приходится ухватиться за его шею. Мои ноги обхватывают его талию, пока он несет меня к старой кровати.

Матрас тонкий и не очень хорошо пахнет.

Мне абсолютно наплевать.

Трэвис кладет меня на кровать и стягивает с меня джинсы, одновременно снимая мои трусики и обувь. Я тем временем снимаю майку и бросаю ее на пол.

Он в мгновение ока избавляется от своей одежды, а потом забирается на меня, прокладывая дорожку поцелуев от горла к грудям. Я ерзаю, пока он ласкает то один сосок, то другой, и закидываю ногу на его талию, прижимая пятку к его голой заднице.

Я уже делаюсь горячей, пульсирующей и изнывающей по нему, хотя мы едва начали.

Я не очень хорошо вижу его в пульсирующем свете свечей, но откуда-то знаю, что он испытывает то же самое. Его руки и губы действуют жадно, неуклюже. Его эрекция то и дело прижимается к внутренней стороне моего бедра.

Я царапаю его спину, задницу, бедра. Любую его часть, до которой могу дотянуться.

Трэвис с минуту дразнит мои груди, но теряет терпение. Затем изменяет позу, чтобы ввести в меня два пальца. Я уже влажная, и мои внутренние мышцы нетерпеливо сжимаются от проникновения.

— Ох бл*ть, Лейн, — его голос приглушается моим горлом. Он сосет, оставляя засос на коже. — Ты горячее всех на свете.

Все мое тело пульсирует удовольствием от его комплимента. Я выгибаюсь, мяукаю и пытаюсь насаживаться на его пальцы.

Он начинает двигать ими. Трахает меня рукой. Быстро и грубо. Затем опускает голову и тянет мой сосок зубами.

Я рыдаю от удовольствия и продолжаю рыдать, когда удовольствие не отступает.

Трэвис бурчит ворчливые слова похвалы, пока я переживаю оргазм.

— Вот так. Очень хорошо. Кончи для меня.

Наконец начиная расслабляться, я хватаю воздух ртом. Он убирает пальцы из моего тела, и я хнычу, видя в приглушенном освещении, как он кладет их в рот и облизывает дочиста.

Трэвис видит, как я наблюдаю, и слегка улыбается.

— Тебе было хорошо?

Я хихикаю.

— Уверена, ты и сам все видел.

— Так и думал. Просто проверяю. Не думал, что сумею заставить тебя кончить так сильно.

Моя улыбка слегка меркнет.

— Почему нет? Ты не думал, что я могу быть сексуальной?

— Не в этом дело. Я имел в виду, я не думал, что ты захочешь, чтобы я заставлял тебя так кончать. Просто считал, что ты предпочитаешь других мужчин.

Я не знаю, что на это ответить.

Правда в том, что он абсолютно прав.

Даже в самых диких фантазиях я не представляла, что меня будет привлекать мужчина вроде Трэвиса. И уж тем более, что я позволю ему трогать меня, трахать, заставлять кончать так, как это было только что.

Я вижу, что он ждет ответа, так что отвечаю.

— Ну, я не знаю насчет этого. Я знаю лишь то, что сейчас очень хочу тебя.

— Сгодится, — он встает на колени, и я думаю, что он поднимет мои бедра и трахнет меня, как вчера. Но потом он говорит: — Почему бы тебе не встать на четвереньки? Попробуем кое-что новенькое.

Я дрожу и подчиняюсь, чувствуя себя обнаженной и уязвимой в такой позе. Я оборачиваюсь через плечо. Он пристраивается сзади.

Трэвис видит, что я наблюдаю, и делает паузу.

— Просто скажи мне, если не понравится.

— Я дам тебе знать.

Уголок его губ приподнимается.

— Готов поспорить, тебе понравится.

— Не будь слишком самоуверенным.

Он усмехается. Это не его обычное хрюканье-фырканье, а настоящий смех. И он продолжает улыбаться, пока разводит мои ягодички и нащупывает вход пальцами.

Затем берет свою эрекцию и приставляет ее к нужному месту.

После он проникает в меня, и это ощущается так же полно, тесно и жестко, как вчера.

Только еще сильнее в такой позе.

Я издаю жалобный скулящий звук и отчаянно вцепляюсь в спальный мешок под нами.

Трэвис пару раз выходит и снова входит, пока не погружается полностью. Мы оба шумно дышим, оставаясь в этой позе.

— Как тебе? — хрипит он наконец.

— Хорошо. Очень хорошо. Ты ощущаешься очень...

— Каким?

— Большим.

— Да? — и снова я слышу в его голосе то приятное удивление.

Я фыркаю от сдерживаемого веселья.

— Тебе нравится, когда я так говорю, да?

— Конечно, нравится. И насколько я большой?

— Очень большой, — я виляю попкой, заставляя нас обоих застонать. — Очень, очень большой, — затем добавляю уже другим тоном. — Совсем как твое эго.

Трэвис подавляет резкий взрыв смеха, и это усилие заставляет его бедра качнуться. Он охает, несколько раз ударяясь о мою попку, и я скулю от полученных ощущений.

Кажется, это срывает его контроль. Он начинает двигаться, работая бедрами и шлепая пахом по моей заднице.

Это ощущается так хорошо, по-другому в сравнении с вчерашним... и я не могу контролировать свои реакции. Я издаю всяческие постыдные звуки, пока ощущения нарастают и усиливаются.

Трэвис, похоже, не в силах так сдерживать себя, как вчера. Его ритм уже быстрый и жесткий.

Но мне это нравится.

Очень нравится.

Мои локти подкашиваются, и верхняя часть туловища падает, отчего лицо утыкается в спальник, пока я не поворачиваю голову боком. Трэвис меняет позу, наклоняясь вперед, упирается в кровать одной рукой, а другой держит мои растрепавшиеся косы и трахает меня.

Кровать скрипит и постанывает от наших активных движений. На мгновение я пугаюсь, что мы можем ее сломать.

Мой клитор пульсирует от подступающего оргазма, но в такой позе я никак не могу до него дотянуться.

Удовольствие томительное, почти мучительное. Я вся вспотела. Мои груди раскачиваются и подпрыгивают от толчков Трэвиса.

Я буквально рыдаю в спальник, пока меня наконец не накрывает оргазмом.

Я кончаю сильно и несдержанно, трясусь, кричу и невнятно лепечу, и при обычных обстоятельствах это было бы даже стыдно.

Трэвис задыхается, громко вскрикивая, когда я сжимаю его внутренними мышцами. Он совершает несколько отрывистых толчков, затем выдергивает член со звуком агонии. Он сжимает себя и шлепает эрекцией по моей пояснице, пока не кончает на мою кожу.

Я уже упала на живот, не в силах удерживать себя. Трэвис остается на коленях, пытая так же беспомощно, как и я.

Наконец, он со стоном поднимается и берет полотенце, чтобы вытереть сперму с моей спины. Затем падает на кровать рядом.

Долгое время мы оба ничего не говорим.

— То есть, тебе понравилось? — спрашивает он в итоге.
Я хрюкаю.
— Эм, ну да. Можно сказать и так.
— Судя по звукам, очень даже понравилось.
— Эм, ты и сам издавал немало звуков вот только что.
— Знаю, — он слегка улыбается в подрагивающем свете свечей. — Мне тоже очень понравилось.
— Вот и хорошо.
Это хорошо. Мне важно, что Трэвис получает от этого партнерства не меньше, чем я. Он уже дважды говорил мне, что не протянул бы так долго без меня.
Надеюсь, он говорит серьезно.
Прямо сейчас, в темноте душевной хижины, на вонючем матрасе, в окружении его запаха и тепла тела, мне кажется, что я отдаю не меньше, чем получаю.
Он кажется мне насытившимся и удовлетворенным. Будто он вот-вот заснет.
Я хочу этого.
Я хочу дать ему то, что ему нужно.
Не только в сексе, но и в других аспектах.
Даже после конца света важно заботиться о ком-нибудь.
Я почти забыла, что во мне есть такая способность.

Глава 7

Следующим утром я просыпаюсь с неприятными ноющими ощущениями.
На самом деле, я чувствую себя ужасно.
Никогда не думала, что секс может так вымотать человека.
Правда в том, что я не хочу выбираться из постели.
Не то чтобы постель настолько комфортная. Матрас толщиной около пяти сантиметров, а спальный мешок подо мной кажется липким на ощупь. Но на вставание требуется столько усилий, что я продолжаю лежать даже после того, как Трэвис встает и отодвигает сундук от двери.
Он надевает одежду, выходит наружу на несколько минут, затем возвращается, чтобы открыть ставни на окнах и упаковать те вещи, которыми мы пользовались прошлой ночью.
Я все еще лежу под одеялом, свернувшись калачиком на боку.
Он знает, что я проснулась, хотя пока ничего мне не сказал. Он несколько раз косился на меня, пока занимался своими делами. Наконец, он встает рядом с кроватью и протягивает мне руку.
Я со стоном принимаю ее и позволяю ему поднять меня на ноги.
— Ты плохо себя чувствуешь? — спрашивает он, всматриваясь в мое лицо.
— Нормально. Просто устала и... не знаю.
Я спала в футболке и трусиках, и выражение его лица меняется, когда его взгляд скользит ниже по моему телу.
Меняется не в смысле желания. Скорее, окрашивается некой спешкой.
Он опускает руку, чтобы приподнять низ моей футболки, все еще глядя на нижнюю часть моего тела.
— Лейн?
— Что? — я понятия не имею, что его так отвлекло.
Он срывает одеяло с постели и смотрит на помятый спальник, на котором мы спали.
На сей раз я вижу, что заставило его так напрячься.
Кровь.
На спальнике кровь. Я смотрю на себя и вижу, что между моих бедер тоже размазалась кровь.

— У тебя шла кровь! — он хватается меня за плечи. — Прошлой ночью я переборщил? Я тебе навредил?

— Нет! Само собой, ты мне не навредил, — я наконец-то перевариваю то, что вижу. И почему этим утром мне так плохо.

Прошли месяцы.

Многие месяцы.

Я почти забыла.

— Проклятье! — взрываюсь я, закрывая глаза и испытывая раздражение. — У меня начались месячные!

Трэвис ничего не говорит, но я открываю глаза вовремя, чтобы заметить, как его лицо смягчается от облегчения и понимания.

— Проклятье, — повторяю я уже тише.

— Ничего страшного, ведь так? — он выглядит искренне любопытствующим. — Или тебе в это время очень плохо? Шэрил испытывала ужасные боли.

— Обычно мне не бывает плохо. Просто спазмы в первый-второй день. Но все равно. Я столько месяцев жила без них, и теперь они решают вернуться? Пока мы находимся в бесконечной поездке? Нельзя было повременить еще пару недель?

Трэвис бросает на меня странный взгляд, но его тон остается кротким, пока он говорит:

— Ну, хотя бы у тебя есть то, что мы нашли в аптеке.

Я слегка оживляюсь, вспоминая, что в сумке у меня есть упаковка тампонов, и понимая, насколько хуже все могло быть.

— Это верно. И у нас полно ибупрофена, так что это должно помочь со спазмами. Хорошо, что мы подумали заранее. И, видимо, теперь мы знаем, что я не беременна.

Трэвис тихонько фыркает.

Я кошусь на спальный мешок.

— Кошмар. Прости за это. Мне надо было раньше сообразить, что происходит.

— Ты спала, — он стаскивает спальник с матраса. — Отстирается.

Мы придерживаемся той же земляной дороги большую часть дня. Она тянется через лес, и горы временами весьма крутые, но это лучше, чем подвергаться опасности на трассе.

Мы говорим еще меньше обычного. Трэвис, похоже, в настроении для размышлений, а я чувствую себя совсем не лучшим образом. Мои спазмы сильнее обычного, может, потому что у меня так давно не было месячных. В обед я не очень голодна, но Трэвис заставляет меня съесть половину протеинового батончика. Вторую половину он съедает сам вместе с вяленным мясом.

После обеда земляная дорога, по которой мы ехали, выходит прямым к реке.

Это настоящая река. Не родник и не ручей.

— Наверное, река Кентукки, — говорит Трэвис, паркуя джип, и мы оба смотрим на широкий поток текущей воды. — Я идиот. Не знаю, как я не сообразил, что она все равно будет здесь, и придется как-то ее пересекать.

— Я тоже не подумала. Мы смотрели на карту дорог, и потому сосредоточились на дорогах, — я смотрю на реку в обе стороны. — Мы никак не сумеем пересечь ее здесь.

— Да. Надо найти мост.

— А мост означает дорогу.

— Знаю, — он выглядит мрачным, и я испытываю то же самое.

Я не тешу иллюзий, будто мы волшебным образом найдем местечко, чтобы пересечь реку. Может, и есть места, пригодные для переправы, но нет никаких гарантий, чтобы они где-то поблизости.

Мы с Трэвисом родом из гор, весьма похожих на эти. Мы знаем, что требуется реке, чтобы за миллионы лет проложить себе русло среди скал. У этой реки нет деликатных берегов. Она с обеих сторон окружена почти отвесными утесами. Даже если мы сумеем перейти воду вброд, наша машина никак не одолеет эти склоны.

— Направо или налево? — спрашивает Трэвис, глянув на меня.

Я пожимаю плечами.

— Направо? Кажется, тропа направляется туда. Но мне-то откуда знать, черт возьми?

— Я знаю не больше, чем ты, — он сворачивает направо и едет параллельно реке. Тут и тропы толком нет. Просто утрамбованная земля и кое-какая свобода от нависающих полумертвых деревьев.

Мы едем примерно минут тридцать, и я начинаю отчаиваться — вдруг мы не увидим ничего, кроме деревьев неба и мутной воды реки.

Затем я замечаю вдалеке какие-то очертания.

— Смотри! — я показываю. — Это старый мост?

— Не знаю. Но что-то там есть.

Трэвис прибавляет скорости, пока мы не различаем, что это действительно старый мост.

Мы также видим, что сейчас он вообще не пригоден для переправы.

— Этой штуке лет сто, — бормочет Трэвис, и его лицо отражает мое разочарование. — Должно быть, тут в какой-то момент пролегалла дорога, но теперь все заросло.

Он показывает назад, и я вижу землю и гравий, о которых он говорит. Тут была дорога.

Давно. Слишком давно, чтобы принести нам пользу.

Пока я смотрю на старую дорогу, Трэвис изучает мост и реку.

— Хорошее место для моста выбрали.

Я вижу, что он имеет в виду. Берега реки по обе стороны далеко не такие отвесные. И они также состоят не из голых скал — смесь гравия, почвы и сорняков.

— Как думаешь, мы сумеем переправиться здесь? — спрашиваю я, оживившись впервые за день.

— Не знаю. Будет непросто. Река здесь выглядит не слишком глубокой. И думаю, эта старушка справится с данными берегами. Но...

Я жду, когда он договорит, но он молчит.

— Если ты не уверен, мы можем ехать дальше, пока не найдем настоящий мост. На дороге.

— Даааа.

— Тебе не нравится эта идея?

— Не особенно. Мария сказала сторониться дорог. Я ей верю. И на мостах будет опасно. Нечистые на руку типы используют их как стратегические пункты для перехвата.

Я о таком даже не думала, и эта мысль вызывает у меня дрожь.

— Так что, по твоему мнению, будет менее опасным? Переправиться здесь или попытать удачи на мосту?

Трэвис впервые смотрит на меня с тех пор, как мы остановились.

— Не знаю, Лейн. Правда не знаю. Везде есть свои риски. Что предпочитаешь ты?

— Если честно, я бы попыталась переправиться здесь. Но ты более опытен в туризме и выживании, чем я, так что ты знаешь лучше. Если ты правда думаешь, что это слишком опасно, то я тебе доверяю.

На его лице что-то промелькивает.

— Да?

— Конечно, — я хмуро смотрю на него. — Конечно, я тебе доверяю. Так что нам стоит сделать, по-твоему?

Он долго сидит, и я вижу, что он думает, пытаясь принять решение. Кажется, будто он разрывается на части. Наконец, он бормочет:

— Я просто хочу защитить тебя.

Я нежно дотрагиваюсь до его руки.

— Ты и защищал меня, Трэвис. Ты защищаешь меня сейчас. Нигде нет гарантий. Выбирай лучшее из возможного.

— У тебя хорошие инстинкты, и ты хочешь переправиться здесь. Я вроде как тоже хочу переправиться здесь, — он кивает, и его лицо проясняется от принятого решения. — Так что давай попробуем.

— Ладно. Тогда давай. Я готова.

Я не готова.

Я никогда не буду готова.

Я больше никогда в жизни хочу иметь дело с подобными переправами.

Даже спуск в воду оказывается сложным. Склон не такой уж крутой, но камни свободно рассыпаются, поэтому колеса несколько раз утрачивают сцепление и соскальзывают. Я цепляюсь за поручень в джипе и кусаю губу, чтобы не издать ни звука.

Трэвис сжимает руль до побеления костяшек и стискивает зубы так крепко, что я почти слышу их скрежет.

В итоге нам удастся спуститься, но потом надо въезжать в воду.

В последний год было мало дождей, так что уровень воды в реке очень низкий. Это единственный плюс. Несмотря на мутность воды, я мельком вижу дно.

Похоже, переехать вброд будет не так сложно.

Но все оказывается вовсе не так.

Вода поднимается до более высокого уровня относительно машины, чем я ожидала, и сильно напирает на нас. В некоторые моменты я пугаюсь, что нас смоем. И на дне реки лежат камни. Несколько раз мы застреваем, и Трэвису приходится несколько раз сдавать назад и снова вперед, чтобы сдвинуться с мертвой точки.

Мы оба насквозь промокли от брызг воды и пота к тому моменту, когда добираемся до дальнего берега.

Я испытываю облегчение.

Я думаю, что худшее позади.

Я ничего не знаю.

Но Трэвис знает. Он не расслаблен. Более того, его тело напряглось еще сильнее, пока он пытается вывести джип на противоположный берег.

Мы выбираемся на сухую землю, но потом берег становится намного круче. При первой попытке колеса беспомощно елозят по рыхлой почве и гравию, так что Трэвис сдает назад и снова газует для повторного заезда.

Камни летят во все стороны с болезненным скрежещущим звуком. Машине просто не хватает сцепления с дорогой.

— Черт возьми! — голос Трэвиса эхом отдается от каменистых склонов.

Я ничего не говорю. Я сижу абсолютно неподвижно и цепляюсь за поручень.

Он пробует в третий раз и снова терпит неудачу. Затем ставит джип на парковочный тормоз.

— Перебирайся сюда, Лейн. Я пойду толкать.

— Что? Ты будешь толкать?

— Ага. Иначе мы эту штуку не вытащим наверх. И я правда не хочу бросать машину без крайней необходимости.

Я с трудом сглатываю и подчиняюсь, когда Трэвис выходит на мокрую землю. Но я уже ненавижу эту идею. Само собой, для Трэвиса небезопасно стоять позади машины, пока она пытается заехать вверх на берег. Он поранится из-за разлетающихся камней. И я

совсем не уверена, что джип не покатится назад — прямо на него — когда мы начнем заезжать на самую крутую часть склона.

Я не спору. Просто занимаю свое место и жду.

— Ладно, — говорит Трэвис, встав сзади и широко расставив руки на кузове. — Медленно трогай вперед и прибавь газу, когда я тебе скажу.

— Ладно.

Я опускаю ногу на педаль газа. Беспомощно дрожу, когда машина подается вперед.

Трэвис двигается вместе со мной. Как раз когда мы добираемся до крутой части, он орет:

— Сейчас!

Я давлю ногой, и джип рывком устремляется вперед. Я чувствую, как колеса начинают вращаться, но Трэвис позади, толкает и кричит как животное. Грязь и камни летят во все стороны, и я ужасно боюсь за него. Но я чувствую, как мы рывком преодолеваем этот склон, а потом шины джипа снова находят сцепление.

Машина едет нормально.

Я громко ликую, и Трэвис тоже победоносно кричит позади меня. Я не настолько глупа и не останавливаюсь, пока не доезжаю до более-менее ровной земли. Затем паркуюсь и выпрыгиваю, чтобы побежать назад и найти Трэвиса.

Он все еще стоит на прежнем месте, согнувшись.

— О Господи, Трэвис, ты в порядке? — мой экстаз сменяется страхом.

— Нормально, — он морщится и выпрямляется. — Потянул пару мышц.

— У тебя кровь идет!

Он дотрагивается до лба, с которого капает кровь.

— О. Это ерунда. Наверное, осколком камня зацепило.

— Ну, поднимайся сюда, чтобы я тебя подлечила.

Он криво улыбается, начиная карабкаться по берегу в мою сторону.

— Меня не нужно подлечивать от... — его дразнящий тон обрывается громким вскриком, и он падает на участке рассыпающихся камней.

— Трэвис!

— Не смей спускаться сюда за мной, — он уже поднимается рывком. Хмурится так, как я не замечала за ним прежде. — Не хватало еще, чтобы ты тоже растянула лодыжку.

— Тоже? — я тревожно обнимаю себя руками, наблюдая, как он продолжает двигаться в мою сторону. Теперь уже прихрамывая. — Ты растянул лодыжку?

— Подвернул.

Его лицо бледное, он весь мокрый от пота. Он передвигается не лучшим образом.

Я подавляю рвущиеся из меня лихорадочные восклицания, потому что знаю — это расстроит его еще сильнее. Мне удастся подождать, пока он доберется до меня.

— Давай, — я обнимаю его рукой за талию. — Обопрись на меня.

— Мне не надо на тебя опираться. Я же сказал, что в порядке.

Он не в порядке, и мы оба это знаем. Должно быть, его лодыжка ужасно болит, если судить по бледноте коже и искаженной гримасе на лице. И он действительно переносит на меня часть веса, пока мы ковыляем к джипу.

Он поворачивает к водительской стороне, но я направляю его в другую сторону.

— Я сама. Ты повредил правую ногу, так как ты будешь вести машину?

Он не отвечает. Ему и не нужно отвечать.

Он садится, хрипло дыша и вытирая лицо футболкой.

Затем ударяет обеими руками по поверхности автомобиля перед ним.

— Бл*ть!

Я не виню его за эту вспышку. Ему наверняка больно, и он ненавидит чувствовать себя беспомощным.

Трэвис с растянута лодыжкой — это последнее, что нам нужно.

Я иду к кузову, чтобы достать нашу аптечку, нахожу там бинты и антисептическую мазь для его пореза, а также компрессионную повязку, которую мы взяли из аптеки.

— Давай, — я приседаю на корточки у пассажирского сиденья, чтобы иметь доступ к его лодыжке. — Дай мне хотя бы перевязать. Это поможет немного уменьшить опухоль.

Он ворчит, но позволяет мне снять его ботинок и носок, а затем перевязать лодыжку.

Это уже выглядит ужасно. Его нога ужасно опухнет.

— Жаль, у нас нет льда, — говорю я. Один из тех дурацких, тщетных комментариев, которые все отпускают время от времени.

Вспоминая времена, когда все было лучше. Легче.

— Все будет хорошо, — теперь Трэвис уже не злится. Но он безвольно обмяк, и от этого мне становится еще хуже.

Я стираю кровь с его лба и приклеиваю пластырь на ранку. Порез не слишком глубокий. Просто сильно кровоточит.

— Давай я дам тебе ибупрофен. Хотя бы поможет от боли.

Я беру один из наших пузырьков и достаю несколько таблеток. Я передаю их Трэвису с бутылкой воды. Затем достаю пару таблеток для себя и беру у него воду, чтобы запить.

— Все еще спазмы? — спрашивает он, не сводя глаз с моего лица.

— Да. Но не такие сильные. Вся эта драма отвлекла меня.

Он тихонько фыркает, так что я чувствую себя получше.

— Уже поздно, — говорит Трэвис, когда я закрываю кузов и подхожу к водителскому сиденью. — Нам надо поискать место, чтобы разбить лагерь на ночь.

— Наверное, нам не повезет настолько, чтобы снова найти хижину для ночлега.

— Сомневаюсь. Мы тут в глуши. Но так даже лучше. В глуши хоть безопаснее.

— Знаю.

Я молюсь, трогаясь в путь.

Я не молилась уже давно. Годами. Но по какой-то причине молюсь теперь.

И я молюсь о мелочи. Не особенно важной в общей картине.

Но Трэвис возле меня ощущается странно поверженным, и это меня расстраивает.

Нам очень нужно безопасное место, чтобы провести ночь.

Мы едем минут пятнадцать, и я резко торможу.

Трэвис охает и хватается за поручень.

— Что такое?

— Смотри, — я показываю вправо.

— И на что я смотрю?

— Там еще одна тропа.

— И что?

— И то, что она, похоже, куда-то ведет.

Трэвис хмурится, до сих пор потеет и выглядит особенно ворчливым.

— Нельзя знать наверняка.

— Тогда зачем туда сворачивать? Там дорога поднимается выше по холму. Она должна куда-то вести. Может, там хижина вроде той, что мы нашли вчера.

— А может, ничего. Живописное местечко или типа того. Едва ли мы тут найдем уютный домик.

Я раздражена, и мое лицо это отражает.

— Ну, попробовать-то стоит, не так ли?

— Пустая трата времени.

Я прибавляю газа и поворачиваю на новую тропу.

— Я же сказал, пустая трата времени, — ворчит Трэвис.

— Мне все равно, что ты сказал. Я за рулем, и я думаю, что эта тропа куда-то ведет. Я думаю, что стоит попробовать. Так что заткнись и прекрати ныть. Если будешь вести себя как придурок просто из-за того, что получил травму, можешь сидеть с закрытым ртом.

Трэвис не отвечает, и минуту спустя я кошусь на него. Его лицо остается непроницаемым.

— Я не хотела срываться на тебя, — говорю я мягким тоном.

Он тихонько фыркает.

— Я это заслужил. Вел себя как засранец. Прости.

Я улыбаюсь ему, после чего приходится сосредоточиться на управлении джипом, чтобы не съехать с тропы. Она узкая и крутая с большим количеством изгибов, и тут много упавших веток. Я не уверена, смогли бы мы проехать здесь на другом автомобиле.

— Ты правда думаешь, что она куда-то ведет?

Я бросаю на него быстрый взгляд. Заметно, что ему все еще больно, но он прилагает усилия, чтобы не быть таким сварливым.

— А тебе так не кажется?

— Может быть.

Трэвис кажется сомневающимся, но я игнорирую это. Я еду вперед, и в кои-то веки моя настойчивость вознаграждается.

Мы наконец-то выезжаем из леса на огромную поляну на вершине холма.

Там дом.

Дом с весьма странной наружностью, но все-таки дом.

— Ха! Говорила же! — да, я достаточно мелочна, чтобы заявить об этом вслух. Он вроде как заслужил.

— Что это за место? — спрашивает Трэвис, высовываясь из-под крыши автомобиля, чтобы посмотреть получше.

— Похоже на дом, не так ли?

Однако я понимаю его вопрос. Здание кажется странным.

Дом состоит из одного этажа и обшит дранкой без покраски. Но крыша покрыта отражающими панелями, и с одной стороны много оборудования. Единственное, что я узнаю — некое подобие пропанового резервуара промышленных размеров.

— Это солнечные батареи на крыше? — спрашиваю я, все еще пытаюсь понять, на что мы смотрим.

— Похоже на то. Заедь с той стороны, — он показывает на механизм с одного из задних углов.

Я подъезжаю туда и вижу, как Трэвис осматривается, оценивает, складывает детали воедино.

— Так и думал, — говорит он наконец. — Солнечный электрогенератор.

— Ты шутишь! Посреди такой глуши?

— А там позади определенно емкость с водой. Похоже, ручной насос, но он уходит в дом. Готов поспорить, там есть работающее водоснабжение.

Я сжимаю руль и смотрю на всю эту систему.

— Выглядит весьма странно.

— Это наверняка ручная работа. Тот, кто это сделал, явно хотел жить независимо от цивилизации.

— Это применимо ко многим людям.

— Конечно. Но на оборудование этого места наверняка ушли годы. Он начал задолго до удара. Нам придется быть осторожными. Такие люди не сбегут просто так. Может, тут кто-то живет. И он не желает видеть гостей. Поезжай снова к парадному входу.

Когда я подчиняюсь, Трэвис протягивает руку и несколько раз жмет на гудок. Затем кричит:

— Эй! Есть тут кто? Мы не ищем проблем. Лишь безопасное место для ночлега. Если хотите, чтобы мы уехали, мы уедем. Есть тут кто?

Мы ждем пару минут, но нет ни звука, ни движения.

— Не думаю, что тут кто-то есть. Если бы кто-то был дома, он наверняка ответил бы или выстрелил по нам.

Трэвис хмурится.

— Может быть, — он еще несколько раз сигналиит. — Есть тут кто?

— Как мне кажется, пусто.

— Да.

— Я проеду по периметру, чтобы мы могли хорошенько осмотреться.

— Отличная идея.

Мы объезжаем дом по кругу и обнаруживаем сзади большую мастерскую, которая тоже выглядит пустой. Трэвис всматривается в окно мастерской.

— Погоди. Там. Смотри.

Я практически наклоняюсь через него, чтобы тоже посмотреть.

На земляном полу мастерской лицом вниз лежит тело.

Ну, уже не тело.

Скорее скелет, одетый в ветхую рваную одежду.

— Не выходи, — говорит Трэвис. — Просто подъезжай к двери. Я хочу посмотреть, что случилось.

Я проезжаю пару метров, и он дергает дверь в мастерскую. Не заперто. Трэвис выходит из машины и наклоняется.

Я замечаю рядом с трупом охотничью винтовку.

— Он застрелился?

— Не вижу огнестрельных ранений. Или сломанных костей в черепе и шее. Может, у него случился сердечный приступ или типа того.

— Наверное, он владелец дома. Бедняга. Обустроил все для выживания. Наверное, он был так горд собой, что оказался готов, когда ударила катастрофа. А потом у него однажды утром просто отказало сердце.

Глаза Трэвиса делаются нетипично мягкими, изучая мое лицо.

— Думаешь, произошло что-то в этом духе?

— А ты нет?

— Похоже на то, — он кивает. — Ладно. Тогда стоит попытаться попасть в дом, чтобы провести ночь.

Я направляю джип как можно ближе к окну, которое кажется самым простым для взлома. Трэвис хромает туда и ударяет по нему прикладом дробовика.

Мы оба ахаем, когда его оружие отскакивает обратно. Окно остается невредимым.

— Черт, — выдыхает Трэвис. — Это укрепленные окна.

— Он реально подготовился для выживания.

Трэвис делает шаг назад и косится на боковую стену дома.

— Мне бы очень не хотелось выбивать дверь, поскольку мы были бы в настоящей безопасности внутри.

— Подожди! Если он работал там в момент смерти, то у него наверняка при себе ключ. Надо проверить.

Трэвис снова бросает на меня этот нежный взгляд. Понятия не имею, чем это вызвано.

— Хорошая идея. Отвези нас обратно, и я проверю.

Я жду, пока Трэвис сядет обратно в джип, и тогда говорю:

— Я сама проверю. Ты пострадал и все такое.

Он издает сухой смешок, но не спорит.

На самом деле, мне совсем не нравится шарить в одежде мертвого человека в поисках ключа.

К счастью, теперь он уже превратился в скелет. Я не уверена, что справилась бы с этой задачей, если бы он до сих пор был сочным и разлагающимся.

Под его грудной клеткой я нахожу ключ на веревочке. Должно быть, он носил его на шее.

Мы возвращаемся к входной двери, и я легко отпираю ее ключом, позволяя Трэвису первому переступить порог с дробовиком наготове.

— Мы заходим! Есть кто дома?

Никто не отвечает.

Дом маленький и простой. Одна главная комната со старым диваном, креслом, небольшим столом со стульями и печкой. В отдельной маленькой комнате расположена кухня. А с другой стороны — спальня с двуспальной кроватью и ванной.

Во всех комнатах ни души.

— Должно быть, это был труп владельца, — бормочет Трэвис, когда мы завершаем осмотр дома. Он прислоняется к косяку. Я знаю, что у него болит лодыжка. — Все окна и дверь укрепленные. Если запремся здесь, ночью будем в безопасности.

— Хорошо. Ты сказал, тут есть солнечный генератор. Как думаешь, он еще работает?

— Не знаю. Нет причин для поломки вроде бы. Помоги мне найти щиток.

Мы отыскиваем панель на задней стене в кухне. Трэвис с минуту изучает ее.

— Похоже, тут есть автоматическое отключение. Должно быть, со смерти того парня прошло минимум шесть месяцев, раз он уже скелет. Может, даже больше. Электричество могло отключиться автоматически. Может, надо просто включить обратно.

Он щелкает переключателем.

Раздается жужжание, и загорается пара лампочек.

Я хлопаю в ладоши.

— Электричество! У нас есть электричество! Поверить не могу.

Трэвис тоже почти улыбается.

— Этот парень знал, что делает. Готов поспорить, что пропановый резервуар — это подстраховка для солнечного генератора, — он косится в сторону ванной. — Давай посмотрим, что он сделал для водоснабжения.

Ванная обустроена так же просто, как и остальное жилище — бежевый кафель, небольшая душевая кабинка, раковина и странного вида унитаз.

Трэвис изучает обстановку, затем начинает работать металлическим рычагом, подсоединенным к крану в раковине.

В раковину течет вода.

Я снова хлопаю в ладоши и сдерживаюсь, чтобы не начать пританцовывать.

— Водоснабжение! Этот парень был гением!

— Он был весьма сообразительным. Все управляется ручным трудом, чтобы ничего не зависело от электричества или аккумуляторов. Давай посмотрим туалет.

Трэвису требуется минутка, чтобы разобраться, но в итоге он показывает мне, как надо поработать рычагом, чтобы наполнить бачок. Он улыбается, сняв крышку с бачка, и наблюдает, как от его манипуляций с рычагом бачок наполняется водой.

— Видишь? Надо наполнить бачок перед походом в туалет, чтобы иметь возможность смыть. Если пописать, хватит и половины. Но лучше набрать полный бачок, если надо...

Я хихикаю, когда он умолкает на середине предложения.

— Если надо сходить по-большому.

Он прочищает горло.

— Да.

— А что насчет душа?

Трэвис осматривает его, несколько раз дергает рычаг насоса, затем щелкает переключателем на большом ящике, прикрепленном к стене у душа. Раздается звук, будто что-то включилось.

— Что это?
Теперь он безудержно улыбается. Я еще не видела у него такой улыбки.
— Водонагреватель.
— Что?
— Водонагреватель. Когда нагреется, будет горячая вода.
— О Господи! О Господи! — я обнимаю себя, слегка сгибаясь пополам. — Хочешь сказать, сегодня вечером мы сможем принять горячий душ?
— Не вижу, что может нам помешать.
А я к этому моменту не вижу, что может обрадовать меня еще сильнее.

Но я правда радуюсь еще сильнее.
Мы находим под домом огромный погреб, набитый едой. Консервированной едой. Сушеной едой. Многолетними запасами хорошо хранящейся еды для выживальщиков, которую раньше можно было заказать через интернет.

Из-за его лодыжки я не даю Трэвису спускаться по лестнице, и сама поднимаю пару банок говяжьего рагу, запечатанную пачку крекеров со сроком хранения 25 лет, упаковку смеси для брауни (к ней надо просто добавить воды) и бутылку пива.

Я беру лишь одну бутылку, ибо сомневаюсь, что мне оно вообще понравится.

— Трэвис! — я сердито смотрю на него, когда поднявшись, обнаруживаю, что он стоит на кухне и шарит по шкафчикам. — Тебе надо сесть и приподнять лодыжку повыше.

— Да нормально.

— Нет, не нормально. Твоя нога ужасно опухла.

— Плюс-минус час роли не сыграет. Я дам ноге отдых, когда мы поедим и примем душ.

Я начинаю протестовать, но в итоге сдаюсь. Трэвис нацепил свое упрямое лицо.

— Иди в душ первой, — говорит он. — Я приготовлю ужин, а потом помоюсь сам. Нам нужно время, чтобы вода снова нагрелась между двумя приемами душа.

Я колеблюсь, но он уже открывает одну из банок.

Он сегодня ворчлив, а меня до сих пор мучают спазмы из-за месячных, так что я решаю, что заслужила пойти в душ первой.

Вода вполне теплая, но не обжигает. Мне все равно. Это так приятно, что я стою под струями и дрожу от эмоций.

Прошли годы с тех пор, как я принимала горячий душ.

Я мою волосы, скребу все свое тело, а потом стою и наслаждаюсь.

Будь у меня бритва, я могла бы даже побриться. Я не брилась с тех пор, как электростанция вышла из строя. Большинство знакомых мне женщин тоже перестало бриться. Это одна из роскошей, которых мы лишились вместе со всем остальным.

Я решаю, что мне это не так уж важно.

Иметь гладкие ноги и голые подмышки — это приятно, но бритье всегда было занозой в заднице.

Трэвиса волосы, похоже, не смущают. Видимо, мое тело нравится ему и таким.

У меня все равно нет бритвы, если только я не хочу попытаться удачи с опасной бритвой Трэвиса.

Мне этого совсем не хочется.

Главным образом я просто в восторге от того, что чувствую себя реально чистой.

Когда вода остывает, я выключаю ее и выхожу из душа. Я заворачиваюсь в одно из полотенец, лежащих на полке. Вся моя одежда грязная, так что я не хочу ее надевать. Поэтому я иду к шкафу в спальне и нахожу там большую клетчатую рубашку из хлопка, сделавшуюся мягкой от долгой носки. Я застегиваю ее и смотрю на себя.

Подол доходит почти до колен. Надо лишь закатать рукава и все будет хорошо.

Я расчесываю волосы и оставляю их мокрыми и распущенными, отправляясь на поиски Трэвиса на кухне. Он прислонился к шкафчику и медленно помешивает рагу, стоящее в кастрюльке на небольшой плите.

— Пахнет вкусно!

— И на вкус тоже отлично, — он оборачивается ко мне и замирает. Что-то загорается в его взгляде.

Я смущенно смотрю на себя.

— Я нашла это в шкафу. Ну, главное что чистое.

— Ага, — его голос звучит хрипло.

— Почему ты на меня так смотришь? Я полностью прикрыта.

— Знаю. Но это неважно. Ты адски сексуальна.

Я краснею и закатываю глаза. Затем достаю посуду для ужина.

Мы едим за маленьким обеденным столом. Мне не нравится пиво, так что Трэвис выпивает всю бутылку. Рагу вкусное, а крекеры оказываются настоящим лакомством. Хрустящие. Соленые. Хлебные.

Мы давно такого не ели.

Брауни готовы к тому моменту, как мы доедаем рагу. Они не похожи на настоящие брауни, но все равно шоколадные.

Шоколадные.

Я пребываю в счастливом трансе, пока мы прибираемся и чистим зубы. Трэвис остается в ванной, чтобы принять душ.

Мне нечего делать. Я довольная, усталая, чистая и сытая.

Так что я забираюсь в постель и жду его.

Трэвис принимает долгий душ, как и я, а вернувшись, он одет лишь в трусы. Я уже заперлась и выключила все освещение, кроме лампы на прикроватной тумбочке, чтобы он сразу мог лечь в постель.

— Ложись и дай мне еще раз перевязать твою лодыжку, — говорю я ему, вставая коленями на кровать. Я на той стороне, что у стены, так что Трэвис с тихим стоном ложится рядом. — Ты слишком переусердствовал. Так никогда не поправишься, если не будешь отдыхать.

— Выбора не было, — он кажется усталым.

Еще более усталым, чем я.

Я подвигаюсь ниже, чтобы осмотреть его лодыжку, которая сделалась пурпурной и опухшей.

— У тебя был выбор. Ты мог оставить больше работы мне. В морозилке есть формы для льда. Я их наполнила, так что завтра сможем приложить к твоей лодыжке лед.

— Звучит здорово.

Закончив бинтовать, я забираюсь под одеяло рядом с ним, и Трэвис выключает свет.

Он пахнет чистотой. Не совсем как Трэвис.

Я лежу рядом. В глубине души мне хочется подвинуться и пообниматься, но наши отношения не такие. Я не уверена, как отреагирует Трэвис, так что не рискую.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает он.

— Что? О, нормально. Живот немного побаливает, но ничего ужасного.

— Хорошо, — он делает паузу на пару минут, затем продолжает: — Как ты относишься к тому, чтобы остаться тут на пару дней?

Я так удивлена, что поворачиваю голову и смотрю на него в темноте.

— Что?

— Нам необязательно это делать. Но я просто подумал. С моей лодыжкой сложно будет защищать нас в дороге. Так что я подумал, может стоит... отдохнуть немного, прежде чем пускаться в путь.

Я тяжело дышу. Даже не уверена, почему. Я не знаю, что сказать.

— Думаешь, мы можем позволить себе задержку?

— Не знаю. Никак нельзя сказать, когда тот парень отправился в дорогу, и как быстро движется стадо. Но нет толку спешить, если я не могу нас защитить. Лодыжка должна зажить.

— О. Да. Логично. И Мария же сказала, что найдет других людей, чтобы отправить с ними то же послание. Им может повезти больше, чем нам.

— Верно. Нам необязательно оставаться, — повторяет он. — Знаю, ты уже думаешь, что это бесконечное путешествие, так что, может, ты не хочешь откладывать...

— Я не против, — перебиваю я. Мне не нравится то, что я слышу в его голосе. — Все хорошо. Мы можем остаться на пару дней. Нам надо, чтобы твоя лодыжка зажила. И мы оба очень... устали. Мы можем побыть здесь. Само собой, мы можем задержаться на пару дней. Стада останавливаются и грабят каждый город, что им встречается. Это должно занимать немало времени.

Тело Трэвиса расслабляется рядом со мной.

— Ладно. Хорошо. Так и поступим.

Какое-то время мы лежим молча.

До меня доходит, что Трэвис может хотеть секса. У него ранее было такое выражение в глазах. Но он не пытается соблазнить меня. Даже не трогает. Мне сейчас так комфортно, и вовсе не хочется потеть и распалаться.

К тому же, спазмы от месячных вовсе не помогают почувствовать себя сексуальной.

Если мы останемся здесь на пару дней, то завтра будет полно времени для секса. При условии, что его не оттолкнут месячные.

— Жаль, что нельзя посмотреть телик, — говорю я наобум через несколько минут.

— Я видел небольшой телевизор на полке в главной комнате, но мы увидим лишь статический шум. Сейчас уже нет кабельного или трансляций.

— Я даже не видела в доме никаких книг. Интересно, чем этот парень занимался тут в одиночестве. Я была бы не прочь почитать.

— Можешь почитать свои стихотворения.

— Знаю, — я улыбаюсь и поворачиваюсь на бок лицом к нему. — Я все равно заучила большинство из них. Я пару раз видела, как ты их читал. Что думаешь?

— Неплохо, — он смотрит в потолок. — Некоторые хорошие. Некоторые я не смог понять. Почему ты их так любишь?

— Не знаю. Просто люблю. В девятом классе у меня была очень хорошая учительница английского, мисс Дженсон. Она была очень молодой (закончила колледж год или два назад), и она привила мне любовь к поэзии. Наверное, с этого все и началось.

— Мне понравилось стихотворение про парня, который убил свою жену.

Я хмурюсь, по памяти перебирая стихи в книге.

— Которое? «Аннабель Ли»?

— Нет. Я думал, тот парень просто спал с ее мертвым телом, — он кажется искренним, задумчивым, будто и правда пытается понять стихотворения.

Я усмехаюсь.

— Да. Наверное, именно это там и описывается.

— В этих стихах много жуткого. Я имел в виду то, где у богача был ее портрет, но это он ее убил. Ты понимаешь, о каком я?

— О да. «Моя последняя герцогиня». То есть, ты догадался, что он ее убил?

— Естественно. Жуткий тип. Богатый, бессердечный засранец. Но стихотворение мне понравилось.

Поддавшись импульсу, я начинаю читать стихотворение в темноте. Я столько раз декламировала его вслух, что слова сами слетают с языка.

Трэвис слушает, весело фыркая, когда я добираюсь до лучших строк.

«Так опускаться, унижать себя,

Я вовсе не намерен был».

Когда я заканчиваю, он протягивает руку, чтобы нежно дотронуться до меня.

— А «Аннабель Ли» знаешь?

Конечно, знаю. Я декламирую его вслух, и эти ритмичные зловещие слова повисают в тишине комнаты.

Когда я заканчиваю, Трэвис протяжно выдыхает.

— Изумительно. У тебя очень хороший голос для чтения стихотворений. Они мне особо не нравились, пока я не услышал их в твоём исполнении.

— Спасибо, — я чуть ли не ерзаю от удовольствия, доставленного его комплиментом.

— Какое твоё любимое?

— Не знаю. Может, «Волшебница Шалот»?

— Та, что с леди в башне?

— Да. Оно самое.

— Я не смог понять, почему она умерла. Что произошло, черт возьми? Она ложится в лодке и просто отбрасывает коньки?

Я не могу перестать улыбаться.

— Ага. По сути, так и есть. Думаю, подразумевается, что она умерла от любви или типа того.

— Ты знаешь его наизусть?

— Да. Да, знаю.

С минуту я колеблюсь, затем начинаю читать его вслух. Оно длинное и занимает некоторое время, но я чувствую напряжение в теле Трэвиса, пока он слушает.

Он правда слушает.

На середине мне так и хочется что-то сделать со своими руками, так что я поднимаю руку Трэвиса с покрывала. Я играю с ней, ощупывая его костяшки и водя большим пальцем по его ладони.

Он не убирает руку.

— Очень красивое, — говорит он, когда я закончила. — Напоминает мне о тебе.

— Правда? Почему?

— Не знаю. Просто напоминает, — он кажется застенчивым, так что я не настаиваю.

— Когда я ездила в Лондон, я видела могилу Теннисона в Вестминстерском аббатстве. Я также видела могилу Браунинга. Он написал то, что про герцогиню. Я была в таком восторге, видя надгробья своих любимых поэтов.

— Не сомневаюсь. Когда ты ездила?

— Когда мне было пятнадцать. Бабушка и дедушка возили меня туда летом. Мы посетили Лондон, Париж и Рим, — я сглатываю, когда реальность накрывает меня подобно удару. Подобно физическому удару из ниоткуда. — Теперь их нет. Городов. Всех трех. Все в них пропало. Они просто... перестали существовать.

Мои глаза щиплет, и я не знаю, почему. Вроде я уже перестала плакать над потерянными вещами.

Трэвис берет меня за руку, переплетая наши пальцы.

— Да. Наверное.

Мое горло болит, но я все равно говорю.

— Ужасно думать о том, что теперь исчезло из мира. Эйфелева башня. Вестминстерское аббатство. Сикстинская капелла. Я помню, как посещала Лувр и видела Мона Лизу. Все это... все просто... исчезло навсегда.

Я уже плачу, а ведь я больше никогда не плачу. Но слезы текут из глаз, а тело дрожит.

Трэвис протягивает руку и привлекает меня к себе, обнимая обеими руками. Он держит меня, ничего не говоря.

— Прости, — мямлю я, по большей части взяв себя в руки. — Не знаю, что на меня нашло. Это просто вещи. Вещи. Умерли миллиарды людей, и я не могу плакать о них. Я не знаю, почему плачу об этом. О зданиях. О вещах.

— Нее, — хриплый голос Трэвиса окрашивается акцентом. — Это, может, не люди, но это и не просто вещи. В них вложено ужасно много смысла. Истории. Не знаю. Правды и красоты... как говорилось в том стихотворении. В непонятном про урну. То, что делает искусство хорошим.

— Человечность, — говорю я, смахнув несколько слезинок и найдя нужное слово.

— Человечность, — Трэвис как будто пробует слово. — Да. Что-то такое. В этих вещах заложено много человечности. И об их потере стоит плакать.

Я еще немного плачу и теперь уже не чувствую себя виноватой. Я утыкаюсь лицом в теплую обнаженную грудь Трэвиса, пока эмоции не исчерпывают себя.

— Хотелось бы мне поплакать и о людях, — шепчу я в темноте.

Трэвис очень нежно гладит меня по волосам.

— Может, однажды и сумеешь. Но я понимаю. Я тоже это чувствую. Иногда нам надо плакать о мелочах, потому что большие вещи — слишком бльшие.

Я шмыгаю носом и вытираю глаза простыней, затем снова прижимаюсь щекой к его груди. Я чувствую его сердцебиение. Оно быстрое и размеренное. Живое.

Когда я полностью расслабляюсь, Трэвис бормочет:

— Готов поспорить, Мона Лизу спасли.

— Что?

— Ну Мона Лизу? Это же картина, так? Я ее никогда не видел, но она не может быть слишком большой. У них была пара месяцев перед падением астероида. Кто-нибудь наверняка додумался ее спасти. Кто-то должен был отвечать за это. Они бы не позволили ей просто сгореть.

Я улыбаюсь от серьезности его голоса, еще несколько раз шмыгая носом.

— О. Да. Наверняка.

— Возможно, мы потеряли Эйфелеву башню. И Сикстинскую капеллу. И то место, где похоронены все твои поэты. Но кто-то должен был спасти Мона Лизу.

— Да. Да, — я вытягиваюсь, чтобы поцеловать его в подбородок. — Готова поспорить, так и есть.

— Я это знаю, — он утыкается в мои волосы носом в темноте. — Может, когда-нибудь в далеком будущем они отстроят мир до прежнего состояния. Может, я даже однажды посмотрю на нее.

Я крепко обнимаю его.

— Может быть. Мне понравилось, что ты сказал. Про правду, красоту и все такое. Это было очень умно.

Трэвис фыркает.

— Я никогда не говорил ничего умного об искусстве. Просто читал эти стихи и пытался их понять. Раз ты их так любишь.

Такое чувство, будто он улыбается.

Я тоже улыбаюсь.

Теперь мне лучше. Ноющая боль в груди отступила.

Может, это какая-то странная и внезапная надежда, но мне это помогает. Мона Лиза могла пережить разрушение Европы. И через десятки лет у Трэвиса может появиться шанс ее увидеть.

Когда теряешь почти все, ты черпаешь надежду там, где удастся ее достать.

Спасение Моны Лизы.

Искорка человечности после конца света.

Я засыпаю, гадая, куда они могли поместить картину, чтобы сберечь ее.

Глава 8

Я просыпаюсь, зная, что проспала долго, и время уже очень позднее. В комнате светло даже с закрытыми ставнями, и я не ощущаю знакомого тяжелого утомления, от которого сложно даже открыть глаза.

Я смотрю в потолок и вспоминаю, где я.

Повернув голову, я вижу, что Трэвис крепко спит рядом со мной. Его рот слегка приоткрылся, обе руки лежат поверх одеяла.

Я поворачиваюсь на бок лицом к нему, наблюдая, как его грудь медленно поднимается и опускается при дыхании, и как одна его рука сжимает одеяло в кулаке.

Я и раньше видела, как он спит. В лесу, когда нам приходилось спать поочередно. Но он никогда не спит так крепко, когда мы ночевали в лагере. В большинство таких ночей он получает лишь несколько часов отдыха.

Я даже представить не могу, насколько он устал, и насколько ему нужно так отоспаться. Мне надо в туалет, но я не хочу выбираться из постели, поскольку боюсь его разбудить.

Так что я сворачиваюсь на боку, наблюдая за ним и стараясь не думать о том, как мне нужно пописать.

Может, он просыпается естественно, как и я, а может, он чувствует на себе мой пристальный взгляд. В любом случае, через несколько минут его ресницы начинают трепетать, и он слегка ерзает под одеялом.

— Лейн, — бормочет он. Его глаза до сих пор закрыты.

— Да. Я здесь.

— Лейн! — на сей раз мое имя звучит почти спешно. Его глаза распахиваются, и он приподнимает голову над подушкой.

— Я здесь, — я протягиваю руку и дотрагиваюсь до его голой груди. — Я здесь, Трэвис.

Его тело расслабляется, и он улыбается мне, опускаясь обратно на подушку.

— Доброе утро.

— Доброе. Мы заспались.

— Да. Поверить не могу, что проспал так долго. Должно быть, прошло часов двенадцать.

— Мы устали.

— Наверное, — он протягивает руку и убирает мои волосы с лица. Поскольку я не заплела их перед сном, волнистая масса рассыпается по моим плечам и подушке. — Ты хорошо спала?

— Да. Только что проснулась. За всю ночь практически не пошевелилась.

— Как себя чувствуешь?

— Нормально. Я же только что сказала, что хорошо спала.

— Я не это имел в виду.

Я хмурюсь, и только потом понимаю, о чем он спрашивает.

— О. Да. Нет, все хорошо. Этим утром спазмы почти не мучают. Как твоя лодыжка?

— Ноет. Но не слишком сильно.

— Ты мне врешь?

— С чего бы мне врать?

— Потому что это стоическое мачо-дерьмо в твоем духе. Тебе нравится строить из себя сильного и неуязвимого.

Его серо-голубые глаза теплее и мягче обычного. Мне очень нравится выражение в них. Его губы слегка изгибаются, и он говорит:

— Может, это не притворство. Может, я правда такой сильный и неуязвимый.

— Ну, ты сильный, — я вожу кончиками пальцев по аппетитным очертаниям его плеча и бицепса. — Но ты не неуязвимый. Помнишь, вчера ты растянул лодыжку.

— Не напоминай мне.

— Я буду тебе напоминать. И продолжу тебе напоминать. Сегодня тебе нужно поберечься и не расхаживать туда-сюда. Ты вообще ничем не будешь заниматься

— Ничем?

— Ничем, — я твердо киваю, показывая, что настроена серьезно.

Он тихонько хмыкает, но на лице отражается скорее веселье. Его выражение теплое и становится еще теплее.

— А я думал, мы могли бы кое-чем заняться.

— Чем, например? — можете считать меня душой, но я до сих пор понятия не имею, о чем он говорит.

Его глаза распалиются еще сильнее.

— О.

— Только если ты хочешь. Прошлой ночью не хотел спрашивать, раз ты плохо себя чувствовала. Но если этим утром тебе лучше...

В моем животе зарождается трепет — теперь уже скорее эмоциональный, нежели физический. Я запускаю руку под одеяло, прикасаясь к его груди, животу и наконец добираясь до переда его трусов.

Он тверд.

— Ты так и проснулся? — спрашиваю я, отчасти веселясь, отчасти испытывая восторг, когда ощущаю его эрекцию под тонким хлопком.

— Практически да, — его бедра неумно движутся под моей ладонью. — Тебе хочется?

— Меня сейчас не мучают спазмы, но все равно же идет... Ты можешь испачкаться.

— Какое мне до этого дело, черт возьми?

Я хихикаю, перелезая через него, чтобы выбраться из постели.

— Я сейчас вернусь. Надо сходить в туалет и кое-что проверить. А потом мы можем кое-чем заняться.

— Ты только недолго!

Смех и предвкушение все еще бурлят во мне, пока я бегу в уборную и делаю то, что нужно.

Вернувшись, я уже готова.

— Думаю, все будет нормально, — говорю я, забираясь на кровать, стягивая одеяло и седлая его бедра. — В плане месячных вроде все нормально, — когда Трэвис начинает приподниматься, я распластываю обе ладони на его груди. — Неа. Ты должен беречь лодыжку.

— Все с моей лодыжкой нормально, — его глаза блуждают по моему лицу и телу с жаром и собственничеством, которые вызывают во мне восторг. На мне все еще большая мужская рубашка, но Трэвису явно нравится то, что он видит. — Не нужно со мной сюсюкаться.

— Ну, а я все равно буду с тобой сюсюкаться. В этот раз я могу быть сверху, — я опускаю взгляд на его большое распростертое тело и ощущаю легкий трепет нервозности. — По крайней мере, я думаю, что могу. Возможно, тебе придется немного мне помочь.

Его улыбка выглядит нежной. Самоуверенной в такой манере, что пробуждает предвкушение. Как будто он смотрит на то, что принадлежит ему.

— Какая бы помощь тебе ни понадобилась, я к твоим услугам.

Моя легкая тревожность мгновенно унимается от выражения на его лице. Я вожу руками вверх и вниз по его груди, ощущая крепкие мышцы, жестковатые золотистые волоски, бугорки сосков. Он наблюдает за мной, пока я ласкаю его. Я опускаюсь к его напряженному прессу и дорожке волос, скрывающейся под поясом боксеров.

Его пах слегка приподнимается, и я понимаю, что движение неосознанное. Инстинктивный ответ на расположение моих рук. Я на несколько секунд кладу ладонь поверх бугра его эрекции, затем возвращаю ее к животу.

Трэвис стонет, когда я дразнище улыбаюсь.

Я наклоняюсь, мои губы тянутся к его рту, пока я не замечаю, насколько неподвижно он замер, почти застыл... и я внезапно соображаю, что творю.

Он не целует меня в губы. Никогда.

Значит, я тоже не могу его поцеловать.

Я быстро маскирую этот порыв, оставляя легкий поцелуй на его подбородке.

Затем опускаю лицо, чтобы поцеловать его в плечо. Поласкать ртом точку пульса на горле. Продолжить дорожку поцелуев к одному соску. Он пахнет чище обычного, потому что принял душ вчера перед сном, но его тело распалется, и я улавливаю знакомый запах Трэвиса.

Мне это нравится.

Это оказывает странное воздействие на мои интимные зоны.

— Бл*ть, Лейн, — бормочет он, запутываясь обеими руками в моих распушенных волосах. — Ты меня убиваешь. Я и без того был готов.

Я хихикаю от его слов.

— Теперь ты знаешь, что я чувствую, когда ты делаешь так со мной.

— Это другое.

— Почему?

— Ну потому что.

— Ну-ну.

Выражение в его глазах в мгновение ока снова сменяется со смеющегося на сексуальное.

— Сними рубашку, Лейн. А потом немножко подвинься выше, чтобы я сделал тебя тоже готовой.

Я мгновенно реагирую на хриплые нотки в его голосе. Все мое тело напрягается от предвкушения. Я медленно снимаю рубашку, а затем позволяю ему подтянуть мое тело выше по кровати, где он поднимает голову и дотягивается до моих грудей.

В этой позе я чувствую себя немного неловко и беспомощно, но это почему-то еще сильнее возбуждает. Ноющая потребность нарастает между моих ног, пока он сосет и покусывает, а его ладони гладят мое обнаженное тело.

— Что стало с твоими трусиками? — спрашивает он, выпуская мою грудь изо рта и сжимая ладонями мою голую задницу.

— Я их сняла. Подумала, что так будет удобнее.

Он усмехается, и я чувствую эти вибрации, когда он снова берет мою грудь в рот.

— Хорошая идея.

Уже вскоре я хнычу и ерзаю, возбуждение становится глубинным и сильным. Трэвис все еще трудится ртом, сжимает и гладит мою задницу, бедра, между ног. Когда терпеть уже невозможно, я выпрямляюсь и смотрю на него, раскрасневшись и тяжело дыша.

Он одаривает меня еще одной сексуальной, самоуверенной улыбкой.

— Похоже, теперь ты готова.

Я прищуриваюсь.

— Видимо, утренний секс делает тебя самодовольным.

Он усмехается и помогает мне, пока я стягиваю его трусы.

— Не притворяйся, будто тебе это не нравится.

Мне это правда нравится. Мое сердце совершает сумасшедшие кульбиты, между ног горячо и влажно. Но я изо всех сил стараюсь сделать отстраненное лицо.

— Это в тебе говорит эго?

— Разве? — он опускает руку между моих бедер и раскрывает меня поглаживающими движениями. Затем вводит в меня палец, отчего влага так и сочится. — Непохоже, что это только мое эго.

Я стараюсь сохранить пренебрежительное выражение, но терплю полный провал. Перед ним просто невозможно устоять. Я тряусь от смеха и предвкушения, пока пытаюсь расположить себя над его бедрами.

Трэвис помогает, одной рукой держа эрекцию в нужном положении, а другой направляя мои бедра. Я медленно принимаю в себя его длину. Я мокрая и податливая и ахаю от удовольствия, пока он постепенно наполняет меня.

Он стонет и двигает бедрами подо мной.

— Бл*дь, Лейн. Ох, бл*ть. Ты ощущаешься так приятно.

Я ерзаю и опираюсь руками на его грудь. Мне так странно быть наверху. Весь контроль у меня, и я должна почувствовать себя могущественной, но вместо этого испытываю странную уязвимость. Будто я не уверена, как мое тело должно двигаться.

— Как тебе? — хрипло спрашивает Трэвис, скользя взглядом от моего покрасневшего лица и взъерошенных волос к моим обнаженным грудям и животу. Его взгляд падает на место, где мы соединены, и задерживается там.

— Хорошо. Это... хорошо.

— Если тебе не нравится, я могу быть сверху.

— Мне нравится, — мой голос звучит позорно запыхавшимся. — Просто это по-другому. Надо привыкнуть. Как я должна двигаться?

— Так, как тебе кажется приятным.

— Разве нет правильного способа это делать?

— Нет, конечно. Тут нет никаких правил. Просто попробуй всякое. Посмотри, что будет приятно.

— Но я хочу, чтобы тебе тоже было приятно.

Он весело фыркает и совершает толчок бедрами.

— Лейн, я внутри тебя, куда уж лучше. Мне точно будет приятно. Обещаю.

Он говорит искренне.

Я готова поклясться, что он говорит искренне.

Меня омывают эмоции и удовольствие.

Я пробую раскачиваться, наслаждаясь теснотой, трением, ощущением его эрекции во мне. Я изменяю угол, наклоняясь вперед. Затем я наклоняюсь назад, и это нравится мне еще сильнее. Я чувствую на себе взгляд Трэвиса, не отрывающийся от моего лица и тела, пока я двигаюсь.

Он держался за мои бедра, впиваясь пальцами в мягкую плоть моей задницы, но через пару минут он убирает одну руку и раздвигает мои лобковые волоски, находит клитор и начинает его массировать.

Моя голова запрокидывается, и с губ срывается протяжный, бесстыдный стон.

— Тебе это нравится? — спрашивает он низко и хрипло.

— Д-да. О да. Продолжай.

Мое раскачивание усиливается, пока он потирает меня, и я в мгновение ока кончаю, дрожа от быстрой и сильной разрядки.

— Это было хорошо, — бормочет он с улыбкой на губах. Он передвигает обе руки и накрывает мои обнаженные груди, кружа большими пальцами по соскам.

— Хорошо? Вот как ты думаешь? — я едва отдышалась, но стараюсь изобразить едкий тон.

— Выглядело явно хорошо.

— А ощущалось намного лучше, чем просто «хорошо», — признаюсь я.

— Отлично. Тогда давай попробуем еще раз.

Я не вижу причин возражать против такого плана, так что позволяю Трэвису ласкать меня, пока я раскачиваюсь на нем. Он мнет мои груди, после чего снова принимается за клитор. Он опять потирает меня, и на сей раз все ощущается еще приятнее. Я нетерпеливо подпрыгиваю на нем, когда оргазм зарождается. Трэвис продолжает свои ласки, и я кончаю, неряшливо, бесстыже и совершенно несдержанно, хотя знаю, что все это время он наблюдает за мной.

Когда удовольствие наконец-то утихает, я ахаю и цепляюсь за его плечи, едва в силах удержаться в прежнем положении.

— Ох, бл*ть, Лейн, — его голос звучит натужно, и Трэвис снова сжимает ладонями мою задницу. — Ты сейчас такая тесная. Ты ощущаешься так... ох, бл*ть, — его бедра вторили моему ритму, но теперь начинают двигаться по собственному желанию. Толкаться в меня со спешкой, которая доказывает — он наконец-то теряет контроль.

— Да. О да. Продолжай вот так. Именно так. О Боже, Трэвис, мне так нравится, — лепечу я, выгибая спину и позволяя ему трахать меня снизу. Обычно я бы смутилась от того, что так не контролирую свой язык, но сейчас мне просто все равно.

Во мне назревает очередной оргазм, а с моим сердцем происходит нечто иное.

В данный момент Трэвис берет то, что ему нужно от меня, и я хочу дать ему это.

Его пальцы впиваются в мою плоть, голова запрокинута и перекачивается по подушке.

— Бл*ть, Лейн. Ты такая горячая. Так хорошо. Так хорошо. Я никогда...

Мне хочется услышать, как он закончит это предложение, но этого так и не случается. Фраза сменяется беспомощным стоном, пока его пах совершает энергичные толчки.

Я снова кончаю, и мой крик разрядки застревает в горле, пока тело дрожит от удовольствия.

Затем Трэвис выдавливает:

— Ох, бл*ть, милая. Я вот-вот кончу. Тебе надо... Я вот-вот...

Он приподнимает меня, и его эрекция выскальзывает из меня. Он хватается за основание своего ствола одной рукой и сжимает себя в момент разрядки, выплескивая сперму на низ моего живота.

Я падаю на него сверху, и Трэвис обнимает меня руками. Мы долго лежим вот так, запутавшись в объятиях, тяжело дышащие, вспотевшие, мокрые и перепачкавшиеся.

Это так приятно.

Так реально.

Его руки наконец-то разжимают хватку, и я приподнимаюсь.

Мы не на шутку испачкались. Сперма, кровь, пот и бог знает что еще.

Я стону, глядя на жидкости, размазавшиеся между нашими обнаженными телами.

Трэвис усмехается.

— Извозились мы, да?

— Да.

— Чертовски хорошо.

— Да.

— Я схожу за чем-нибудь, приведу нас в порядок.

— Нет, не сходишь. У тебя лодыжка больная. Я все равно буду с тобой сюсюкаться. Я сама нас помою.

Трэвис не спорит. И я слышу его тихий удовлетворенный смешок, пока иду в ванную за полотенцем.

Полчаса спустя я спускаюсь по лестнице в погреб, чтобы поискать что-то на завтрак. Я нахожу упаковку овсянки длительного хранения, которая наверняка будет вкуснее высушенных яиц, так что беру ее, а также изюм и коричневый сахар.

Трэвис в ванной, так что я ставлю воду для овсянки. Дожидаясь, когда закипит, я выхожу на улицу проверить температуру.

Тепло и туманно. Как всегда.

Мой взгляд падает на собачью миску на полу у задней двери.

Я все еще смотрю на нее, когда Трэвис открывает дверь позади меня.

— Все хорошо?

— Да. Я просто смотрела на ту собачью миску.

Трэвис хромает и встает рядом.

— У того приятеля, наверное, была собака.

— Да. Знаю. но посмотри, какая она чистая. Если она простояла тут так долго, она должна была покрыться пылью и землей. Почему она чистая?

Волосы Трэвиса взъерошены, и ему надо побриться. Он надел спортивные трико, но в остальном не накинул другой одежды.

— Не знаю.

— Как думаешь, может, собака все еще здесь и приходит лизать свою миску?

— Прошло слишком много времени, чтобы пес выжил сам по себе. Должно быть, тот приятель умер полгода-год назад.

— Знаю. Но собаки ведь довольно хорошие собиратели, так? И если не так, то почему миска чистая?

— Наверное, это возможно.

Я принимаю решение.

— Я видела в погребе собачий корм. Я достану его и наполню миску. Может, бедный пес вернется.

Трэвис смотрит на меня с легкой улыбкой в уголках губ. Я не уверена, почему, но выражение его лица заставляет мое сердце пропустить удар.

— Наверное, стоит попробовать. Если здесь до сих пор рыщет пес, он наверняка полудохлый от города.

Когда мы возвращаемся внутрь, вода уже кипит, так что Трэвис занимается овсянкой, пока я достаю из погреба собачий корм. Я наполняю миску на улице, осматриваю двор, мастерскую и деревья вокруг полянки. Не видно вообще никаких животных.

Маловероятно, что пес мог выживать так долго. Даже дикие животные еле как держались в последние несколько лет.

Но может быть.

Это не повредит.

Я оставляю еду снаружи и иду внутрь, чтобы позавтракать с Трэвисом.

Он нашел в шкафчике кофе, так что утро очень доброе.

Большую часть утра я занимаюсь стиркой.

Мне приходится быть строгой с Трэвисом, чтобы он держал лодыжку приподнятой. Он хочет помогать мне, но в итоге уступает, когда я не сдаюсь.

Так что он лежит на диване, держа лед на лодыжке, пока я стираю одежду, полотенца, спальный мешок и одеяло — все это в весьма паршивом состоянии.

В доме нет обычной стиральной машины и сушилки, но есть старомодная стиральная машина с ручным устройством для отжима, а на улице натянута бельевая веревка для сушки. У меня уходит немало времени, чтобы перестирать все и развесить, но закончив, я довольна собой. Поскольку на улице тепло и нет дождя, вещи должны высохнуть до наступления темноты.

Мне жарко, я устала и слегка вспотела, когда иду внутрь, чтобы проведать Трэвиса.

Он все еще растянулся на диване, но хмуро смотрит на меня.

— Не ной, — говорю я ему. — Тебе надо дать лодыжке отдых.

— Я ни слова не сказал.

— У тебя само выражение лица ноет.

— Но ты делаешь всю работу, пока я лежу тут как тюфяк.

— Не так уж и много работы я сделала.

— Да, много. Посмотри на себя.

Я опускаю взгляд на свое тело. На мне футболка и пара шортов на завязке, оставшихся от мужчины-владельца дома, и они мне велики. Я знаю, что выгляжу нелепо,

но я хотела постирать все, что подходит мне по размеру. Я заставила Трэвиса переодеться в вещи этого парня, чтобы постирать и его одежду тоже.

— В смысле — посмотри на себя?

— Ты вся ужарилась и устала. Я мог бы тебе помочь, — он все еще хмурится. Он реально в плохом настроении из-за того, что он вынужден лежать и не напрягать лодыжку.

— Я не нуждалась в помощи. Я в состоянии сделать кое-какую работу. И я предпочту, чтобы ты позаботился о заживлении своей травмы.

— Да все в порядке.

Я подхожу, убираю лед и смотрю на лодыжку. Она до сих пор опухла и выглядит отнюдь не симпатично.

— Тебе нужен ибупрофен?

Трэвис хмыкает.

Думаю, это хмыканье должно выражать отрицание, но я притворяюсь, будто это согласие, и приношу ему таблетки.

В погребе я нахожу смесь для кукурузного хлеба, к которой надо просто добавить воды, и пеку его, чтобы поесть с чили на ланч. Я копаюсь и нахожу несколько бутылок кока-колы. Теперь у нас есть лед, так что мы делим бутылочку на двоих, и ничто не может быть таким вкусным, как эта кола.

Я мою посуду после обеда и оборачиваюсь. Я проверяла примерно каждые полчаса, так что удивленно дергаюсь, когда вижу что-то у собачьей миски.

— Трэвис! — шиплю я. — Пес! Пес!

Трэвис сидел за столом и ворчал, что ему не дают помочь с уборкой, но тут вскакивает и подходит ко мне у окна.

Собака выглядит дворняжкой, но там как минимум отчасти примешана австралийская овчарка. Животное пугающе худое, с длинной спутанной шерстью. Оно жадно ест положенную мной еду, уминая ее в считанные мгновения.

— Где то вяленое мясо? — шепотом спрашиваю я, будто пес может услышать нас в доме. — Я хочу посмотреть, не удастся ли заманить его в дом.

— Он наверняка уже наполовину одичал. Может оказаться совсем не дружелюбным.

— Знаю, но хочу попробовать.

Трэвис уже протягивает мне кусочек своего вяленого мяса, которое он оставил на столе с остальными нашими съестными припасами. Я беру его и делаю шаг наружу.

— Привет, дружок, — говорю я самым милым своим голосом.

Пес вылизывал свою пустую миску, но дергается от моего появления и пятится с низким рычанием.

— Все хорошо, дружок. Мы тебя не обидим. У нас есть еще еда, если хочешь, — я отрываю маленький кусочек вяленого мяса и бросаю псу.

Животное подозрительно принюхивается, затем жадно заглатывает угощение.

— Видишь. Вкусняшка. Я дам еще, если подойдешь ближе, — я бросаю второй кусочек, на сей раз недалеко от себя.

Пес медленно подходит, не сводя с меня глаз. Затем резко бросается за мясом. Я кладу еще кусочек, этот буквально в тридцати сантиметрах от меня.

Он подходит и за ним.

Теперь я беру кусочек и протягиваю его в руке.

— Хочешь и это тоже? Можешь съесть. Мы правда хорошие. Мы будем хорошо с тобой обращаться.

Проходит минута, прежде чем пес решает, что еда стоит риска, но в итоге он подходит и берет пищу из моей руки.

Я глажу его по грязной голове, и он слегка виляет длинным хвостом.

— Хороший мальчик. Ты такой хороший мальчик. Ты отлично справился, выживая так долго.

Пес снова виляет хвостом — робкие, полные надежды движения, и это почти заставляет меня расплакаться.

Я отдаю ему остатки вяленого мяса, затем оглядываюсь и вижу, что Трэвис выходит с еще одним кусочком.

Пес пятится и рычит при виде Трэвиса, но в итоге возвращается за едой. Он позволяет Трэвису тоже погладить его.

— Бедняга, — бормочет Трэвис, почесывая пса за ушами. — Должно быть, тяжело тебе тут приходилось одному. Мне очень жаль, что твой хозяин умер.

— Как думаешь, он зайдет внутрь? — тихо спрашиваю я. — Я бы хотела немного помыть его и посмотреть, не надо ли обработать его порезы.

— Можно попробовать. Я видел внутри собачьи вещи, так что живший тут парень наверняка иногда заводил его в дом.

Следующий час мы возимся с псом, заводя его внутрь, давая ему еще одну миску еды и воды, затем по возможности моя его. Когда мы закончили, пес подходит к маленькому коврику перед печкой в гостиной и сворачивается клубочком, засыпая.

Я улыбаюсь как дура.

— Наверное, это его место, — говорю я. — Смотри, как он счастлив.

— Бедняга, — Трэвис прислоняется к стене, смотря на пса. — Ну, хотя бы у него будет пара дней с нами.

— Да, — я замечаю, как Трэвис приподнимает лодыжку, чтобы не переносить на нее вес. — Тебе лучше снова прилечь и дать отдых ноге. Я подогрею воду и приму душ, ибо что-то мне не очень хорошо.

Трэвис хмыкает и не сдвигается с места, так что я просто оставляю его и иду включить нагреватель воды в ванной, а затем прибираю вещи, разбросанные после возни с собакой.

Я нахожу еще одну мягкую рубашку, чтобы надеть после душа, потому что мои вещи еще сушатся на бечевке. Затем я закрываю дверь ванной, раздеваюсь и ступаю под душ.

Слегка горячая вода сегодня ощущается так же приятно, как и вчера. Я стою и позволяю струям бить по лицу и стекать по телу. Ранее я заплела волосы, так что я просто оставляю их в косах, позволяя намочнуть. Нет необходимости снова мыть волосы.

Я только начинаю намыливаться, когда ощущаю порыв холодного воздуха. Я слегка взвизгиваю, когда кто-то входит в душ вместе со мной.

Трэвис. Абсолютно голый и теперь такой же мокрый, как и я.

— Ты что делаешь? — спрашиваю я, и мой шок сменяется хихиканьем.

— Принимаю душ. Подумал, что ты используешь всю горячую воду, так что лучше поделиться, — его тон теплый и дразнящий, и мне нравится, как это звучит. Он редко бывает таким.

— И ты не подумал сначала спросить?

— Ты не хочешь делиться? — он забирает у меня из рук мыло. — Я могу очень хорошо тебя помыть.

Мы слегка боремся из-за мыла, а потом я сдаюсь.

— Не думаю, что у тебя на уме было мытье, когда ты забрался сюда.

— Почему ты так решила? — он намыливает мою грудь и живот.

Я опускаю руку и обхватываю его эрекцию обеими ладонями.

— Вот поэтому.

— Это просто из-за того, что ты голая.

— То есть, ты не хочешь еще раз заняться сексом?

— Ну, я бы не отказался. Но настаивать не буду, — в его голосе все еще слышится улыбка, а руки бродят всюду по моему телу.

Мне очень нравится, как это ощущается, но я испытываю скорее нежную привязанность, нежели спешку.

— Мы занимались сексом буквально несколько часов назад.

— То есть, ты не хочешь?

— Не знаю. Лучше закончить мыть меня. Потом я помою тебя. А потом я решу.

Трэвиса, похоже, полностью устраивает такое предложение. Он неторопливо моет все мое тело, затем я делаю то же самое с ним.

Мне очень нравится, как напрягается его тело, когда я трогаю его, глажу, прикасаюсь везде. Я поднимаю взгляд и вижу, что его серо-голубые глаза распались.

Мне хорошо и так, но он определенно возбужден сильнее, чем я. Он шипит всякий раз, когда я задеваю его эрекцию.

Это подкидывает мне идею.

Я никогда не делала этого прежде, но интересно будет попробовать.

И я хочу сделать Трэвису так же приятно, как он делает мне.

Я меняю позу, чтобы опуститься на маленькую скамеечку в углу душевой. Так я оказываюсь ближе к уровню его паха.

— Что ты делаешь? — сипло спрашивает он, глядя на меня.

Я протягиваю руку, чтобы подтянуть его ближе, затем обхватываю его твердую длину ладонями.

— Я хотела кое-что попробовать.

— Кое-что попробовать?

— Да. Кое-что попробовать.

Его пенис дергается в моих руках.

— Ты... ты имеешь в виду...

— Да. Это я и имею в виду. Но я никогда прежде этого не делала, так что едва ли я буду хороша в этом.

— Ты не услышишь от меня жалоб.

— Я серьезно. Я правда не знаю, что творю. Так что если все будет плохо...

— Это не будет плохо, Лейн.

— Откуда тебе знать? Я просто говорю — если я что-то сделаю не так, то ты можешь мне сказать. Это не заденет мои чувства. Я уверена, что с практикой все будет только лучше. Я не знаю никаких техник или типа того.

Он издает странно урчащий звук.

— Тебе не нужна практика, Лейн. Мне понравится все, что ты сделаешь со мной. Если женщина взяла мужчину в рот, а он ноет что-то про ее технику, то он вообще ее не заслуживает, — он обхватывает мою голову ладонями. — Делай все, что хочешь. Все, что покажется тебе правильным.

— Но что, если я сделаю тебе больно или типа того? — я тронута его словами, но немного нервничаю. Я искренне понятия не имею, как это делается.

Он улыбается. Почти нежно.

— Я дам знать, если ты сделаешь мне больно, но не думаю, что это случится.

Я решительно киваю.

— Ладно. Была не была.

Я с минуту глажу его пальцами, испытывая восторг от того, как напрягаются мышцы его живота и бедер. Затем наклоняюсь и провожу языком по головке эрекции.

Трэвис издает сдавленный звук, его руки крепче обхватывают мою голову.

Я так понимаю, это поощрение.

Я беру головку в рот и сосу ее как леденец.

Его бедра слегка дергаются, и он ахает.

Я позволяю ему выскользнуть из моего рта и поднимаю взгляд.

— Бл*ть, Лейн, — он мокрый, раскрасневшийся и великолепный. — Твоя техника превосходна.

Я смеюсь и возвращаюсь к своему занятию.

Я лижу и ласкаю его какое-то время, пока не набираюсь смелости посильнее взять его в рот. Я не готова к глубокому минету. У меня явно сработает рвотный рефлекс. Но я

беру его в рот так глубоко, насколько это возможно, и сосу, ладонью сжимая основание эрекции.

Я экспериментирую, пока не нахожу ритм, который кажется естественным, затем поднимаю взгляд к его лицу.

Трэвис смотрит на меня так, будто я пища для оголодавшего. Его бедра совсем чуточку покачиваются в моем ритме, ладони крепко держат мою голову. Он охает каждый раз, когда я сосу.

Похоже, это работает — и для меня, и для него — так что я продолжаю, втягивая щеки, сосу и постепенно ускоряю темп.

Странное чувство. Интимное. Интенсивное. Сексуальное в очень уязвимой манере.

Но мне нравится, как он реагирует на меня. Мне нравится этот нуждающийся взгляд в его глазах и то, как он не может держать бедра неподвижно.

Свободной рукой я держусь за его сжимающуюся задницу и продолжаю.

Совсем скоро я чувствую, что Трэвис сбивается с ритма. Его постанывание становится громче, пальцы так и впиваются в кожу моей головы.

— Бл*ть, — хрипит он, нетерпеливо толкаясь бедрами и чуть ли не ударяя по задней стенке моего горла. — Ох, бл*ть, милая. Я...

Он со сдавленным криком выходит из моего рта и приподнимает мою голову. Я продолжаю сжимать его ладонью, пока он кончает. Спермы мало, потому что он кончил всего несколько часов назад, но то, что осталось, брызгает на меня чуть повыше груди.

Мы оба хватаем воздух ртом, а Трэвис поднимает меня на ноги и обнимает. Вода до сих пор теплая, но остывает. Очень скоро она будет совсем холодной.

Мне плевать. Мне очень хорошо. Мне нравится, как Трэвис меня обнимает.

Я не хочу, чтобы он меня отпускал.

— Спасибо, — бормочет он, уткнувшись в мои влажные волосы. — Тебе необязательно было это делать.

— Мне захотелось.

— Спасибо.

— Пожалуйста, — я отстраняюсь и улыбаюсь ему.

Буквально на мгновение я уверена, что он меня поцелует. У него в глазах такое выражение — такое, что как будто должно привести к поцелую.

Но не приводит.

Он меня не целует.

Он просто улыбается в ответ.

— Хочешь, чтобы я что-нибудь сделал для тебя?

— Неа. Меня опять немного мучают спазмы, так что мне бы лучше вздремнуть.

— Я тоже не против вздремнуть. Целую вечность не спал днем.

— Тогда давай сделаем это. Давай вздремнем, — я завожу руку назад, чтобы выключить воду. — У пса лучшие планы на вторую половину дня.

Мы следуем примеру пса. Мы вытираемся, забираемся под одеяло и спим.

Я просыпаюсь ближе к вечеру.

Мне тепло, уютно, и меня переполняет то тяжелое удовлетворение после глубокого сна. Я моргаю, переваривая тот факт, что я прильнула к боку Трэвиса.

Когда я заснула, мы не соприкасались, но теперь точно соприкасаемся.

Мы соприкасаемся вообще везде. Его рука обвивает меня, моя щека прижимается к его коже. Моя рука покоится на его животе.

Я слегка меняю позу, чтобы взглянуть ему в лицо.

Он не спит. Наблюдает за мной.

Я сонно улыбаюсь.

— Я перекатилась на тебя?

— Что-то типа того.

— Извини.

— Не за что извиняться. Я не возражаю, — он не перекладывает меня. Он уютно прижимает меня к себе одной рукой.

У меня нет причин ему не верить. Может, он не возражает против таких обнимашек со мной.

Я решаю не шевелиться. Мне нравится то, каким правильным это ощущается.

Он помылся только пару часов назад, но уже слегка пахнет Трэвисом. Я лгну еще ближе.

Он свободной рукой смахивает выбившиеся пряди с моего лица. Остальная масса все еще пребывает во влажных растрепанных косах.

— Хорошо вздремнули, — говорю я.

— Ага.

— Ты поспал?

— Примерно час.

— И с тех пор лежишь, проснувшись?

— Конечно. Не хотел тебя будить. И ты же целый день заставляла меня давать отдых лодыжке.

Я хихикаю и сжимаю его бок, ища мягкую плоть, за которую можно ухватиться. Такой нет. Этот мужчина тверд везде.

— Тебе правда нужно беречь лодыжку.

— Этим я и занимался.

— Когда ты в последний раз дремал днем?

— Понятия не имею, — он на мгновение поднимает взгляд к потолку. Затем добавляет: — Наверное, сразу после рождения Грейс. Она, бедняжка, всегда полночи плакала. Я дремал в воскресенье после обеда. Мы оба выматывались.

— Не сомневаюсь, — я удивлена, что он делится таким, но не хочу выдавать свой шок. Я не хочу разводить из этого шумиху, а то он снова отгородится.

— У Шэрил были проблемы с кормлением грудью, так что мы в половине случаев давали ей бутылочку. Я со своей стороны тоже старался, вставал ночью, чтобы покормить Грейс. Потом шел в мастерскую, работал весь день и возвращался домой, чтобы повторить все снова. Я месяцами чувствовал себя ходячим трупом.

— Охотно верю. Моя бабушка говорила, что Бог делает это нарочно — делает молодых родителей такими вымотанными, чтобы у них не было энергии по-настоящему переварить, что означает для них рождение ребенка.

Трэвис фыркает. Задумывается на минуту. Затем усмехается.

— Да. Звучит верно.

Я очень хочу задать вопрос, но не знаю, осмелюсь ли.

Я продолжаю прижиматься к его боку, легонько поглаживая живот. Наконец, я небрежным мягким тоном интересуюсь:

— Что случилось между тобой и Шэрил?

Он слегка пожимает плечом. Лицо выражает смирение.

— Мы развелись. Прямо перед ударом астероида. Мы поженились, когда нам было по восемнадцать, сразу после школы. Какое-то время мы были счастливы. Она хорошая женщина. Просто мы не особенно... подходили друг другу и не увидели этого, пока не стало слишком поздно. Мы рано поженились. А потом выросли и поняли, что... не ладим. В любом случае, мы постоянно ссорились. Готовы были порвать. Потом Шэрил забеременела. Это стало неожиданностью для нас обоих. Так что мы решили наладить отношения.

Мое сердце часто стучит, и я не знаю, от чего. Наверное, от волнения. От того, что Трэвис открывается мне, как никогда прежде.

— Но все равно не сработало?

— Неа. Дети не исправят того, что уже сломано. Так что мы все же расстались. Развод был узаконен прямо перед падением астероида. Но тогда... — он снова пожимает плечом, и одна его рука отрешенно держит мою косу. — Все стало иначе. Она и Грейс переехали обратно ко мне, когда дело начало принимать паршивый оборот. Мы уже не были женаты, но Грейс нуждалась в заботе от нас обоих. Затем Грейс заболела, и ей становилось все хуже.

Когда Трэвис не продолжает, я тихо спрашиваю:

— Что стало с Шэрил?

— Она уехала. Вместе с остальными жителями города.

Это поражает меня настолько, что я не в силах скрыть реакцию. Я сажусь на кровати и смотрю на него широко раскрытыми глазами.

— Она уехала? Она бросила тебя с Грейс?

— Не говори так, — голос Трэвиса звучит низко и хрипло. — Все было не так. Я уже не ее муж. Просто отец Грейс. А Грейс была... — он прочищает горло и отворачивает лицо. — Грейс уже была, считай, покойницей.

— Но она уехала.

— Не думаю, что она бросила бы Грейс, если бы не знала, что я остаюсь. Мы знали, что Грейс осталось жить несколько недель, и отъезд из Мидоуза для Шэрил был единственным шансом выжить. Она знала, что я буду заботиться о Грейс до самого конца. Ей было очень больно уезжать. Но у нее не было выбора. Я ее не виню. И не хочу, чтобы ты ее винила.

Я с трудом сглатываю и киваю. Я все еще сижу и глажу Трэвиса по щеке, пока он не поворачивается, чтобы снова посмотреть на меня.

— Ладно. Я понимаю. Судить людей несправедливо. Я это знаю. Подобное отчаяние толкает нас на поступки, которых мы иначе не совершили бы. Иногда мы делаем вещи, которые кажутся... противоестественными.

— Да, — голос Трэвиса звучит хрипло, в глазах видна боль и уязвимость. — Она всегда была хорошей женщиной. Я до сих пор люблю ее. Неправильно, что ей пришлось бросить дочь просто для того, чтобы выжить. Я был тем, у кого имелся шанс выжить в одиночку. Поэтому мне и нужно было остаться.

Почему-то я убеждена, что Трэвис никогда бы не бросил свою дочку, даже если бы у него не было шанса выжить.

Вот такой он мужчина.

— Я правда надеюсь, что она в порядке, — добавляет он.

Я стараюсь игнорировать то, как сильно меня обеспокоило его признание, что он ее до сих пор любит.

Когда он снова найдет ее, их отношения могут измениться. Если они до сих пор любят друг друга, возможно, они захотят попробовать еще раз.

Он так о ней беспокоится. Он хочет снова связаться с ней.

Это совершенно естественно, и я не должна на что-либо обижаться.

— Надеюсь, ты сумеешь ее найти, — говорю я, и мой голос лишь слегка дрожит.

— Да. А я надеюсь, что ты тоже сумеешь найти всех своих близких.

— Да. Пока туда не добралось стадо.

Трэвис пристально наблюдает за мной. Я чувствую его взгляд на своем лице.

— Думаю, нам лучше остаться здесь еще минимум на один день. Моя лодыжка до сих пор в плохом состоянии.

— Знаю. Нет смысла уходить, если ты не можешь передвигаться. Мы сами себя погубим.

— Но будем надеяться, что скоро удастся пуститься в путь и вовремя добраться до Форт-Нокса. Я сделаю все возможное, чтобы доставить тебя туда.

Этот ужас — понимание, что определенный злой рок надвигается на остатки нашего города и на всех беженцев, собравшихся в Форт-Ноксе — сидит подобно грузу на моих плечах. Если это место так укреплено, как все считают, то они сумеют выдержать небольшие атаки. Но силу целого стада?

Я не представляю, как это может быть возможным. Их единственная надежда — бегство.

Похоже, Трэвис ждет от меня какого-то ответа, но я понятия не имею, что сказать.

Что бы ни происходило между нами, это ощущается как никогда реальным, но я до сих пор не знаю, что это.

Но правда в том, что я боюсь.

Боюсь так сблизиться с Трэвисом. Боюсь слишком нуждаться в нем — не только для выживания, но и в эмоциональном плане.

Что, если его отнимут, как и всех остальных в моей жизни?

Что, если он не нуждается во мне так, как я в нем?

Что, если он не чувствует того же?

Может, это нормальные страхи и вопросы в начале отношений, но ничто не ощущается нормальным с тех пор, как на Европу упал астероид.

И после конца света любовь может оказаться самым крупным риском.

Я одариваю Трэвиса дрожащей улыбкой и снова ложусь рядом.

Я не говорю ни слова.

Глава 9

Мы остаемся в доме на четыре дня.

На третий день Трэвис может переносить вес на свою лодыжку. Он до сих пор хромает, но наконец-то может вполне легко передвигаться. Я воспринимаю это как знак, что нам нужно уходить, но он ничего не говорит на этот счет.

И я тоже молчу.

Правда в том, что я не особо хочу двигаться дальше.

В этом странном маленьком доме настолько безопасно и уютно, насколько это возможно в нынешнем мире. У нас есть стабильное электричество. Водопровод. Укрепленные окна и двери. Предостаточно еды и припасов. Мы в глуши и не видели ни единой живой души поблизости. Мы можем хорошо спать, хорошо есть и не беспокоиться, что на нас в любой момент нападут.

Я хочу остаться здесь, но мы не можем. Если только я не готова пожертвовать ради этого всеми моими близкими.

А я не готова.

Я точно знаю, что Трэвис не готов пожертвовать Шэрил.

Это означает, что нам нужно уходить как можно скорее.

Однажды днем мы хороним кости человека, который построил и снабдил этот дом всем необходимым. Я читаю небольшую молитву над его могилой. Я ничего не знаю об этом человеке. Возможно, он был параноиком-психопатом или самым большим мудаком в мире, но то, что он оставил после себя, стало благословением для нас, и я хочу поступить правильно с его останками.

На третий день Трэвис клянется, что слышит диких индеек в лесу, поэтому берет свое охотничье ружье, чтобы отправиться на их поиски, все еще слегка прихрамывая.

Большая часть растительности погибла несколько лет назад из-за пепла и затмившегося солнца, но кое-что, наконец, начинает возвращаться. Мы слышали жуков. Мы видели птиц.

Не исключено, что другие животные тоже постепенно возвращаются.

У меня нет никакого желания охотиться на дикую индейку, поэтому я остаюсь дома. Трэвис пытается уговорить пса пойти с ним, но вместо этого он забирается ко мне на диван.

Чем больше я узнаю этого пса, тем больше убеждаюсь в том, какой он умный.

Трэвиса нет уже два часа, а я все еще растянулась на диване и читаю старый шпионский роман, который нашла в коробке под кроватью. Книга не в моем вкусе, но это лучше, чем ничего. Пес тоже растянулся, втиснувшись между моими ногами и спинкой дивана, и громко храпит.

Время от времени я наклоняюсь и глажу пса по голове.

Сегодня хороший день. Я чиста, сыта, мне уютно, и у меня есть книга для чтения. И Трэвис запер за собой дверь, так что я в безопасности.

Я говорю себе, что нам нужно уехать завтра. Мне нужно сказать об этом Трэвису, как только он вернется.

Я слышу, как Трэвис отпирает входную дверь, как будто мои мысли вызвали его. Он заходит в главную комнату, выглядя горячим и суровым в своих поношенных джинсах и старой серой футболке с оторванными рукавами.

Я улыбаюсь ему, когда он опускает свое охотничье ружье.

— Не нашел никаких индеек?

— Нашел, — говорит он, подходя, чтобы почесать за ушами пса, который несколько раз слегка виляет хвостом, не двигаясь и не открывая глаз. — Но их было только двое. Самец и самка. Не хотел убивать ни одного из них, так как у нас здесь полно еды.

— Логично. Свежая индейка была бы очень кстати, но я рада, что ты не убил бедняжек.

Я все еще улыбаюсь, когда Трэвис подталкивает меня, освобождая себе место на диване. Мы все трое тесно прижаты друг к другу, и мне практически приходится лежать на нем сверху.

Я не против.

Он удерживает меня на месте, обняв одной рукой, и пес бросает на нас недовольный взгляд, когда ему приходится встать и заново устроиться, плюхнувшись нам на ноги.

— Как твоя книга? — спрашивает Трэвис.

— Ну. Нормально. Лучше, чем ничего.

— Надо было пойти со мной на охоту.

— Я не охотник.

— Я никого не убивал. Но я видел кролика.

— Да? — я поднимаю голову, чтобы посмотреть на выражение его лица. Он выглядит расслабленным и довольным, но в то же время в его глазах светится восторг. Должно быть, он наслаждался проведенным днем.

— Да. Кролика, индюшек и кучу других птиц.

— Каких?

— Несколько кардиналов. Голубую сойку. Три синицы. И пару ворон.

— Ух ты. Поверить не могу, что их было так много, — я прижимаюсь щекой к его груди. Я чувствую биение его сердца. Быстрое и размеренное. — Жаль, что я не увидела синиц. Они такие милые маленькие пташки. Они часто прилетали к птичьей кормушке моей бабушки. Другие птицы садились прямо на кормушку и отъедались, но синицы всегда хватали один маленький кусочек и взлетали на ветку, чтобы съесть его. Но когда других птиц отпугивала кошка или что-то в этом роде, синицы всегда были самыми храбрыми. Они всегда первыми возвращались к кормушке.

Похоже, Трэвис улыбается, когда бормочет:

— Тебе следовало пойти со мной на охоту. Могла бы увидеть синиц.

— Вороны мне тоже нравятся. У них такие повадки. Всегда кажется, что они обращаются прямо к тебе.

— Вероятно, так оно и есть. Вороны — одни из немногих птиц, которые могут узнавать конкретных людей.

— В самом деле? Я этого не знала.

— Да. Вороны очень умны. Когда я был ребенком, соседский мальчик часто кричал и швырял чем попало в пару ворон, которые ошивались на нашей улице. Прошло совсем немного времени, и каждая ворона в городе начинала каркать над этим мальчиком всякий раз, когда видела его. Я почти уверен, что вороны на моей улице рассказали о нем всем другим воронам. Они все ненавидели этого парня.

Я хихикаю над мысленной картиной, которую нарисовал его рассказ.

— Похоже, он это заслужил.

— Конечно, заслужил. Мне никогда не нравились те, кто плохо обращается с животными.

— Мне тоже, — я рассеянно поглаживаю его плоский живот, наслаждаясь ощущением его упругой плоти и напряженных мышц. — От тебя сегодня так пахнет свежим воздухом.

— Да? — он утыкается носом в мою макушку. — Я думал, от меня всегда воняет, как от Трэвиса.

Пару дней назад я подшучивала над ним по поводу его запаха Трэвиса, и он, очевидно, не забыл.

— Я никогда не говорила «воняет». И ты действительно всегда пахнешь Трэвисом. Но есть разные виды запахов Трэвиса.

— О, да? Какие же?

— Есть запах горячего, потного Трэвиса. А еще есть запах Трэвиса, только что принявшего душ. И еще запах готового к сексу Трэвиса. А еще есть уличный запах Трэвиса — тот, который пахнет землей, деревьями и воздухом. Вот как ты сейчас пахнешь.

— Ааа. Понял, — я чувствую, как что-то касается моих волос, поэтому я наклоняю голову, чтобы посмотреть, что это. Но Трэвис ничего не делает, когда я смотрю. Его глаза закрыты, а уголки рта приподняты.

— Как твоя лодыжка? — спрашиваю я.

— Хорошо. Все еще немного побаливает, но теперь я могу нормально двигаться, если она перевязана.

Я снова кладу голову ему на грудь, все еще лениво поглаживая его бок.

Я жду, не скажет ли он, что нам пора уходить, но он этого не делает.

Он ничего не говорит, когда его тело расслабляется под моим. Через пару минут я почти уверена, что он задремал. Пес определенно уснул. Он снова храпит.

Я не засыпаю, но мне нравится вот так прижиматься к ним.

Довольно скоро мы больше не сможем этого делать.

Трэвис дремлет всего полчаса.

Когда он начинает ерзать подо мной, я сажусь. У меня есть идея, которую я хочу попробовать на ужин, и мне нужно будет вскоре приниматься за нее.

Трэвис тоже садится, потягиваясь и лениво улыбаясь мне.

Вставая, он наклоняется, чтобы поправить повязку на лодыжке. Он сгибается в талии так, что его задница оказывается прямо передо мной, и мягкая джинсовая ткань туго натягивается на аккуратном, упругом изгибе.

Я даже не думаю об этом. Его задница просто неотразима.

Я легонько шлепаю его.

Трэвис хрюкает и дергается, явно удивившись. Все еще наклоняясь, чтобы закрепить компрессионную повязку на лодыжке, он бросает на меня прищуренный взгляд через плечо.

Я беспомощно хихикаю, глядя на выражение его лица.

— Прости. Не смогла устоять.

Он выпрямляется, нависая надо мной.

— Ты не смогла устоять?

— Верно, — я пытаюсь сохранить невозмутимое выражение лица, но безнадежно терплю неудачу. — Мишень была слишком заманчивой.

В его глазах вспыхивает искра. Наполовину свирепая, наполовину игривая. Когда он наклоняется ко мне, я знаю, к чему он ведет.

Он собирается шлепнуть меня по заднице так же, как я шлепнула его.

Естественно, я стараюсь не дать ему сделать это.

Мы устраиваем глупую борьбу на диване, где я пытаюсь вырваться из его досягаемости, а он пытается перевернуть меня, чтобы добраться до моей попки.

У меня получается довольно хорошо. По крайней мере, я так думаю.

Я беспомощно хохочу, крепко прижимаясь задницей к подушкам дивана.

Наконец Трэвис поднимает меня на руки и перекидывает через плечо, так что моя голова оказывается у него за спиной, а ноги свисают спереди.

Теперь моя задница легкодоступна. Он несколько раз быстро шлепает меня ладонью, пока я визжу, корчусь и хихикаю.

— Ты жульничаешь! — я хватаю его за рубашку сзади и тяну на себя.

— Почему это жульничество? — ему лучше удастся сохранять невозмутимое выражение лица, чем мне, но я слышу нотки смеха в его голосе.

— Потому что это не моя вина, что ты сильнее меня, — я понимаю, что его задница находится в пределах досягаемости моих рук, поэтому шлепаю по ней несколько раз. Под таким углом шлепать не совсем удобно, поэтому звук получается неудовлетворительный.

Пес поднимает голову, чтобы посмотреть, что мы делаем, и тут же опускает ее обратно, вытягиваясь еще сильнее, так что он теперь занимает большую часть дивана.

Трэвис фыркает и начинает идти.

— Ты сама напрашиваешься, женщина.

— Я ни на что не напрашиваюсь. Куда ты меня несешь?

— Увидишь.

Вскоре становится ясно, что он несет меня в спальню. Добравшись до кровати, он снимает меня со своего плеча и бросает на матрас. Я пытаюсь вырваться, но он мне не позволяет. Он быстро надвигается на меня, обхватывая мои ноги своими, чтобы удержать меня на месте.

Он щекочет меня — мои бока, подмышки, нижнюю сторону коленей, ступни — и я визжу и смеюсь, пока почти не начинаю рыдать. Он тоже смеется. Мягким, низким и раскованным смехом. Затем он переворачивает меня на спину и несколько раз шлепает. Просто легкими взмахами руки.

Он все еще нависает надо мной, когда останавливается. Я лежу на животе, моя голова повернута набок, а щека прижата к одеялу. Он оседлал заднюю часть моих бедер и теперь наклоняется вперед, пока не оказывается надо мной, опираясь на предплечья. Его тяжелое дыхание обдувает мой затылок, шевеля волосы, выбившиеся из моих кос.

Мое сердце колотится как сумасшедшее, но оттенок моего восторга изменился.

Я внезапно осознаю его вес, размер, жар, силу позади меня.

Он меняет позу, и я ахаю, когда чувствую, как выпуклость в его джинсах упирается в мой зад.

— Ты хочешь? — хрипло бормочет он.

— Да, — мой голос звучит до смешного запыхавшимся. От возбуждения у меня между ног все сжимается почти до боли. — Да, пожалуйста.

Он приподнимается достаточно, чтобы схватить пояс моих леггинсов, и стягивает их с моих ног, забирая с собой носки и трусики. Затем он стаскивает с меня футболку, и я оказываюсь полностью обнаженной, когда он ставит меня перед собой на четвереньки.

Я смотрю через плечо, пока Трэвис снимает рубашку и джинсы. Он остается в трусах и снова нависает надо мной, целуя в шею сзади, затем прокладывая дорожку поцелуев по спине. Одну руку он заводит под меня, чтобы помять мои груди, и благодаря его рту, руке и моему беспомощному положению я вскоре ерзаю от нужды.

Трэвис повыше поднимает мои бедра, одной рукой трогая меня между ног. Я быстро сделалась горячей и влажной, и он одобрительно хмыкает, скользнув в меня одним пальцем.

Когда он убирает руку, я думаю, что он снимет трусы, но он снова целует меня, еще ниже. Опускается чуть ниже попки. Прежде чем я осознаю происходящее, он приподнимает нижнюю половину моего тела над матрасом и раскрывает меня, чтобы крепко и небрежно лизнуть меня от клитора до входа.

Я пишу от удовольствия и удивления, прежде чем он снова меня опускает.

— Понравилось, да? — в его голосе слышится горячая улыбка.

Я смотрю на него через плечо, пока он сбрасывает трусы. Он раскрасневшийся, сексуальный и напряженный.

— Ты просто удивил меня.

— Ага. Только и всего.

— Ну, может, это ощущалось вроде как приятно. Но я думаю, тебе нужно больше практики. Если хочешь попробовать еще раз, с моей стороны никаких возражений.

Он тихо и весело хмыкает, вставая на колени позади меня, теперь уже полностью обнаженный. Без предупреждения он приподнимает нижнюю часть моего тела и снова лижет, и на сей раз его рот задерживается достаточно надолго, чтобы вырвать из меня протяжный мяукающий звук.

Трэвис опускает меня обратно и разводит мои ягодицы, чтобы приставить себя к моему входу. Он несколько раз тычется, прежде чем погрузиться полностью, и я издаю жалобный стон, когда его толстая эрекция проникает в меня.

— Видимо, это тебе тоже нравится, — говорит он между хрипылыми вдохами.

Я уже не могу изображать дразнящий сарказм. Мое тело ощущается слишком приятным, слишком наполненным, слишком нуждающимся. Я прижимаюсь горячей щекой к лоскутному одеялу и трусь попкой об его пах.

— Да. О да. Мне нравится.

Трэвис стонет, отстраняясь и совершая еще один медленный толчок.

Я ахаю и хватаюсь за покрывало подо мной.

Он толкается снова. И снова. Медленно. Глубоко. Томительно приятно.

Это продолжается так долго, ощущения нарастают так сильно, и я пытаюсь подавить рвущиеся из меня громкие и мучительные звуки.

Наконец, я уже не могу терпеть. Я хрипло умоляю его.

— О Боже, Трэвис, пожалуйста. Пожалуйста. Мне надо... О Боже, мне надо...

— Скажи мне, что тебе нужно, — он перестал двигаться, погрузившись в меня. Я чувствую, как его яички задевают мою чувствительную плоть.

— Мне нужно сильнее. Быстро. Мне нужно... мне нужно...

— Что тебе нужно, милая?

— Мне нужно...

— Скажи мне.

— Мне нужна тряска, — торопливо признаюсь я, гадая, почему это признание меня уже не смущает. — Мне нужно, чтобы твои толчки сотрясали меня. Сильно. Мне это нужно, чтобы кончить.

Трэвис издает фыркающий звук, и я не знаю, это от возбуждения или от веселья. Но он немедленно набирает скорость, толкаясь в меня жестко и быстро.

Я кричу от облегчения, когда его движения сотрясают все мое тело.

— Да! Еще. Пожалуйста, еще.

Он упирается одной рукой и жестко трахает меня сзади, вдавливаясь со шлепающим звуком при каждом толчке. Я такая шумная, что поворачиваю голову и ору в покрывало, когда оргазм наконец-то овладевает моим телом.

Он хрипел как животное, а теперь издает сдавленный звук, когда мои внутренние мышцы крепко сжимаются вокруг него. Он проталкивается вопреки моим сокращениям, пока я упиваюсь оргазмом, а затем выходит.

Я думаю, что Трэвис кончит, но он этого не делает. Он без предупреждения поворачивает меня, снова разводит мои ноги и подтягивает меня за бедра ближе к тому месту, где он стоит на коленях. Затем приподнимает мою попку и снова пристраивается ко входу.

Я стону и выгибаю спину, тяну руки в поисках чего-нибудь, за что можно подержаться, но нахожу лишь покрывало. Я комкаю ткань в кулаках, когда он снова начинает двигаться во мне.

Горячие глаза Трэвиса в искусственном освещении кажутся серыми, и его взгляд блуждает по всему моему телу. По моему влажному лицу. По моим голым грудям, подпрыгивающим от его толчков. По моему животу. По моим разведенным бедрам. По месту, где соединяются наши тела, где он входит и выходит из меня.

Ему явно нравится все, что он видит. Выражение его лица собственническое. Почти первобытное.

— Ты хочешь снова жестко? — хрипит он.

— Да! — я беспомощно мотаю головой, когда во мне начинает нарастать очередной оргазм. — О да. Пожалуйста. Мне нужно очень жестко.

Он набирает скорость и силу до такой степени, что с каждым толчком отталкивает мое тело назад. Его хватка на моих бедрах беспощадна, мои груди, ноги и косы подпрыгивают от его движений.

Я кончаю, сама того не ожидаю, и на сей раз никак нельзя приглушить громкость. Я рыдаю и рыдаю, умоляя его не останавливаться.

Он продолжает трахать меня, пока наслаждение не становится настолько интенсивным, что меня это пугает.

— Хватит, — наконец, ахаю я. — Трэвис. Я больше не...

Он сразу же замедляется и перестает совершать толчки. Лишь слегка перекатывает бедрами.

— Ты в порядке?

Слезы катятся по моему лицу.

— Да. Да. Просто так хорошо, что я уже не могла это выносить, — я улыбаюсь, чтобы он видел — я правда в порядке.

Он улыбается в ответ, и пот стекает по его лицу.

— Мне нужна минутка, чтобы кончить. Хочешь, чтобы я вышел прямо сейчас?

Я качаю головой.

— Нет, когда ты будешь готов.

Он снова начинает двигаться, но не так рьяно, как раньше. Его глаза не отрываются от меня, пока он подводит себя к оргазму и до конца удерживает мой взгляд.

Его хриплые вздохи сменяются сдавленными звуками, а потом он выходит из меня, и его лицо искажается. Он все еще смотрит мне в глаза, сжимая себя в момент оргазма и кончая мне на живот.

По какой-то причине наш зрительный контакт не менее интенсивный, чем мои оргазмы.

Даже интенсивнее.

У меня в горле стоит ком, а глаза щиплет от слез, когда Трэвис испускает протяжный низкий стон и падает на меня.

Обычно он так не делает. Обычно он ложится рядом со мной. Но на сей раз он падает на меня сверху, и я обвиваю его руками. Его сперма теперь размазана по нашим животам, но нам обоим наплевать.

Он тяжело дышит в изгиб моей шеи. Его тело горячее и тяжелое.

Спустя пару минут он поднимает голову и смотрит на мое лицо.

— Ты в порядке?

— Да. Мне хорошо. Очень хорошо.

— Я был не слишком груб, нет?

— Нет. Ровно столько грубости, сколько мне хотелось.

— Ты сказала мне остановиться.

— Да, но не потому, что ты был слишком груб. А потому, что если бы я кончила еще раз, я могла бы попросту потерять сознание или умереть от удовольствия.

Он усмехается, черты его лица расслабляются.

— Тогда хорошо.

— Да. Даже лучше, чем хорошо.

— Ты бы сказала мне, если бы я был слишком груб, верно?

Мое сердце сжимается от робкого вопроса в его глазах.

— Да. Я бы сказала тебе, Трэвис. Я же сама просила жестко. Если я правильно припоминаю, я умоляла об этом.

— Да. Наверное. Просто убеждаюсь. Хочу быть уверенным, что хорошо с тобой обращаюсь.

Я поглаживаю его щеки обеими руками.

— Трэвис, ты хорошо со мной обращаешься. Ты всегда хорошо со мной обращаешься. Я никогда не встречала кого-нибудь, кто обращался бы со мной лучше.

— Хорошо, — он делает паузу. Затем бормочет: — Взаимно.

Я неуверенно улыбаюсь ему в ответ, когда он наклоняет свое лицо к моему. Мое сердце замирает, как всегда, когда мне кажется, что он может поцеловать меня, но он этого не делает.

Вместо этого он утыкается носом в мое горло, прижимаясь мягким поцелуем к точке, где бьется пульс.

Это кажется неожиданно нежным, и я обвиваю его руками, обнимая.

Теперь его тело стало более мягким. Не таким обжигающе горячим.

Мы еще несколько минут лежим, прижавшись друг к другу, пока я не спрашиваю:

— Ты не навредил своей лодыжке из-за всей этой активности, нет?

— Нет. Все просто прекрасно, — он глубоко выдыхает. Я чувствую, как воздух покидает его легкие.

Я сглатываю. Мои руки слегка поглаживали его спину, но теперь замирают.

— Да.

— Наверное, нам следует уехать завтра.

У меня сводит живот, хотя я знаю, что это правильно. Мы должны это сделать. Возможно, человеческая натура снова сводится к тому, что каждый сам за себя в погоне за выживанием, но оставаться здесь, пока всем нашим близким грозит опасность — это попросту невыносимо и эгоистично.

— Д-да.

Он поднимает голову и встречается со мной взглядом.

— В конце концов, придется уйти. Наши люди нуждаются в нас.

Он не говорит этого вслух, но я знаю, что он думает о Шэрил.

Его связь с ней всегда будет сильнее, чем его связь со мной. По веским причинам. Он знал и любил ее много лет.

Трэвис — мой попутчик и временный партнер для секса, но я не настолько глупа, чтобы ожидать чего-то другого.

Может, я и молода, но не глупа.

Место, в которое превратился этот мир, способно лишь вредить. И в конце концов ты теряешь людей, которых любишь.

Я снова пытаюсь улыбнуться.

— Приятно было побыть здесь, иметь возможность отдохнуть... но сейчас пора уходить.

Что-то меняется в выражении лица Трэвиса. Что-то, чему я не могу дать названия.

— Да. Пора идти.

В тот вечер на ужин я готовлю красную фасоль с рисом. Я нарезаю и обжариваю на гриле несколько консервированных сосисок, чтобы добавить к гарниру. Я не была уверена насчет этих сосисок, потому что мясо в банке — это «кот в мешке», но на самом деле они довольно вкусно сочетаются с фасолью и рисом, и Трэвис несколько раз за едой говорит, как ему это нравится.

Псу это тоже нравится. Он получает несколько кусочков сосисок.

Когда мы прибрались, я выпускаю пса и сажусь на заднюю ступеньку, пока он убегает в лес. Вечер кажется приятным. Воздух не очень густой и не слишком горячий.

Есть одно место за деревьями, откуда я могу видеть закат.

Трэвис выходит, чтобы присоединиться ко мне с остатками своей бутылки пива, и молча садится рядом. Он кладет предплечья на бедра, слегка наклоняясь вперед, чтобы увидеть, как солнце садится на небе.

Интересно, испытывает ли он те же тяжелые и душераздирающие чувства, что и я?

Мне действительно понравилось это место, и завтра мы должны его покинуть.

— Фиолетовым будет, — говорит Трэвис после нескольких минут молчания.

Я оглядываюсь и вижу, что его глаза устремлены в небо.

Он прав. Закаты после падения астероида стали странными. Дымка в небе меняет их внешний вид, цвет. Какое-то время цвета там вообще не было. Ничего, кроме тусклой серости. Но цвет вернулся примерно в прошлом году, уже не такой яркий, как раньше, и обычно преобладает один оттенок.

Сегодня вечером цвет темно-фиолетовый.

Мы наблюдаем, как бледно-голубоватое небо превращается в пурпурное, с краем светло-оранжевого цвета прямо вокруг солнечного шара. Окружающие горы и деревья загораживают нижнюю часть горизонта, но это все равно настоящий закат.

Это прекрасно. И странно грустно. Смотреть, как последний проблеск света окрашивается в пурпур. Наблюдать, как затуманенная яркость солнца медленно угасает по мере того, как оно опускается к горизонту.

Оставляя нас во тьме.

Но только после финального спектакля. Последнее слово солнца миру. Безошибочное доказательство его идентичности — его существования — даже когда оно исчезает.

Через несколько минут стеснение в груди и горле становится болезненным. Я протягиваю руку и нахожу ладонь Трэвиса на ступеньке между нами.

Он переплетает свои пальцы с моими и нежно сжимает. Мы держимся за руки, пока солнце не опускается за деревья.

Когда солнце снова взойдет, все будет по-другому.

Эта интимная передышка закончится.

Нам снова придется войти в избитый мир.

Уже темнеет, когда пес возвращается из леса. Он подбегает и обнюхивает Трэвиса, затем подходит ко мне и пытается протиснуться между моих ног, чтобы уткнуться носом мне в лицо.

Я освобождаю для него место, скользя ладонями вверх и вниз по его мягкой спине. Вчера мы смогли по-настоящему помыть его, так что сейчас он чистый. Его порезы заживают.

Комок в горле угрожает задушить меня, пока я позволяю животному уткнуться в меня носом. У него теплое тело. Прохладный, влажный нос. И собачье дыхание.

Он привязался к нам. Теперь он любит нас.

Он думает, что мы его люди.

Я издаю негромкий гортанный звук, пытаюсь сдержать нарастающие эмоции.

— Мне так жаль, Лейн, — Трэвис протягивает руку, чтобы почесать собаке шею.

Он этого не говорит, но он не думает, что пес должен идти с нами. Я знаю все причины, которые он мог бы мне привести, и все они веские.

У людей больше нет домашних животных. Не в этом мире. Еда должна использоваться для того, чтобы накормить людей.

А не собак.

И пес снова и снова подвергался бы опасности в дороге с нами.

Четыре года назад я никогда бы не поняла такого решения, но сейчас я понимаю это.

Отчаяние меняет людей. Оно отнимает много хорошего в этом мире.

Я с трудом сглатываю, и мне приходится сглотнуть еще раз, прежде чем я могу заговорить. Я не знала наверняка, но мне не следовало надеяться ни на что другое.

— Я знаю, — я утыкаюсь лицом в шею пса и несколько раз дрожу, но, выпрямляясь, сохраняю самообладание.

Слез нет.

— Он будет ждать, когда мы вернемся, — хрипло говорю я, опуская руки и вставая.

Трэвис тоже встает. Говорит хрипло:

— Я знаю, что он будет ждать.

— Мы вообще не должны были заботиться о нем, если нам придется его оставить.

— И это я тоже знаю.

Мое горло болит, как рана, когда я впускаю пса внутрь и следую за ним. Как обычно, он сворачивается калачиком на своем месте перед дровяной печью — похоже, для него не имеет значения, горит огонь или нет.

Трэвис включил водонагреватель в ванной перед тем, как выйти на улицу, так что я принимаю последний горячий душ, мою волосы и наношу кондиционер. Я наполняю водонагреватель и снова включаю его, прежде чем выйти из ванной, чтобы Трэвис тоже мог принять душ.

Я расчесываю и заплетаю волосы, забираюсь под одеяло на своей стороне кровати — у стены — и жду, когда Трэвис присоединится ко мне.

Он приходит в постель примерно через двадцать минут.

Как только он забирается под одеяло, я подвигаюсь к нему, и он перекачивается так, что оказывается между моих ног. Он целует мой подбородок. Точку пульса на горле. Он медленно расстегивает свободную рубашку, в которой я спала, и целует обнажающуюся кожу.

Обычно мы разговариваем, пока занимаемся сексом, но сегодня ни один из нас ничего не говорит. У меня до сих пор стоит ком в горле, так что я все равно не уверена, что смогу говорить.

И не кажется, что нам нужны слова.

Я высвобождаю руки из рукавов, пока Трэвис посасывает мои груди, и провожу пальцами по его спине, от задницы до лопаток. Затем запутываюсь руками в его густых влажных волосах, ахая, когда он нежно тянет мой сосок зубами.

В итоге он прокладывает дорожку поцелуев к моей шее, посасывает точку пульса. Мое сердце уже бешено колотится. Эмоции во мне сильнее физического возбуждения, но и то, и другое переполняет меня, захватывает.

Трэвис приподнимает одно мое бедро, чтобы моя нога обхватывала его бедра. На нем одни трусы, и он тверд. Уже готов.

Но сегодня он не ощущается горячим и спешащим.

Он кажется тихим и нуждающимся, как и я.

Глубоким.

Он проводит губами по линии моего подбородка, прочерчивает ее очертания. Щекочет языком ямочку на моем подбородке. Дышит на кожу прямо у уголка моих губ, и я еле сдерживаюсь, чтобы не выгнуться и не прижаться губами к его рту.

Я тихо скулю, дергая его за волосы.

Трэвис опускает голову с приглушенным стоном и снова целует мое горло.

Теперь я уже подаюсь навстречу его весу, мои ладони опускаются к его заднице, забираются под трусы, чтобы ощутить крепкую теплую плоть.

Он охает, не отрываясь от моей кожи. Приподнимается, чтобы сдернуть боксеры. Устраивается между моих ног и придерживает себя рукой.

Затем он толкается в меня. Я обхватываю его ногами, сцепляя лодыжки, чтобы удержать их на месте.

Я мокрая и податливая, но все немного ноет от наших энергичных забав ранее. Я не ощущаю нужды кончить. Я просто хочу чувствовать его, обнимать вот так.

Знать, что он со мной.

Трэвис покачивает бедрами, его эрекция скользит во мне. Толчки неглубокие, он никогда не выходит слишком далеко. Иногда целует меня в шею. Иногда смотрит на меня в темноте, дышит на мою кожу.

— Тебе нужно посильнее? — спрашивает он через несколько минут.

Я двигаю бедрами в его ритме. Держусь одной рукой за его бедро, другой — за бицепс.

— Нет. Мне хорошо. Именно так.

— Как думаешь, сможешь кончить?

— Не знаю, — я прерывисто выдыхаю, мое горло снова ноет. — Но мне это нравится. Просто продолжай.

— Ладно, — он двигает бедрами. Наклоняется, чтобы потереться подбородком о мою щеку. Его щетина царапается. И это успокаивает. — Нормально?

— Да. Просто продолжай, — моя рука сдвинулась на его бедре, и теперь мои пальцы слегка задевают низ складки между его ягодицами. Это местоположение случайно. Это кажется интимным. Естественным. Я не убираю руку.

Так продолжается долгое время, и мне кажется, будто мне нужна каждая секунда. Будто стоит Трэвису кончить, и все хорошее исчезнет.

Пусть я и знаю, что это чувство иррационально, я ничего не делаю, чтобы подтолкнуть его к спешке.

Он терпелив.

Он всегда давал мне то, в чем я нуждалась.

Он и сейчас дает мне то, в чем я нуждаюсь.

Моему телу хорошо, но оно не приближается к оргазму. Однако в итоге я чувствую, что напряжение в теле Трэвиса начинает изменяться. Он становится горячее. Его ритм уже не такой размеренный.

Мне тоже надо дать ему то, в чем он нуждается.

Я впиваюсь пальцами в его задницу. Он охает и дергает бедрами.

— Ох, бл*ть, милая.

— Кончай сейчас, — я сжимаю его ногами и своими внутренними мышцами, заставляя его снова охнуть. — Я хочу, чтобы ты кончил.

— Ты уверена?

— Да. Я готова. Я хочу, чтобы ты кончил.

Его тяжелое дыхание учащается до громкого пыхтения, бедра активно работают. Минуту спустя он выдавливает:

— Лейн. Бл*ть. Лейн.

Его тело напрягается так, будто вот-вот сломается. Он с силой вдабливается в меня.

В самый последний момент он ахает и приподнимает бедра, чтобы выйти. Он натужными брызгами кончает на мое бедро.

Он едва успел выйти. Обычно он делает это раньше.

После я притягиваю его сверху. Крепко обнимаю, пока его тело расслабляется.

Мое тоже расслабляется, но ком из горла не уходит.

Трэвис встает, чтобы привести нас в порядок, а я в итоге нахожу в себе силы сходить в туалет.

Я проверяю пса. Он развалился на боку на маленьком коврикe в гостиной и громко храпит.

Затем я возвращаюсь в постель и перелезаю через Трэвиса, чтобы попасть на свою половину кровати.

Он притягивает меня к себе, и я засыпаю в его объятиях.

Я так и лежу в его объятиях, когда просыпаюсь следующим утром.

Мы тихие, как это обычно бывало по утрам, пока одеваемся, завтракаем и собираем вещи в джип. Мы берем столько еды и припасов, сколько можем вместить в грузовой отсек, и наполняем все наши бутылки водой из колодца.

Пес съедает порцию корма, уходит по своим делам, а затем ходит за нами хвостиком, пока мы собираем вещи, высунув язык и наблюдая за происходящим. Его хвост иногда нерешительно виляет, как будто он надеется порадоваться, но не уверен, что ему это позволено.

Я едва могу смотреть на него.

Когда мы упаковываем вещи и Трэвис в последний раз осматривает дом, чтобы убедиться, что нам больше ничего не нужно брать с собой, я быстро и крепко обнимаю пса, на минуту зарываюсь лицом в его шерсть, а затем отпускаю его. Я забираюсь на пассажирское сиденье машины.

Я не собираюсь плакать.

Это собака. Мы даже не придумали ему имя. Мы знали, что нам придется оставить его.

Я сажусь на свое место и молюсь, чтобы Трэвис поскорее вернулся, и мы уехали отсюда до того, как я начну реветь.

Трэвис все еще в доме, а пес сидит рядом с машиной и выжидающе смотрит на меня.

Когда я не двигаюсь, пес подходит и кладет передние лапы на пол с пассажирской стороны. Я думаю, он просто приподнимается, чтобы его погладили, поэтому наклоняюсь и глажу его по голове, по ушам.

Он несколько раз виляет хвостом и запрыгивает прямо ко мне в джип.

Я издаю приглушенный стон, когда он перелезает через мои ступни. Рядом с моими ногами лежит стопка сложенных полотенец и одеяло, поскольку это единственное место, где мы могли их разместить, и пес плюхается прямо на них.

Он радостно пыхтит, глядя на меня, выглядя очень довольным собой.

Я сижу напряженно, почти дрожа от волнения.

Я не могу выгнать пса.

Я просто не могу.

Я действительно не думаю, что способна на это.

Проходит еще минута, прежде чем Трэвис выходит, одетый в свои джинсы и черную футболку, которые мы нашли в том пустом доме. Он проверяет, заперта ли дверь — мы уже решили взять ключ с собой на случай, если нам понадобится вернуться за припасами когда-нибудь в будущем — а затем направляется к джипу.

— Пес, должно быть, убежал, — говорит он, приближаясь. — Не могу его найти. Хотел попрощаться... — он замолкает, проскальзывая на водительское сиденье и замечая пса поверх полотенец.

Он замирает, глядя сверху вниз на высунутый язык собаки и едва заметно виляющий хвост.

Его молчание длится так долго, что я ерзаю на своем месте.

— Я его сюда не сажала. Он залез сам.

Трэвис делает глубокий вдох, его взгляд перемещается с пса на мое лицо.

Я не шевелю ни единым мускулом. Я чувствую, как под моим левым глазом собирается слеза, и в конце концов мне приходится смахнуть ее кончиками пальцев, прежде чем она упадет.

Трэвис кривится.

— Черт возьми. Будь все это проклято. Ему придется сидеть прямо там. Другого места для него нет. Я схожу за собачьим кормом.

Я издаю негромкий всхлипывающий звук, когда из глаз вытекает еще пара слезинок. Я глажу пса, пока Трэвис уходит в дом и возвращается с пакетом собачьего корма.

— Это все, что мы можем взять с собой, так что псу тоже придется сидеть на пайке, — он наклоняется, чтобы втиснуть пакет рядом с кучей полотенец. — И у тебя не будет много места для ног.

— Мне все равно, — я чешу пса за ушами, когда он принюхивается к собачьему корму и более уверенно виляет хвостом. Похоже, он знает — пакет с собачьим кормом означает, что он определенно поедет с нами.

Трэвис качает головой, глядя на пса, но протягивает руку, чтобы быстро погладить его.

— Черт подери, пес. Ты и она... оба.

— Он и я оба что? — спрашиваю я, заинтригованная неясным заявлением.

Он качает головой, глядя на меня так же, как на пса.

— Ты и он оба. Погубите меня.

Я смахиваю еще одну скатившуюся слезу.

— Мы не хотим тебя губить.

— Я знаю, что не хотите. От этого только хуже, — бормочет он так, будто разговаривает с самим собой. Он смотрит на покатуую земляную дорогу.

Я не уверена, что именно он имеет в виду, но кажется, это не что-то плохое. Его тон и лицо выражают нежность.

Пожалуй, я согласна на такое.

День долгий и дискомфортный.

Мне и псу очень тесно на пассажирском сиденье. Я, конечно, не собираюсь жаловаться, но я уже забыла, каково это — весь день быть в дороге. Всегда быть начеку в случае опасности. Постоянно искать бензин. Тащиться по старым горным тропам, потому что дороги — это слишком большой риск.

В середине дня мы находим старую проселочную дорогу. Она узкая, но мощеная и ведет в правильном направлении, так что мы решаем попробовать. Мы добиваемся приличного прогресса почти в течение часа, но затем она упирается в небольшой населенный пункт.

Они достаточно любезны, когда мы подходим, чтобы поговорить с охраной, но они нас не пропускают.

Так что мы тратим еще час, пытаюсь найти маршрут через лес. Когда темнеет, мы вынуждены разбить лагерь на ночь.

Трэвис тихий, замкнутый. Он не разговаривает, пока мы разводим небольшой костер и разогреваем суп.

Я знала, что так и будет, как только мы снова тронемся в дорогу.

В доме Трэвис чувствовал себя расслабленно. Но сейчас — нет. Он больше не собирается дразнить меня, или обнимать, или расслабляться со мной. Он даже не собирается заниматься со мной сексом. Не тогда, когда мы вот так на виду.

Я скучаю по дому. Я скучаю по нашему душу. Я скучаю по нашей кровати.

Пес выглядит вполне довольным, съедает свою небольшую порцию собачьего корма, лакает немного воды, а затем некоторое время бродит в одиночестве по лесу, прежде чем вернуться, чтобы поскрести немного грязи и свернуться в тугой клубок рядом с тем местом, где мы сидим.

Я чищу зубы, прополаскиваю рот глотком воды и снимаю верхнюю рубашку, ботинки и пояс. Трэвис сидит, прислонившись спиной к дереву, рядом с ним его дробовик.

Он всегда позволяет мне поспать первой, поэтому я расстилаю спальный мешок рядом с ним, складываю полотенце в качестве подушки и ложусь.

Земля твердая и комковатая.

Я скучаю по сексу с Трэвисом.

Я скучаю по близости с ним. Он — напряженное и безмолвное присутствие рядом со мной.

Я несколько раз поворачиваюсь с боку на бок, пытаюсь устроиться поудобнее.

— Ты в порядке? — спрашивает Трэвис через несколько минут.

— Да, — я переворачиваюсь на спину и смотрю на него снизу вверх. — Я просто не думала, что за четыре дня стану такой избалованной.

Трэвис тихо фыркает.

— Да. Понимаю, что ты имеешь в виду. Земля не слишком удобная.

— Да уж.

Он встречается со мной взглядом в угасающем свете пламени.

— Иди сюда, милая.

Я удивлена — и чувством, и нежностью. Он называет меня «милая» только тогда, когда мы занимаемся сексом, обычно прямо перед тем, как он кончает. Но я делаю, как он говорит, встаю и подтаскиваю спальный мешок поближе к нему. Он устраивает меня так, чтобы моя голова оказалась у него на коленях. Легонько гладит меня по волосам одной рукой.

— Так нормально? — спрашиваю я, беспокоясь, что ему будет неудобно или ему не понравится, что я на нем, потому что в случае неприятностей он не сможет так легко вскочить на ноги.

— Все просто прекрасно, — голос у него усталый, слегка натянутый.

Именно так я себя чувствую.

Пес поднимает голову и видит наше новое положение. Он встает и подходит, чтобы свернуться калачиком прямо рядом со мной.

Я закрываю глаза, чувствуя Трэвиса и пса рядом с собой.

Это не кровать. Это не наш маленький домик.

Но это лучше, чем было.

Жизнь больше не будет хорошей — не такой, какой она была в течение четырех дней в том доме. Но то было ненастоящим. А это — настоящее.

И в конце света ты учишься принимать то, что приходит.

Ты не гредишь о лучшем.

Я засыпаю, чувствуя, как Трэвис время от времени гладит мои волосы, шею, лицо.

По крайней мере, он больше не кажется таким далеким от меня.

Глава 10

Следующий день очень похож на предыдущий.

Мы наконец-то выбираемся из гор, и леса постепенно редуют, переходя в холмистые пастбища. В некотором смысле это облегчает дорогу, но в то же время оставляет нас гораздо более уязвимыми.

Люди в этом районе не уехали, как это было в Вирджинии, которая находится на побережье и которой угрожают ураганы, или в частях Западной Вирджинии и Кентукки, которые подверглись бомбардировке всеми этими разрушительными землетрясениями.

Здесь жителям, должно быть, несильно досталось от стихийных бедствий, но это значит, что их численность вокруг гораздо выше. Большинство городов оккупированы и охраняются, но есть также группы, все еще живущие на фермах и в небольших общинах по всей сельской местности.

Когда мы проезжали мимо, в нас несколько раз стреляли. Просто предупредительные выстрелы, но все же... Это заставляет меня нервничать. Большую часть нашего путешествия нам удавалось оставаться незамеченными, но здесь, в конце, мы больше не можем держаться вне поля зрения.

Пару раз мы останавливаемся, чтобы спланировать маршрут подальше от какого-либо города или населенного пункта, но это сложнее, чем должно быть. Я помню, как в детстве ездила в Сент-Луис, и как только мы отъехали от Восточного побережья, мне показалось, будто мы проезжаем мили за милями, не видя никаких признаков жизни, кроме других машин на межштатных дорогах.

Но сейчас в центре Кентукки многолюдно.

Слишком многолюдно.

Трэвис на взводе. Псу, похоже, неудобно, он кое-как съежился калачиком на полу у моих ног. И не раз я задавалась вопросом, зачем мы вообще это делаем.

Эта дорога займет целую вечность, и есть большая вероятность, что стадо доберется до Форт-Нокса раньше нас. Даже если мы доберемся туда первыми, с чего бы им верить нам? И даже если мы сможем убедить их уйти, куда тогда все пойдут?

Я с тоской думаю о маленьком домике, который мы оставили позади, но выбрасываю его из головы.

Даже этот дом, вероятно, не будет в безопасности вечно.

Сейчас середина дня, и мы остановились, чтобы размять ноги и сходить в туалет. Я нашла палку и бросаю ее, чтобы пес мог притащить ее обратно, когда слышу вдалеке какой-то звук.

Это странный звук. Как глухой, мягкий рев.

С тех пор, как пали технологии, в мире стало так тихо, что поначалу я даже не узнаю этого.

Трэвис прислонился к джипу и в десятый раз за сегодняшний день изучает страницы с картой. Но он поднимает голову на звук, и его тело замирает.

— Что это? — спрашиваю я, подходя к нему.

— Двигатели, — он хмурится, все еще прислушиваясь. — Их много, — он рывком выпрямляется, опуская страницы с картой. — Хватай пса. Возвращайся в машину. Быстрее. Быстрее.

Войдя в кризисный режим от торопливых ноток в его голосе, я зову пса и запикиваю его обратно в машину, запрыгивая следом. Трэвис уже сидит за рулем, выводя джип на тропу, по которой мы ехали через то, что раньше было большой фермой.

— Само собой, они же не собираются ехать прямо через эти поля, не так ли?

— Не знаю. Но они подбираются все ближе.

— Ты же не думаешь, что это стадо, нет? — даже это слово пугает меня так сильно, что у меня перехватывает голос.

— Надеюсь, что нет.

Не очень обнадеживающий ответ.

— Я думала, они придерживаются межштатных трасс.

— Я тоже, — он осматривает наше окружение и указывает на группу деревьев вдалеке. — Вот там. Там мы сможем найти какое-нибудь укрытие.

Он везет нас по пастбищам гораздо быстрее, чем мы обычно ездим. Я задерживаю дыхание, обнимаю себя за живот и молюсь, чтобы поблизости не было стада.

Все слышали кошмарные истории о заблудившихся путешественниках, которых настигло стадо.

Мужчин, которые дают отпор, быстро убивают. Они — счастливики. Женщины и дети — даже те, кто не пытается сопротивляться, — подвергаются изнасилованию. Снова и снова. Некоторых держат неделями, месяцами, заставляя обслуживать того, кто на них претендует.

Я не позволю этому случиться со мной.

Я скорее покончу с собой.

У меня нет абсолютно никаких сомнений по поводу этого решения.

Я скорее умру, чем позволю захватить себя вот так.

Если они доберутся до меня, Трэвис уже будет мертв. Он будет сражаться, чтобы защитить меня, даже если это заранее безнадежная затея. Я знаю это наверняка.

Если Трэвиса убьют, у меня все равно ничего не останется.

Я терзаюсь этими унылыми размышлениями, пока мы не добираемся до укрытия деревьев. Это не лес и не что-то близкое к нему. Просто небольшая группа примерно из двенадцати сосен. Но между ними достаточно места, чтобы поместился джип, и я выдыхаю, когда понимаю, что мы больше не на открытом месте.

Если кто-то подойдет поближе, они наверняка нас увидят, но я не могу представить, чтобы кто-то подошел очень близко к тому месту, где мы прячемся.

Если это группа людей на обычных транспортных средствах, им нужна какая-то дорога.

Словно прочитав мои мысли, Трэвис толкает меня локтем в плечо и указывает сквозь деревья вниз по склону в противоположном направлении от того, откуда мы приехали.

— Смотри, — бормочет он. — Это старая окружная дорога. Должно быть, они следуют по ней.

Я киваю и начинаю что-то говорить, но звук двигателей становится громче. Я смотрю в направлении шума и вижу приближающийся пикап.

Я замираю, держа руку на псе, чтобы убедиться, что он не выпрыгнет.

Мы продолжаем наблюдать, как за первым следует еще несколько пикапов. Затем пара больших внедорожников. Джип. Школьный автобус. Они едут не очень быстро. На самом деле, они еле тащатся вперед.

— Автобус? — шепчу я.

— Это не стадо, — глаза Трэвиса прищуриваются, пока он вглядывается в машины, движущиеся организованным строем по двое. — Это караван. Держу пари, это город тронулся в дорогу.

Минуту спустя я понимаю, что он прав, когда вижу большую группу людей, идущих позади машин. По периметру идут охранники с оружием. Дети и пожилые люди, вероятно, в автобусе. За пешеходами следует еще один автобус. А потом еще пикапы и внедорожники. Столько, сколько они смогли заправить на дорогу. Вот сколько они забрали. Машины будут набиты припасами. Едой. Оружием.

Когда Мидоуз собрал вещи и уехал, они сделали это таким же караваном.

— Держу пари, они направляются в Форт-Нокс, — говорю я. — Куда еще они могли направиться по этому маршруту?

— Да. Наверняка, так и есть.

Я наблюдаю, как большая группа медленно ползет по дороге.

— Забавно, — говорю я еще через минуту. — Когда я была ребенком, я даже не задумывалась о том, что значит быть частью города. Это было просто место, где ты жил. Люди, которых ты знал. Где ты покупал еду и чинил машину. Но теперь...

— Ага, — несмотря на то, что я не закончила предложение, Трэвис, кажется, понимает, что я имею в виду.

С момента падения астероида небольшие сообщества сплотились как никогда раньше. Им пришлось это сделать. Это единственный способ выжить. Люди, которым все равно, бросают все на произвол судьбы, или присоединяются к группам ополчения, или сбиваются в стада. Но все, кто остается, нуждаются друг в друге.

После удара астероида Мидоуз значил для меня гораздо больше, чем когда-либо прежде. Если бы кто-нибудь в прошлом году спросил меня, откуда я родом, я бы ответила «Мидоуз». Не Вирджиния. Не Соединенные Штаты.

Просто Мидоуз.

Твои люди теперь — это твое непосредственное сообщество, и раньше так никогда не было, пока мы жили в нации, объединенной средствами массовой информации и кишачей пригородными районами.

— Мы могли бы спросить их, куда они направляются, — Трэвис повернулся, чтобы встретиться со мной взглядом. — Если они едут в Форт-Нокс, то, возможно, позволят нам присоединиться. Тебе было бы безопаснее в такой большой группе, чем только со мной.

Его предложение удивляет меня, хотя это абсолютно логично.

— Я не знаю, — медленно произношу я. — Я думаю, мы неплохо справляемся только вдвоем, но я не стану возражать, если ты считаешь, что так будет лучше. Как ты думаешь, что нам следует делать?

— Я правда не знаю, — он снова осматривает караван с серьезным выражением лица.

Я жду. Я абсолютно не представляю, каков был бы наилучший план действий. На самом деле я не в восторге от того, чтобы присоединиться к кучке незнакомцев. Я знаю Трэвиса и доверяю ему. Я не знаю никого из этих людей на дороге и не доверяю им.

Но я хочу быть в безопасности, и я хочу, чтобы Трэвис был в безопасности. Если в большой группе нам безопаснее, то нам стоит к ним примкнуть.

— Думаю, спросить не помешает, — наконец говорит Трэвис.

— Ладно. Стоит попробовать.

Он выезжает на джипе из-за деревьев и начинает спускаться с холма к дороге.

Мы еще очень далеко, когда в воздухе гремит выстрел.

Это предупредительный выстрел, и Трэвис немедленно тормозит, останавливаясь.

— Не очень дружелюбно, — говорю я.

Трэвис высовывает руку из машины и машет в попытке обозначить мирные намерения.

Я подпрыгиваю от неожиданности при очередном выстреле. Этот уже не предупредительный. Он попадает в верх нашей машины, отколов кусочек от угла.

— Бл*ть, — выдавливает Трэвис сквозь зубы. Он опускает мою голову на мои колени, положив руку мне на затылок, и удерживает ее там, пока другой рукой крутит руль, делая быстрый разворот. Как раз в тот момент, когда он поворачивается, они стреляют в нас еще раз.

Я съеживаюсь, прижимая к себе пса, который начал рычать и дрожать при первом выстреле. Трэвис держит руку на моей шее, газуя обратно вверх по склону.

— Придурки, — слышу я его бормотание. — Хватило бы еще одного предупредительного выстрела.

— Они напуганы.

— Я знаю. Это не значит, что им обязательно надо было стрелять по нам. Могли ведь попасть в тебя, — теперь он загнал джип на холм и, наконец, убирает руку, позволяя мне выпрямиться обратно.

— Или они могли попасть в пса.

Он фыркает.

— Верно. Могли попасть в пса, — теперь он почти улыбается.

Я улыбаюсь в ответ, хотя мое сердце все еще бешено колотится.

— Думаю, нам лучше оставаться вдвоем.

— Да. Похоже на то. До сих пор мы справлялись нормально.

— Лучше, чем нормально, — я дотрагиваюсь до его руки. — Мы справлялись хорошо.

Он бросает на меня теплый взгляд.

— Да. Мы справлялись очень хорошо.

Той ночью мы снова разбиваем лагерь — у нас нет другого выбора, — и я начинаю наш третий день в дороге, чувствуя себя ооченевшей, измученной и раздраженной.

Я понимаю, что часть моего раздражения вызвана желанием секса. А его у нас не было три дня.

Не то чтобы я хотела оргазмов. Они замечательные, но я могу без них жить. Я скучаю по тому ощущению близости с Трэвисом, когда мы занимаемся сексом. Я скучаю по тому, как он горячо и в то же время мягко смотрит на меня — так, будто я особенная, будто я принадлежу ему.

Он все равно лучший спутник, на которого я могу рассчитывать, но это не то же самое.

Мы ощущаемся как партнеры. Это не изменилось.

Но мы больше не ощущаемся как пара.

И нет смысла врать себе. Я хочу, чтобы мы были парой.

Я хочу быть с ним всем.

Я не настолько глупа, чтобы ожидать, будто это случится. «Жили они долго и счастливо» больше не бывает в этом мире. Весьма высоки шансы, что один из нас или мы оба умрем, не добравшись до Форт-Нокса.

И даже если мы доберемся...

Трэвис со мной потому, что я свалилась ему как снег на голову. Он бы никогда не выбрал меня, будь у него возможность решать.

Реальность всего этого накрывает меня по мере наступления утра; наше путешествие такое же медленное и раздражающее, как и раньше. Я не в лучшем настроении. Я стараюсь не ворчать, но я не чувствую себя бодрой или дружелюбной.

Трэвис, похоже, это понимает. После неудачной попытки поговорить о нашем маршруте он умолкает, время от времени бросая на меня беглые взгляды.

В какой-то момент он бросает на меня даже слишком много вопросительных взглядов, и я рычу на него.

— Прекрати коситься. Я в порядке. Просто в плохом настроении.

Он моргает.

— Я сделал что-то не то?

— Нет! Конечно, нет. Мне что, нельзя просто так быть в плохом настроении?

— Можно, конечно. Но обычно ты не такая. Ты уверена, что это ничем не вызвано?

По какой-то причине его кроткий голос задевает меня за живое. Я дрожу, эмоции подступают к горлу, к глазам.

Я вижу, как он обеспокоенно хмурит брови, и быстро беру себя в руки.

— Просто... все сразу навалилось, — выдавливаю я.

Его губы разжимаются.

— Ладно. Я понимаю.

— Я скоро буду в порядке. Может, завтра.

— Ладно, — он кивает и снова трогает машину с места. — Но если завтра тебе не будет лучше, то между нами снова состоится этот разговор.

Я качаю головой, но на самом деле мне уже немножко лучше.

Трэвис знает меня.
Он заботится обо мне.
Он мгновенно заметил, что я расстроена, и захотел что-нибудь предпринять.
Это приятно.
Когда в твоей жизни есть такой человек.
И ему необязательно быть кем-то БОльшим.

К тому моменту, когда мы останавливаемся на обед, я больше похожа на себя обычную. Трэвис явно замечает и доволен этим фактом. Мы едим тунец и крекеры с 25-летним сроком годности, и я нахожу еще одну палку, чтобы побросать ее псу.

Мы все наслаждаемся этим.

Большую часть времени мы ехали в стороне от трассы, но наткнулись на небольшую дорогу и планируем поехать по ней, пока не доберемся до леса через несколько миль, который должен предоставить нам укрытие получше.

Все то время, что мы ехали по этой дороге, тут никого не было, и мы съехали на траву, чтобы пообедать.

Ничто не ощущается настолько же безопасным, как леса в горах, но это лучшее, на что можно рассчитывать здесь.

Я смеюсь и гоняюсь за псом, пытаюсь забрать у него палку, ибо он решил не возвращать ее.

Трэвис допивает бутылку воды и с легкой улыбкой на лице наблюдает, как я играю с псом, но тут внезапно рывкает:

— Лейн!

Я немедленно выпрямляюсь и смотрю на него.

— Двигатели, — говорит он. — Едут быстро. Давай. Поспеш.

Я хватаю пса за шею и подталкиваю к машине. Он умный и прекрасно понимает, чего я хочу. Он бросает палку, бежит к джипу, не отставая от меня, и запрыгивает в салон сразу за мной.

Теперь я слышу приближение двигателей. Это не такие звуки, как от каравана. И они едут быстро.

Очень быстро.

Они настигают нас прежде, чем Трэвис успеет вывести джип на дорогу. Это все равно не сыграло бы роли, поскольку они могли легко одержать над нами верх.

Этот автомобиль служил нам верой и правдой, но даже на максимальной скорости он едет не очень быстро.

Их пятеро. На больших громких мотоциклах.

Я мгновенно понимаю, что они опасны. Я давно перестала оценивать людей по внешности, но агрессию этой группы ни с чем нельзя спутать. Должно быть, они путешествовали по дороге, но завидев нас, сразу настигают и окружают нас на мотоциклах.

Они все крупные, страшные и гадкие. У всех есть оружие.

Трэвис уже приставил дробовик к плечу и целится, я вытаскиваю пистолет и тоже целюсь... в ближайшего ко мне мужчину.

— Держись спиной ко мне, — хрипло бормочет Трэвис. — Не выходи ни под каким предлогом.

Я молча киваю, не сводя глаз с мужчины, на которого целюсь.

Их пятеро.

Нас только двое. И пес.

Пес угрожающе рычит, оскалившись и поворачиваясь из стороны в сторону, словно пытается найти главный источник опасности.

— Для вас тут ничего нет, — говорит Трэвис громким и повелительным тоном. — Можете ехать дальше.

— А я вижу кое-что, что хочу забрать себе, — заговоривший мужчина — старший в группе. У него виднеется седина в волосах и бороде, шея покрыта татуировками, а его ухмылка кажется уродливой.

Паника, должно быть, обострила мою наблюдательность, потому что я кое-что замечаю в татуировке мужчины.

Стилизованный волк — в точности такой, какой был нарисован в записке.

Волк.

Эти мужчины, должно быть, часть стада, направляющегося в Форт-Нокс.

Может, мы уже опоздали.

— Вы ее не получите, — говорит Трэвис. Не знаю, заметил ли он татуировку.

— Ты в этом уверен, мальчишка? Школы я не заканчивал, но до пяти считать умею. Нас пятеро. Вас двое. Давай мы отпустим тебя и собаку. Просто оставь нам девчонку и вещи.

— Не бывать этому, — я никогда не слышала, чтобы голос Трэвиса звучал так жестко. — Я тоже умею считать до пяти. И вот что я насчитал. Я могу убить минимум двоих из вас прежде, чем вы доберетесь до меня. Она хорошо умеет обращаться с оружием. Она подстрелит минимум одного из вас. Остается двое. И пес вцепится в горло одному из вас прежде, чем вы успеете выстрелить. Остается один. Не очень хороший расклад для четырех, которые погибнут.

— И я убью себя прежде, чем кто-то из вас ко мне прикоснется, — говорю я, стараясь казаться такой же свирепой, как Трэвис.

Я в ужасе.

Не помню, чтобы когда-нибудь так боялась, даже когда те типы пристали ко мне возле фермерского домика. Все мое тело похолодело. Рука с оружием слегка дрожит. Другой рукой я сжимаю шерсть на загривке пса, чтобы он не бросился на окруживших нас мужчин.

Теперь он рычит, не переставая.

— Она это сделает, — продолжает Трэвис. — Так что ни один из вас ее не получит. Четверо из вас погибнут. И все ради машины, которая вам не нужна, нескольких полотенец и бутылок воды. Это реально того стоит?

У нас в джипе приличное количество провизии, но мужчины этого не знают, и мы не собираемся им сообщать.

Они с минуту продолжают кружить вокруг нас на мотоциклах, но потом лидер говорит.

— Больше не маячьте тут. В следующий раз живыми не уйдете, — затем он делает жест рукой, и все они уезжают с несколькими мерзкими комментариями.

Я испытываю такое облегчение из-за их ухода, что едва замечаю их слова.

Я сидела на корточках, как Трэвис, но падаю обратно на сиденье, когда они скрываются из виду.

Трэвис садится более медленно, все еще держа дробовик у плеча.

Я пытаюсь заставить свое горло работать.

— Мы...

— Пока нет.

Я жду; Трэвис все еще напряжен и настороже. Когда в следующие несколько минут мы не слышим ничего, кроме тишины пастбища вокруг, он опускает оружие и заводит двигатель.

— Мы съедем с этой дороги.

— Да. Пожалуйста.

Я бесконтрольно трясусь. Ничего не могу поделать. Мое тело до сих пор ощущается ледяным.

Несколько минут назад я была абсолютно уверена, что умру.

Я не знаю, как Трэвису удалось отговорить этих мужчин. Может, они не такие жестокие, какими показались. А может, они просто были не в настроении драться.

В любом случае, я должна была умереть. Мы оба должны были умереть. И пес тоже.

Я продолжаю гладить пса у своих ног. Его шерсть все еще стоит дыбом на загривке, глаза настороженно мечутся туда-сюда.

Трэвис ничего не говорит почти час, пока мы едем по холмам и широким полям, наконец, достигая леса, к которому и направлялись.

Мы осматриваем периметр, пока не находим старую земляную тропу. Она по большей части заросла, но Трэвис все равно протискивается по ней. По мере продвижения дорога становится более чистой.

Теперь нас окружают лишь деревья. Никто нас не увидит, если только не окажется прямо над нами.

Я чувствую, что Трэвис наконец-то расслабляется рядом со мной.

Он находит полянку у небольшого ручья — его хватит, чтобы наполнить бутылки и умыться — и паркует джип.

Я чуть ли не кубарем выкатываюсь на землю, глубоко дыша и стараясь расслабиться.

Пес тявкает и убегает за деревья. Теперь он счастлив. Он чувствует себя в безопасности.

Я не знаю, что я чувствую.

Я стою на месте, пока Трэвис не подходит ко мне.

— Эй. Ты в порядке?

Я киваю. Я до сих пор немного дрожу.

Он издает хриплый гортанный звук и притягивает меня в объятия.

— Все хорошо, милая. С нами все хорошо.

Я утыкаюсь лицом в его футболку. Он очень сильно пахнет после трех долгих дней и немалых усилий. Но я рада. Он Трэвис. Он энергичный, крепкий и живой.

Он хороший.

Я чувствую его рядом, он окружает меня. Я могу дышать им.

Он до сих пор бормочет, что мы в порядке, что мы в безопасности, что он рядом, и мне становится еще лучше.

Проходит долгое время, прежде чем я разжимаю руки и смотрю на него.

— Я испугалась.

Его глаза такие глубокие. До сих пор свирепые от эмоций, испытанных ранее, но там живет что-то еще. Что-то нежное.

— Знаю, — он сглатывает. — Я тоже.

— Ты видел его татуировку?

— Да. У одного из других парней была такая же. Надеюсь, они просто разведчики, едущие впереди стада. Это означало бы, что мы еще не опоздали.

— Надеюсь. Ты справился изумительно.

— И ты тоже. Даже пес чертовски впечатлил.

— Он тоже был изумителен, — я комкаю его футболку пальцами. — Я думала, что потеряю тебя.

Он наклоняет голову и трется щекой о мою щеку. Его щетина царапается.

— Я думал, что потеряю все.

Что-то в его словах, в его хриплом голосе, провоцирует во мне нужду, которую нельзя отрицать и игнорировать.

Спешка страха превращается в другую спешку. Я провожу ладонями по его груди, затем по спине, запуская пальцы за пояс его джинсов. Я подаюсь вперед и целую его в плечо. Затем в основание горла.

Его пульс бешено стучит. Я чувствую это губами. Его сердце колотится так сильно.

Совсем как мое.

— Лейн, — он замирает совершенно неподвижно.

Я снова целую точку его пульса.

— Трэвис, пожалуйста.

Он издает сдавленный звук и с силой хватается меня.

Как будто что-то в нем срывается. Что бы ни сдерживало его до сих пор, это сломалось.

С низким гортанным звуком Трэвис толкает меня назад, пока моя спина не прижимается к огромному дереву. Затем он приподнимает меня за задницу и несколько секунд жарко изучает мое лицо, после чего опускает голову и с силой посасывает мою шею.

Я обхватила его руками и ногами, лишившись равновесия и опешив от силы своей нужды. Я потираюсь о него, насколько это возможно в таком положении, царапаю его футболку, его шею сзади, кожу головы под взъерошенными волосами.

Все происходит так быстро, что я едва успеваю сообразить. Трэвис берет за вырез моей майки и достает одну грудь из-под ткани, обхватывая сосок ртом. Дразнит и покусывает, пока я не начинаю громко скулить.

— Трэвис, пожалуйста, — ахаю я, стискивая его живот бедрами. — Я не могу ждать. Мне это нужно. Сейчас же!

Он опускает меня на землю, принимается за пуговку и молнию своих джинсов, пока я снимаю свои джинсы полностью. Затем он снова поднимает меня и одновременно пристраивается к моему входу.

Это некомфортно. Вовсе нет. Я влажная, но не настолько влажная, как обычно, и он ощущается более крупным, чем я помню. Кора дерева царапает мою спину через майку, обнаженная кожа под ней сдирается. Мне кажется, будто я едва удерживаюсь в таком положении. Трэвис полностью контролирует мое тело.

Но мне это нужно.

Мне нужен он.

Он трахает меня у дерева, его бедра совершают жесткие и быстрые толчки. Он почти не выходит. В таком положении это невозможно. Но он толкается в меня так, будто от этого зависит его жизнь, и его рот на расстоянии одного выдоха от моего.

Выражение в его глазах вторит отчаянной нужде, сжимающей мое сердце.

Он охает, беря меня. Громко. Первобытно.

Я тоже постанываю. Просто бессвязные, беспомощные звуки. Я едва узнаю собственный голос.

Ощущения усиливаются, пока перед глазами все не размывается, а в горле не встает ком. Я не ожидала кончить, но это происходит. Я резко кончаю, дрожа от разрядки.

Трэвис издает странный звук, двигая бедрами. Мои внутренние мышцы сжимаются вокруг него, и его лицо искажается в ответ.

Он кончит. Я внезапно понимаю, что он вот-вот кончит. Он полностью потерял контроль.

Он не выйдет.

Часть меня и не хочет, чтобы он отстранялся.

Все звучит и выглядит так, будто Трэвис испытывает боль, затем он внезапно отводит бедра назад, позволяя эрекции выскользнуть из меня, затем прижимается снова, и теперь его ствол зажат между нашими телами.

Я крепко сжимаю ноги, и он трется о меня, кончая с хриплым ревом.

Он долгое время удерживает меня у дерева, тяжело дыша мне в шею.

Я не могу его отпустить.

И не хочу.

Наконец, Трэвис делает шаг назад и бережно опускает меня на землю. Мои колени подкашиваются. Я цепляюсь за него для опоры, и он обхватывает меня руками.

— Ты в порядке?

— Да. Да. Ты?

— Я тоже в норме, — он вздыхает и ослабляет объятия, пробегаясь взглядом по моему телу. — Я не сделал тебе больно?

— Нет, — я теперь могу стоять самостоятельно, так что тянусь к джинсам и трусикам, валяющимся на земле, и робко улыбаюсь. — Я не знала, что это можно делать стоя.

Его лицо расслабляется. Он раскраснелся и вспотел, на щеке с одной стороны виднеется пятно грязи.

— Конечно, можно. Просто тяжеловато для спины, — он вздрагивает, потирая поясницу.

— Кому ты рассказываешь, — я оглядываюсь назад, застегивая ширинку. — Эта кора весьма болезненно ощущается на коже.

— Черт. Я должен был подумать об этом. Увлекся, — он разворачивает меня и осматривает мою спину, приподнимая майку, чтобы заглянуть под ткань.

— Кровь идет?

— Нет. Но выглядит раздраженным. Извини.

— Я не жалуясь, — я смотрю вниз и вижу, что его сперма забрызгала всю мою майку спереди. — Можешь заглядывать вину, принеси мне другую футболку из сумки.

Трэвис так и делает, и я чувствую себя получше, переодевшись и помыв лицо и руки в ручье. Мы ужинаем, кормим пса и готовимся ко сну.

Я расстилаю спальник, но не забираюсь в него. Я просто стою и смотрю на Трэвиса, который прислонился к дереву, вытянув ноги и поставив дробовик рядом.

Он на мгновение встречается со мной взглядом. Затем протягивает руку.

— Иди сюда.

Я немедленно подхожу, сажусь и прислоняюсь к нему, а он обнимает меня рукой.

— Ты как, нормально? — спрашивает он, утыкаясь лицом в мои растрепанные волосы.

— Ага.

— Не уверен, что болезненный секс у дерева — это то, в чем ты нуждалась после такого испуга.

— Я нуждалась в этом, — я потираюсь щекой об его грязную футболку. — Именно в этом я и нуждалась.

— Не знаю даже, почему я так потерял контроль, — по его голосу я слышу, как сильно это его беспокоит — то, что он не такой сильный, каким хочет быть.

— Потому что ты человек. А люди иногда срываются. Я была рада. Я хотела этого.

— Да?

— Да.

Он снова утыкается лицом в мои волосы. Это ощущается почти как поцелуй.

— Ладно.

Я расслабляюсь, прижимаясь к его теплему телу.

Сегодня нас едва не убили, но день все равно заканчивается лучше, чем начался.

В обед следующего дня мы достигаем последнего отрезка пути к Форт-Ноксу.

Это почти невероятно, но мы практически добрались до места назначения.

Если бы можно было поехать напрямик к парадному входу, мы бы оказались там через час, но не все так просто.

Трэвис уверен, что главные дороги будут перекрыты мерзкими группировками, которые хотят воспользоваться отчаявшимися людьми. Я уверена, что он прав. Так что мы ищем путь, как попасть туда, не подвергаясь опасности.

Обедая, мы оба изучаем карту.

— Главные ворота тут и тут, — говорит Трэвис, показывая нужные места на карте. — Но мы не знаем, какими воротами воспользоваться. Не знаю, то ли они удерживают всю базу, то ли только часть ее, и где вообще впускают народ.

— Черт, это место огромно.

— Ага.

— Что нам надо, так это попасть куда-нибудь, где можно осмотреться. Здесь есть возвышенность, на которую можно подняться и посмотреть на базу?

Трэвис хмуро смотрит на карту.

— Может быть. Всю базу не увидим, но, возможно, рассмотрим часть ее и одни из ворот, — он проводит пальцем по одной стороне. — Здесь должна быть местность повыше. Мы можем поехать вот так — дорог нет, но проехать сумеем — и окажемся примерно здесь. Возможно, оттуда увидим получше.

— Как по мне, неплохо. Я предпочла бы знать, куда мы направляемся, а не просто переть вслепую.

— Тогда давай так и сделаем.

Вся вторая половина дня уходит на объезд, избегание дорог и соседних населенных городов. Когда мы добираемся до нужных окрестностей, уже наступает закат.

Теперь слишком темно, чтобы видеть что-то вдаль, даже если мы заберемся на вершину самого высокого холма и посмотрим, так что вместо этого мы ищем, пока не находим хижину в стороне.

Она пустует. Лишь одна комната с маленькой кроватью и встроенным шкафом. Вот и все. Нет ни единого предмета мебели, чтобы поставить перед дверью, хотя есть большая доска, которой можно подпереть ее. Окна не разбиты, но и ничем не защищены.

Это лучше, чем ночевать под открытым небом, но нам придется спать под открытым небом.

Я ложусь первой, все мое нутро так и скручивает из-за того, что случится завтра. Пес сворачивается на полу у кровати. Я проспала всего пару часов, когда резко просыпаюсь от того, что Трэвис зовет меня по имени.

Он говорит тихим, торопливым голосом.

Я сажусь на кровати, мое тело сразу переходит в кризисный режим.

— Фары, — он стоит у окна, держа дробовик наготове.

— Сюда едут?

— Ага. Уже паркуются.

— Вот черт, — я выкатываюсь из постели, хватаю пистолет и встаю ко второму окну.

— Встань сбоку, — говорит Трэвис. — Не знаю, кто это. Вдруг выстрелят прямо в окно.

Я подчиняюсь и выглядываю настолько, насколько это возможно, чтобы не сделать себя мишенью. Я не вижу ничего, кроме фар. Пес тоже проснулся и теперь тихо рычит у моих ног.

Я едва не выпрыгиваю из собственной шкуры, когда громкий выстрел раскалывает тьму. Мужской голос кричит:

— Кто бы там ни был, эта хижина вам не принадлежит.

Несмотря на грубую властность тона, эти слова приносят мне облегчение. Непохоже, что это тот, кто хочет просто так вредить другим.

— Она пустовала, — кричит Трэвис в ответ. — Мы не знали, что тут занято. Мы не ищем проблем.

— Тогда убирайтесь оттуда на хер!

— Нет, пока не узнаем, кто ждет нас снаружи.

Я слышу, как незнакомый мужчина что-то приглушенно произносит. Похоже, он матерится себе под нос. Затем он выкрикивает:

— Сначала сами назовитесь.

Трэвис не отвечает сразу же.

Я знаю, почему он колеблется. Признать, что внутри всего двое, может дать незнакомцам преимущество. Но теперь я абсолютно уверена, что мужчина снаружи не желает на нас нападать. Он напоминает мне Трэвиса. Защищает себя. Людей с ним.

Старается изо всех сил.

Я слышу это по его голосу.

Это противостояние будет длиться вечно, если кто-то не разрешит эту дилемму.

Так что я следую своим инстинктам и кричу:

— Тут только я и он. Нас двое. Мы не ищем проблем. Но мы не будем выходить, пока не убедимся, что это безопасно.

Воцаряется пауза. Затем...

— Лейн? Это ты?

Новый голос. Женский. Знакомый.

Я прекрасно знаю, кто это. Потому что слышала его почти каждый день.

— Мисс Дженсон?

— Да! О Боже мой, Лейн, поверить не могу, что это ты. Кто там с тобой?

Трэвис повернулся ко мне и вопросительно хмурится.

— Это мисс Дженсон! Она преподавала мне английский в девятом классе. Она была с той группой, что покинула Мидоуз, — далее я кричу в окно: — Там есть еще кто-то из Мидоуза?

— Нет! Нас всего четверо. Можешь впустить нас внутрь, пожалуйста?

Я больше не сомневаюсь в людях снаружи, так что бегу к двери. Я сначала бросаю на Трэвиса вопросительный взгляд, и он неохотно кивает.

Я распахиваю дверь и выхожу в темноту.

Мисс Дженсон, учительница, привившая мне любовь к поэзии бежит и обнимает меня.

Она преподавала всего два года к тому моменту, как я оказалась в ее классе, так что сейчас ей нет и тридцати. Она среднего роста, с вьющимися золотисто-каштановыми волосами и ослепительной улыбкой. Я вижу, как она улыбается в свете фар.

Позади нее мужчина. Должно быть, это он говорил. Он большой чернокожий мужчина с широкими плечами и бритой головой, и на нем армейская униформа. Он до сих пор держит оружие у плеча.

И Трэвис тоже, когда выходит с псом.

Я закатываю глаза.

— Ребята, ну перестаньте? Никто тут не желает вредить кому-либо. Вы можете опустить оружие.

— Кто еще с вами? — спрашивает Трэвис, глядя на другого мужчину.

— Только я, — говорит мужчина и кивает на мисс Дженсон. — Анна. И еще две женщины в грузовике. Они выйдут, когда ты опустишь оружие.

— Трэвис? Пожалуйста?

Он встречается со мной взглядом и наконец-то опускает дробовик.

Другой мужчина делает то же самое. Он входит в хижину, явно убеждаясь, что там пусто. Затем делает жест рукой.

Две другие женщины выходят из грузовика.

— Я Мак, — говорит мужчина. Он не особо дружелюбен, но и не кажется таким враждебным, как раньше. — Видимо, Анну вы знаете. А там Мэйси и Дженна.

— Трэвис, — он встает передо мной и кладет ладонь на мою спину в оберегающем жесте. — Это Лейн. А это пес.

— Трэвис Фаррелл? — переспрашивает Анна, поворачиваясь к нему. — Я едва тебя узнала.

— Давно не виделись.

— Теперь мы можем пойти внутрь? — спрашиваю я. — Мне не нравится находиться снаружи в темноте. Может, мы сумеем разместиться в хижине на ночь.

Всем это кажется приемлемым планом, так что мы набиваемся в небольшое помещение.

Мэйси и Дженна выглядят как сестры. Им по тридцать с небольшим, и они неразговорчивые. Они вместе съезжаются на кровати.

Мак — привлекательный мужчина и далеко не такой страшный, как казалось сначала. У него темные умные глаза и приятный низкий голос, когда он не качает права.

— Мы используем эту хижину для временных остановок, — объясняет он, когда все остальные рассаживаются на полу. — У нас есть некая сеть. Чтобы уберечь людей, которые хотят добраться до Форт-Нокса.

— Так вы тоже направляетесь туда? — Трэвис сидит рядом со мной. Мы оба расположились спинами к стене, и наши бедра соприкасаются.

Мак качает головой.

— Мы только что оттуда. Стараемся убраться подальше, — он кривит губы. — Видимо, вы не знали. Форт-Нокс пришлось забросить.

Я ахаю, Трэвис рядом со мной напрягается.

— Мы хотели передать сообщение о надвигающемся стаде.

— Да. Мы получили сообщение.

Должно быть, кто-то из посланцев Марии добрался туда раньше нас. Слава Богу, сообщение не опоздало.

— Мы долго удерживали базу — те из нас, что остались от армии и работали там, — говорит Мак. — Мы приняли всех, кого могли, и пытались уберечь их. Но нас атаковала одна банда за другой, все пытались пробиться, забрать наших людей и припасы. Мы практически не могли выбираться на вылазки за провизией. За последние шесть месяцев слишком много людей пришли туда в поисках помощи. У нас уже заканчивалась еда и припасы, а потом мы получили сообщение о надвигающемся стаде. Так что мы не могли оставаться дальше. Пришлось бросить базу и эвакуироваться. Это слишком заманчивая мишень для засранцев.

— Значит... все в порядке? — мой голос надламывается.

Мак бросает на меня сочувственный взгляд.

— Настолько в порядке, насколько это возможно. В мире больше не осталось безопасных мест.

— Куда все пошли? — спрашивает Трэвис.

— Они разделились на пять разных караванов. Если все пойдут вместе, получится слишком большая мишень. Все ушли в течение сегодняшнего дня и направились в разные стороны. Они пытаются выбраться незаметно, чтобы на них не напали на дороге.

— Почему ты не с ними? — спрашиваю я.

— Я не фанат путешествовать с большими толпами. Передвигаться маленькими группами всегда безопаснее, легче прятаться. Анна, Мэйси и Дженна хотели отправиться в Западную Вирджинию. Там есть группа женщин, которая заботится о других женщинах. Они послали весточку о стаде. Я сказал, что помогу с попытками отыскать их.

Я оживляюсь.

— Мария и ее группа?

— Ага, — Мак с интересом удерживает мой взгляд. — Вы их знаете?

— Мы встречались в дороге. На самом деле, это мы передали им сообщение, — я смотрю на свою учительницу английского, стараясь воспринимать ее как Анну, ибо звать ее мисс Дженсон уже странновато. — Значит, вы хотите примкнуть к ним?

— Мы наткнулись на них по дороге. Они произвели на меня впечатление. Теперь, когда мы потеряли Форт-Нокс, у нас ничего не осталось, и у меня нет семьи, так что я подумала... — она пожимает плечами. — Что еще мне делать?

С минуту мы сидим молча.

Затем Анна тихо спрашивает:

— Значит, вы с Трэвисом направлялись в Форт-Нокс?

— Ага. Мы хотели найти остальных жителей Мидоуза, — я слатываю. — Там... там остался кто-то из наших?

— Да. Немного. Но некоторые есть.

Трэвис прочищает горло.

— Ты случайно не знаешь Шэрил? Мою бывшую жену?

Анна кивает.

— Она была там. Этим утром она была еще жива. Она ушла с одним из караванов, с остальными из Мидоуза.

Трэвис прерывисто выдыхает. Я ощущаю реакцию его тела.

Естественно, он беспокоится о Шэрил.

Естественно, ему нужно знать, что она в порядке.

И естественно, теперь он отправится на ее поиски, следуя за караваном, с которым она пошла.

Он хотел этого с самого начала.

— Я знаю, куда направился тот караван, — говорит Мак. — Если вы хотите его нагнать. Мы какое-то время будем двигаться в ту же сторону. Так что мы можем поехать вместе.

— Звучит неплохо, — Трэвис поворачивается и смотрит на меня. — Ты ведь этого хочешь, верно? Найти остальных жителей Мидоуза?

Я киваю.

Что еще мне делать, черт возьми?

Я хотела попасть в Форт-Нокс, думая, что это место предоставит безопасность.

Теперь у меня осталось лишь несколько знакомых мне людей, которые еще живы.

— Ладно, — Мак встает. — Я возьму первую смену. А вы все поспите.

После короткого обсуждения Анна забирается в постель с Мэйси и Дженной. Им всем троим хватает места.

Я расстилаю наш спальный мешок на полу и ложусь на него, пес устраивается рядом. Трэвис вытягивается возле меня. Он поворачивается на бок лицом ко мне.

Он ничего не говорит.

Просто смотрит на меня.

В его глазах живет тоска, вторящая моей.

Все это время мы хотели лишь добраться до Форт-Нокса.

Теперь и эта надежда исчезла.

Минуту спустя я подползаю ближе, утыкаясь в его грудь. Он обнимает меня руками.

Я держусь за него так крепко, как только могу.

Вот и все.

Завтра все изменится.

Мы больше не одни. И скоро мы будем с людьми из нашего города.

С его бывшей женой.

Я знаю, что случится.

Может, до падения астероида они ссорились. Может, их брак развалился. Может, он заявлял, что больше ее не хочет. Но у них есть общее прошлое, которого у нас с Трэвисом нет. И во времена такого кризиса ты держишься за людей, которых знаешь дольше всего и которым доверяешь.

Я провела с ним лишь несколько недель. Он ни слова не говорил о своих чувствах.

Он даже не целовал меня.

Это имеет значение. Это кое-что да значит.

Как только мы найдем остальных, у него снова будет Шэрил. Я больше не буду его ответственностью.

Я вот-вот потеряю его.

Сегодня наша последняя ночь вместе. Я точно знаю.

Это знание скручивает мое нутро.

Я не могу вызывать у него чувство вины или давить на него. Он так хорошо обращался со мной с того самого момента, как я держала его под прицелом у того мотоцикла, и я тоже поступлю правильно в отношении Трэвиса.

Это важно... даже после конца света. Правильно поступать по отношению к людям, которых ты любишь.

Этой ночью я буду крепко обнимать его.

А завтра отпущу.

Глава 11

Рассвет следующего утра жаркий и липкий, и мое нутро скручивает все тем же узлом ужаса.

Странно собираться и есть завтрак в окружении толпы.

Пятеро — это намного больше, чем один. Группа — это совсем не то же, что просто Трэвис.

Я говорю себе смириться и не мечтать о другом, тихо переговариваюсь с Анной, пока мы одеваемся.

Когда я была в девятом классе, она казалась мне такой взрослой. А теперь кажется почти ровесницей. Она обращается со мной как с компаньонкой, а не как с бывшей ученицей, и я практически уверена, что мы могли бы подружиться, если бы представился шанс.

Трэвис говорит в основном с Маком. Пару раз я замечаю, что он смотрит на меня, и один раз он прикасается к моей руке. Но в основном он игнорирует меня.

Я говорю себе смириться и с этим тоже.

Вот что мир предлагает теперь.

Ничто хорошее не длится вечно.

Мы грузим вещи и с утра пораньше трогаемся в путь. Трэвис, пес и я едем в джипе, остальные забираются в большой пикап Мака. Поскольку оба автомобиля способны ехать по бездорожью, мы планируем маршрут, который должен пересечься с путем каравана. Они будут двигаться намного медленнее, так что мы наверняка первыми доберемся до перекрестка. Дальше Мак и остальные поедут своей дорогой, чтобы попытаться найти Марию и ее группу в Западной Вирджинии.

Отчасти я гадаю, не стоит ли поехать с ними. Может, с женщинами я буду счастливее, чем с остатками Мидоуза.

Единственный вариант, который имелся у меня прежде — это найти жителей моего города. Но теперь у меня есть выбор. Остаться с Анной и примкнуть к группе Марии.

Я не привыкла иметь выбор и не уверена, какой вариант будет лучше.

Не то чтобы я осталась с Трэвисом в каком-то из этих сценариев.

Я думаю об этом, пока мы едем в тишине.

Я не могу представить, что оставлю его. Не сейчас. Пока еще нет.

Но что я почувствую, когда он найдет Шэрил и захочет снова быть с ней?

Что я почувствую, когда его жизнь будет посвящена другой?

Я знаю, что нравлюсь ему.

И ему определенно нравится секс со мной.

И что бы ни случилось, он выполнит свой долг в отношении меня.

Но когда его долг будет выполнен, когда мы доберемся до выживших из нашего города, нас уже ничто не будет держать вместе.

Возможно, мне лучше остаться с Анной, направиться в Западную Вирджинию, примкнуть к Марии.

Может, только там мне и место.

Мы едем в хорошем темпе и не сталкиваемся ни с какими проблемами, не считая обширной болотистой почвы. Наши колеса провалятся и застрянут, если мы попытаемся проехать по болоту, так что приходится объезжать.

Примерно в полдень мы останавливаемся, чтобы поесть, отдохнуть и сходить в туалет. Анна, Мэйси и Дженна в восторге от тунца и крекеров, которыми мы с ними делимся. Я бросаю псу палку, а Мак в одиночку отправляется на разведку вперед. Трэвис прохаживается туда-сюда с дробовиком на плече.

Он стоит на страже. Я это знаю и едва ли могу ненавидеть тот факт, что он хочет нас защитить.

Но сейчас он кажется таким далеким от меня.

Мак отсутствует почти тридцать минут, и я сразу знаю, что что-то не так.

Он подзывает нас. Мы с Анной переглядываемся и спешим следом за Трэвисом.

— Давайте я покажу на карте, — говорит Мак, расстелив карту на капоте пикапа. У него более крупная карта Кентукки, чем те страницы, что использовали мы с Трэвисом. Он показывает на место возле Форт-Нокса. — Мы тут. Караван с жителями Мидоуза пойдет по этому маршруту вот здесь, — он проводит линию пальцем. — Они будут идти очень медленно, поскольку у них несколько сотен человек. Мы планируем встретиться с ними примерно здесь.

Я наклоняюсь посмотреть, при этом отрешенно держась за руку Трэвиса. Он слегка меняет позу, чтобы мне было лучше видно. Его внимание сосредоточено на Маке.

Другой мужчина проводит пальцем по фрагменту карты.

— Значит, нам нужно преодолеть эту долину, чтобы пересечься с их траекторией.

— Выглядит не так уж далеко, — говорит Анна.

— Недалеко. Но я только что разведал. И в той долине разбила лагерь большая группа.

— Стадо? — зеленые глаза Анны широко распахиваются.

— Не все. Их примерно сто пятьдесят. Но у некоторых есть метка волка, так что они, наверное, передовая группа или типа того. Они ведут себя как стадо. Реально гадко. И они разбила лагерь посреди долины, которую нам надо пересечь.

— Черт, — бормочет Трэвис.

— Мы не можем их обойти? — спрашиваю я.

— Нет, вот тут межштатная дорога, а с другой стороны река. Нам пришлось бы ехать много дней, чтобы найти безопасный маршрут с той или иной стороны. Нам нужно пройти здесь.

— Может, мы можем подождать, когда группа двинется дальше. Разве они не направляются к базе? — я стараюсь сохранять надежду, но лицо Трэвиса кажется мрачным. Это не ободряет.

— Уверен, они уже знают, что мы эвакуировались, и там нечего грабить. Похоже, они просто ждут остальную группу. Не думаю, что они в ближайшее время куда-то направятся, — Мак качает головой, глядя на меня. Мне очень нравится этот мужчина. Он смотрит на меня как на равную. Как на умное человеческое существо. А не как на бесполезный, безмозглый придаток, которым многие мужчины считают женщин. — Думаю, они только что разграбили что-то по дороге и просто тусуют тут, едят, пьют, развлекаются, пока их не догонит остальное стадо.

— И насколько далеко они разошлись по долине? — спрашивает Трэвис, наклоняясь, чтобы присмотреться к карте. — Мы не сумеем пробраться по краю, оставшись незамеченными?

— Они прямо в центре, но оттуда открывается отчетливый вид на окрестности. Здесь редкая поросль деревьев, но она не скроет нас из виду.

— Если только мы не будем двигаться ночью, — говорит Трэвис.

Мак кивает.

— Ага. Я тоже об этом думал. Надо ехать ночью. Это единственный способ.

Мое нутро сжимается от этого заключения.
Никто не путешествует ночью. Все это знают.
Худшее случается с тобой именно ночью.
И ты никогда этого не ожидаешь.

Трэвис встречается со мной взглядом.

— Ты не против, Лейн?

Я мотаю головой.

— Нет. Давайте сделаем это.

Трэвис пытливо смотрит на меня, но больше ничего не говорит. Минуту спустя он поворачивается к Маку.

— Вам можно поискать обходной путь. Нет смысла рисковать, если вы не спешите как мы.

— Мы спешим. Я знаю примерный район, где Мария будет на протяжении примерно следующей недели. А потом я понятия не имею, где она будет. Нам нужно успеть добраться туда и найти ее.

— Откуда вы знаете, где она? — спрашиваю я с искренним любопытством.

— У нас есть сеть, которую я упоминал вчера. Сеть людей, которые помогают другим нуждающимся. Парень, от которого вы получили сообщение, был ее частью. Мы доставляем людей в Форт-Нокс, Форт-Брэгг или другие безопасные места. Мария по возможности помогает. У нас есть система для общения. Через записки. Из последней записки я узнал, где она будет в следующие пару недель.

— О, — я улыбаюсь ему. — Это реально здорово. Что вы так делаете.

Он прочищает горло, опускает голову, а потом смущенно улыбается.

— Ага. Ну. Не так уж и круто.

— Нет, круто. Вы правда помогаете людям, — я оглядываюсь и вижу, что Трэвис наблюдает за мной, но отворачивается, когда я смотрю в его сторону. — Значит, все мы попытаемся пересечь долину, когда стемнеет?

Анна выглядит не менее нервничающей, чем я.

— Вы уверены, что все хотите это сделать? Окажетесь мишенью, — ворчливо говорит Трэвис.

— Женщины могут сами принять решение, — отвечает Мак, встречаясь взглядом с Трэвисом. — Но посмотри на меня, приятель. Ты думаешь, я мало бывал чьей-то мишенью еще до того, как все пошло псу под хвост?

Я смотрю на него, странно тронутая его словами. Он большой, привлекательный и крепкий как скала. Он до сих пор солдат, даже если известной нам армии больше не существует.

Губы Трэвиса почти неуловимо поджимаются, пока он выдерживает взгляд Мака.

— Да. Да. Понял. Спасибо. Рад, что ты с нами, — он смотрит на Анну. — Ты тоже в деле?

— Да. Я поговорю с Мэйси и Дженной, но уверена, что они пойдут с нами.

— Ладно. Тогда решено. Мы ждем до темноты, — Трэвис встречается взглядом со мной. Его лицо слегка смягчается. Он поднимает руку и проводит большим пальцем по моей щеке.

Этот жест удивляет меня. Заставляет мое сердце совершать кульбиты в груди. Мои губы приоткрываются, и я смотрю на него.

— Испачкалась немножко, — бормочет он, затем роняет руку и отворачивается.

Я вижу, что Анна наблюдает за мной, пока наша маленькая группа расходится. Понятия не имею, о чем она думает, и не собираюсь спрашивать.

Остаток дня кажется долгим и нервным, пока мы ждем заката солнца.

Мы как можно ближе подбираемся к долине, которую надо пересечь. Мы достаточно близко, чтобы слышать рокот двигателей и грохочущие звуки музыки, которую они слушают на максимальной громкости.

Это кажется опасной затеей.

Мне это не нравится.

И мне не нравится, что нам приходится быть так близко к ним.

Нас шестеро. Четверо из нас — женщины. А женщинам всегда грозит большая опасность от таких группировок.

Но единственная альтернатива — отказаться от наших планов.

А нам больше нечего делать.

Все мы становимся тихими и напряженными, когда солнце наконец-то опускается за горизонт.

Мы ждем до полного наступления темноты. Сейчас, наверное, примерно полдевятого, но вокруг так темно, что это ощущается как полночь.

Мы уже решили, как мы будем ехать. Я сяду за руль джипа, а Анна поведет пикап. Мы будем двигаться как можно медленнее, поскольку любой звук, даже хруст веток и листьев, может привлечь внимание. Трэвис и Мак пойдут возле машин. Мы будем держаться как можно ближе к деревьям, чтобы не попадать в отсветы их костров.

Группа в долине, может, и закатила вечеринку, но у них определенно будут охранники по периметру. Их-то и надо остерегаться. Даже если один охранник поднимет тревогу, все кончено. Они все нападут на нас.

А потом случится худшее. Мы все это понимаем.

— Помните, — тихо говорит Трэвис всей группе перед тем, как мы займем свои места. — Не стреляйте, если только у вас не останется выбора. Стоит выстрелить один раз, и все это услышат.

Затем мы начинаем действовать. Я иду к водительской дверце джипа. Вокруг так темно, что я едва не спотыкаюсь о корень дерева, и Трэвис меня подхватывает.

Я цепляюсь за его футболку, и он быстро и крепко обнимает меня.

— Ты в порядке, милая? — бормочет он мне на ухо.

— Да. Я готова.

— Знаю. С нами все будет хорошо.

Не знаю, правда ли он верит в эти слова, но мне все равно становится чуточку лучше.

Наш маленький конвой медленно трогается с места, двигаясь со скоростью примерно 8 км/ч. Мы выезжаем на вершину холма, и я наконец-то вижу свет от группы в долине.

Лагерь намного больше, чем я ожидала. По всем четырем углам горят костры. До сих пор гремит музыка. Я слышу крики и раскатистый смех.

Я едва не трясусь от страха, медленно двигаясь вперед.

Я еду первой, Трэвис идет возле джипа. Пес свернулся калачиком на полу у пассажирского сиденья. Анна едет следом, Мак не отстает от пикапа. Каким-то образом я оказываюсь ответственной за скорость нашей маленькой группы, но я уверена, что Трэвис даст мне знать, если я поеду слишком быстро.

Это сложно. Это ужасает. Ехать в темноте безо всяких фар. Теперь уже не так темно, поскольку почти полная луна взошла на небе, а лагерь внизу отбрасывает тусклые отсветы в нашу сторону. Но темнота все равно почти полная. Я вижу от силы полметра перед собой.

Я знаю, что так лучше. Это означает, что они нас не увидят.

Но меня тошнит от беспокойства, и в какой-то момент я реально боюсь, что меня вырвет.

Но этого не происходит.

Я продолжаю ехать.

Я осознаю Трэвиса, идущего рядом с моей машиной. Я вижу лишь его силуэт, но мне лучше от его присутствия.

Время от времени мои колеса переезжают ветку, и треск заставляет меня ахнуть от страха.

Но это не настораживает охранников по периметру. Я бы удивилась, если бы они что-то слышали сквозь рев такой музыки.

Кажется, будто на это уходит целая вечность, но на деле, наверное, прошло минут двадцать. Мы уже поднимаемся на другую сторону, когда я вижу впереди проблеск света.

Свет.

Там не должно быть света.

Свет может означать лишь опасность.

Впереди нас движется луч света, и я понимаю, что это фонарик.

Он близко. Слишком близко. Кто бы это ни был, он нас точно увидит.

Трэвис уже реагирует. Он движется бесшумно, как хищник, и я слышу шорох. Тихое кряхтение. Затем что-то падает на землю. Что-то большое. Возможно, тело. Луч свет гаснет.

Я остановилась, но снова трогаю с места, когда Трэвис вновь появляется у машины и показывает мне ехать.

Кто бы ни был там впереди, Трэвис об этом позаботился.

Мы почти в безопасности.

Мы почти справились.

Я задерживаю дыхание, когда мы взбираемся на вершину холма и начинаем спускаться по другому его склону. Теперь мы уже вне пределов видимости лагеря. Мы это сделали.

Пикап все еще едет следом.

И шумные головорезы в долине понятия не имели, что мы тут были.

Трэвис забирается на пассажирское сиденье рядом со мной.

— Теперь можешь поехать побыстрее, — бормочет он. — Но пока не включай фары.

— Ладно. Но если я въеду напрямиком в озеро или скалу, я не виновата. Я ничего не вижу.

— Знаю. Просто постарайся.

Я прибавляю скорость примерно до 30 км/ч, посчитав, что это достаточно медленно, чтобы нечаянное столкновение не нанесло большого урона. Когда мы съезжаем с холма, Трэвис говорит мне остановиться. Мак уже за рулем пикапа, и он останавливается рядом.

Он включает фонарик, чтобы мы видели друг друга.

— Через два-три километра отсюда будет старая церковь, — говорит Мак. — Мы иногда используем ее как убежище. Я подумал, что если караван добрался туда, то там они и будут. Если нет, мы можем провести ночь там и попробуем найти их завтра.

— Звучит здорово, — отзывается Трэвис. — Показывай дорогу.

— Ты можешь теперь сесть за руль? — спрашиваю я у Трэвиса.

— Конечно.

Мы перелезаем друг через друга, чтобы поменяться местами, и я нечаянно наступаю псу на лапу, отчего он тихонько и обиженно тявкает. Я плюхаюсь на сиденье, которое уже кажется моим привычным местом. Если у меня и есть дом, то он на этом сиденье, в этом джипе. С Трэвисом и псом.

— Ты очень хорошо справилась, Лейн.

— Спасибо. Правда, теперь могу немножко расклеиться.

— Вперед и с песней.

На самом деле, я не расклеиваюсь, но могу дышать посвободнее. Мак не включает фары, но оставляет фонарик. Анна, наверное, держит его на переднем сиденье. Это слегка освещает им дорогу, а Трэвис может следовать за точкой света.

Мы добираемся за церкви меньше чем за полчаса.

Она расположена в конце длинного съезда от маленькой сельской дороги. Прежде, чем мы минуем половину пути, нас останавливают охранники. Подъездную дорожку перегородили три грузовика, выстроенные бок о бок.

Мак кричит им, и как минимум один узнает его и с энтузиазмом приветствует.

Они отгоняют один грузовик, чтобы пропустить нас, но прежде проверяют оба автомобиля, убеждаясь, что Мак не соврал.

Мы едем к церкви.

Первый, кого я вижу стоящим у входа с пистолетом и светильником на батарейках — это Бобби Фрейзер.

Он жил через улицу от меня. Он был нашим окружным прокурором. Одним из тех мужчин, что всегда надевают костюм в церковь.

Мы нашли выживших из Мидоуза.

Мак выбирается первым, объясняет, кто мы и зачем мы здесь. Затем остальные выходят из машин, берут вещи и необходимые припасы.

Когда мы подходим к двери, Бобби смотрит на меня через треснувшие стекла очков.

— Лейн? Это малышка Лейн Паттерсон?

— Да, — отвечаю я с улыбкой. — Это я.

— Господь мой, девочка. Я уж думал, что никогда тебя не увижу, — он опускает винтовку и обнимает меня. Затем глядит через плечо и вздрагивает. — Трэвис? И ты тоже тут? Сукин ты сын.

Трэвиса он тоже обнимает.

Вход ведет в огромный общий зал. Он освещен свечами и светильниками, так что трепещущий свет не слишком яркий. Но я вижу людей, собравшихся в просторном помещении.

Может, человек триста.

Беглым взглядом я не узнаю никого, кроме Бобби.

Он громко кричит:

— Шэрил! Шэрил! Иди сюда! Ты не поверишь!

Мое нутро сжимается. Трэвис делает шаг вперед. Прочь от меня.

Я слышу восторженный визг.

Затем вижу бегущую женщину.

Она бросается в объятия Трэвиса.

Он крепко ее стискивает.

Он был женат на ней. У них был общий ребенок. Он был с ней еще в старших классах и во все последующие годы.

Развод мало что значит, когда мир вот так развалился на куски.

Конечно, он до сих пор любит ее.

Он принадлежит ей куда сильнее, чем когда-либо будет принадлежать мне.

Мое горло болит, но я стараюсь улыбнуться, когда Трэвис опускает руки, и Шэрил делает шаг назад.

Она красивая. Я знала, что так и будет. Она высокая и длинноногая, со светлыми волосами.

— Поверить не могу, что ты нас нашел, — говорит она ему, и ее голос надламывается от эмоций. — Ты преодолел все это расстояние в одиночку?

— Не в одиночку, — Трэвис поворачивает и подзывает меня жестом. — Я был с Лейн. Ты с ней знакома?

Я подхожу ближе, поскольку у меня толком нет выбора. Такое чувство, будто я лезу во что-то личное, но я улыбаюсь Шэрил и говорю, что рада познакомиться.

Шэрил окидывает меня долгим взглядом.

— О да, — говорит она с улыбкой. — Я помню, что видела тебя. Я знала твоих бабушку и дедушку. Так ты все это время была с Трэвисом?

Вопрос абсолютно дружелюбный, но ударяет по мне как обвинение. Я откашливаюсь.

— Мы наткнулись друг на друга. Оба направлялись в Форт-Нокс. Вместе было безопаснее. По крайней мере для меня.

Шэрил кивает, толком не обращая на меня внимание, и поворачивается обратно к Трэвису. Ее лицо искажается.

— Поверить не могу, что ты меня нашел, — она снова обнимает его и плачет на его груди.

Он обнимает ее в ответ.

Я отворачиваюсь, все мое горло ноет как рана.

Он не мой.

Он не мой.

Теперь все иначе.

Я не буду вести себя как эгоистичный ребенок и слепо цепляться за все, что мне хочется.

Вот так теперь все будет.

Я наконец-то нашла жителей Мидоуза, но это уже не ощущается как мой город.

Это не мое место.

Я не уверена, что хочу оставаться с ними.

Может, я уйду с Маком и Анной.

Тут для меня ничего нет.

Трэвис до сих пор крепко обнимает Шэрил.

Я чувствую мягкое касание к руке, поворачиваюсь и вижу Анну. Она улыбается, но ее лицо выражает сочувствие. Не знаю, что она видит в моем взгляде, но у нее очень добрые глаза.

— Я вижу других жителей Мидоуза вон там в дальнем углу. Хочешь поздороваться?

Я с благодарностью киваю.

— Да. Было бы здорово.

Мы уходим, оставляя Шэрил в объятиях Трэвиса.

От Мидоуза тут всего сорок семь человек, и большинство из них собрались в группу в углу. Некоторые спят, но большинство сидит, разговаривает или ест суп.

Я здороваюсь со всеми. Многих я знаю, другие выглядят знакомо. Я стараюсь быть дружелюбной, поболтать со всеми, ем миску супа, которую мне кто-то всучил. Но через полчаса я уже не могу это выносить.

Многие из этих людей мне нравятся, но я их не люблю.

Есть Анна. Ее я люблю.

И Трэвис.

Его я тоже люблю.

Вот и все.

Все остальные люди, которых я знала и любила, которые ушли с остальным городом, должно быть, умерли где-то по дороге.

Я даже не спрашиваю о них.

Я точно знаю, что они погибли.

До падения астероида в моем городе жило три тысячи человек.

Теперь осталось пятьдесят, включая меня, Трэвиса и Анну.

Вот в таком мире я теперь живу.

Люди, которых ты любишь, не задерживаются в твоей жизни.

Эмоции так завладевают мной, что я не могу поддерживать светскую болтовню и наконец-то ссылаюсь на измождение. Я нахожу пустое место у стены, расстилаю спальник и использую сумку в качестве подушки.

Я поворачиваюсь на бок лицом к стене. Крепко обнимаю себя.

Спальник пахнет Трэвисом. Он принадлежит Трэвису. Наверное, мне не стоит по-прежнему им пользоваться. Сегодня спальник понадобится ему самому. Но мне больше не на чем спать.

Трэвис до сих пор с Шэрил. Я старательно не смотрела на них, но знаю, где он.

Он имеет полное право быть там.

Они многое прошли вместе. Они потеряли ребенка.

Она, наверное, думала, что больше никогда его не увидит.

В моей жизни никого такого нет. Только моя учительница английского в девятом классе.

Все остальные люди, с которыми у меня было общее прошлое, погибли.

Даже Трэвиса у меня больше нет.

Я думала, мы доберемся до Форт-Нокса, и я наконец-то сумею перевести дух. Наконец-то расслабиться. Быть в безопасности.

Но это были лишь детские грезы. Мне надо было догадаться.

Ничто хорошее не задерживается в этом мире.

Все оказывается отнятым.

Ощувив что-то влажное на щеке, я дергаюсь и осознаю, что это пес нюхает мое лицо.

Я думала, он останется с Трэвисом. Я дрожу от эмоций, освобождая для него место между моим телом и стеной. Он ласково лижет мое лицо, будто чувствует, что что-то не так. Затем сворачивается калачиком и сразу засыпает.

Я прижимаю его к себе, находя утешение в его теплом лохматом теле. Он тихонько храпит.

Ну, хотя бы пес меня любит.

Хочет видеть меня рядом.

Теперь все иначе.

Трэвис не мой.

Мне надо привыкнуть к одиночеству.

Я пытаюсь быть сильной, но я не такая сильная, как мне хотелось бы. Несколько слезинок вытекает из моих глаз.

— Вот ты где.

Голос удивляет меня так сильно, что я резко дергаюсь, заставляя пса поднять голову и наградить меня сонным недовольным взглядом.

Это Трэвис. Он стоит на коленях рядом со мной.

— Я тебя везде искал.

— Я была тут, — я стараюсь говорить нормально, но терплю сокрушительный провал.

— Надо было сказать мне, что ты ложишься спать, — его тон звучит легко и естественно, но потом он, видимо, присмотрелся ко мне хорошенько. Он опускает руку и смахивает одну мою слезинку большим пальцем. — Ох, милая.

Я уже не могу перестать трястись. Я зажмуриваю глаза, надеясь, что слезы не вытекут. Я все еще лежу спиной к помещению, спиной к Трэвису.

Он расстегивает спальник и приподнимает верхнюю часть, чтобы забраться под нее. Поскольку я не поворачиваюсь, он пристраивается к моей спине и обнимает меня рукой.

Из-за положения пса передо мной Трэвису приходится обнимать и меня, и пса.

Я дрожу, шмыгаю носом и стараюсь не рыдать, пока он прижимается ко мне сзади.

— Мне так жаль, — бормочет Трэвис минуту спустя. — Мне так жаль, Лейн.

Я думаю, он говорит о Шэрил. Он говорит мне, что понимает. Что он не может быть со мной, как раньше, и ему жаль, что это причиняет мне боль.

Я уверена, что именно об этом он и говорит.

Затем его тихий, хриплый голос доносится до моего уха.

— Мне жаль, что это не то, на что мы надеялись. Мне жаль, что Форт-Нокс не смог дать нам безопасность. Мне жаль, что осталось так мало наших. Мне очень жаль, что для тебя нет безопасного места. Мне жаль, что так много наших умерло.

Теперь я плачу по-настоящему. Он кажется таким нежным.

— Это неправильно. Что у тебя отняли все. Даже надежду на Форт-Нокс. Неправильно, что у тебя никого не осталось.

Я сильно шмыгаю носом и вытираю щеку о спальник.

— У меня есть пес.

Он надломлено фыркает.

— Да. Верно. У тебя есть пес.

Я не должна позволять ему обнимать меня так. Я не должна вот так искать у него утешения.

Мы посреди очень людного общего зала церкви. Мы в темном углу, но освещение все равно мерцает. Люди могут нас увидеть. Вокруг нас полно жителей Мидоуза — людей, которые знали меня как подростка, как чью-то внучку. Людей, которые выросли с Трэвисом.

Они могут подумать, что я дурочка, цепляющаяся за мужчину, который никогда не будет моим.

Или хуже того, они могут подумать, что Трэвис — засранец, пользующийся уязвимой девушкой.

Я не могу допустить, чтобы они так подумали.

Шэрил может увидеть нас, вот так свернувшись в спальнике.

Это неправильно. Мне не стоит позволять Трэвису делать так просто потому, что я чувствую себя эмоционально зависимой.

Но я как будто не могу его оттолкнуть.

Он всегда давал мне все, в чем я нуждалась.

И он снова делает это прямо сейчас.

Может, завтра я буду сильнее.

Следующим утром я не чувствую себя сильнее.

По большей части я как будто онемела.

Трэвис всю ночь спал со мной в спальном мешке. Я знаю это потому, что он до сих пор рядом, когда я просыпаюсь. Когда-то ночью он перекатился на спину, а я прижимаюсь к его боку в типичном для нас положении.

Я поднимаю голову и вижу, что Трэвис уже проснулся. Его веки отяжелели. Волосы пребывают в абсурдном беспорядке.

Я улыбаюсь, потому что он — тот, кого я хочу видеть каждое утро после пробуждения.

Он улыбается в ответ.

— Как ты?

— Нормально. Наверное. Лучше, чем вчера, — этим утром мне не хочется плакать, но я все равно чувствую какое-то бремя внутри. Не думаю, что оно куда-нибудь уйдет. Теперь это будет моим естественным состоянием. — Спасибо. За прошлую ночь, имею в виду. Ты не обязан был оставаться со мной. Я была в порядке.

Он бросает на меня беглый взгляд, возможно, будучи сбитым с толку. Или удивленным. Я толком не понимаю. Но это мгновенно сменяется небрежным пожатием плеч.

— А чем еще мне было заниматься?

Проводить ночь с Шэрилом, но я не могу сказать это вслух, потому что это выдаст, что именно я чувствую.

Мы разговариваем тихо, поскольку мы не одни в помещении. Всюду вокруг нас люди, и я остро это осознаю.

Мне это не нравится. Пребывать в такой толпе.

Я бы предпочла быть с Трэвисом наедине, как раньше.

Но предлагать ему такое будет неправильно. Я знаю, он чувствует себя ответственным за меня, даже если в этом больше нет необходимости.

Он был со мной лишь потому, что у нас не было выбора.

Он бы никогда не прикоснулся ко мне, если бы я не попросила, если бы я не умоляла.

Нет никакого способа — в любом другом мире, в любое другое время — которым мы сошлись бы вместе.

Я не могу принуждать нас к чему-то просто потому, что мне этого так сильно хочется.

— Ты как? — он сдвигает ладонь и убирает выбившиеся волосы с моего лица. Должно быть, он почувствовал мои эмоциональные терзания.

Я снова улыбаюсь ему.

— В порядке. Что стало с псом?

— Он вскочил не так давно, когда кто-то открыл дверь. Наверное, убежал на улицу.

Я сажусь и осматриваюсь по сторонам. Некоторые люди все еще спят, но другие начинают вставать и одеваться. Небольшая группа в углу, похоже, готовит еду.

Может, это теперь станет моим миром.

В окружении всех этих людей.

Трэвис тоже садится, и черты его лица искажаются, когда он оборачивается ко мне.

— Мне надо было встать раньше.

— Зачем?

— Люди смотрят. Гадают, с чего бы это мне спать с тобой.

Я оглядываюсь и понимаю, что он прав. Большинство не пялится в упор, но я замечаю немало разговоров исподтишка.

Это неизбежно.

Мы новенькие в группе.

И мы с Трэвисом не должны быть вместе.

Трэвису явно некомфортно из-за этого. Он бормочет:

— Они все думают, что я какой-то извращенец.

— Уверена, они так не думают.

Я считаю, что они скорее осуждают меня, какую-то дурочку, которая пытается увести достойного мужчину от женщины, которая в нем нуждается... но я не говорю этого. Я лишь печально улыбаюсь Трэвису, когда он встает и потягивается.

Он не задерживается, чтобы поговорить со мной, и я едва ли могу его винить. Он не хочет, чтобы все считали нас парой.

Сегодня я должна справиться лучше.

Я не буду назойливой или приставучей

Трэвис — не мой, так что я должна вести себя соответствующим образом.

Сбор вещей и приготовления к дороге — медленный процесс, когда задействовано так много людей. Я нахожу это весьма раздражающим, но терпение никогда не было моей сильной стороной.

Я коротаю время, стараясь держаться подальше от Трэвиса, чтобы он не подумал, будто я торчу возле него и надеюсь получить внимание. На самом деле, это сложнее, чем я ожидала, потому что он вечно оказывается рядом.

Но я стараюсь изо всех сил и намеренно болтаю с кем угодно, кроме него.

Я жду на улице с остальными, стараясь не строить гримасы из-за того, как долго занимают сборы, когда Мак подходит поговорить со мной.

Я улыбаюсь и вежливо приветствую его. Он, Анна и остальные будут путешествовать с нами минимум день, пока наши пути не разойдутся. Я еще не приняла решение, отправляться ли с ними, когда они отделятся от основной группы.

Мак хмуро смотрит на меня.

— И с чего вдруг бойкот?

Я так удивлена на вопросом, что на мгновение у меня отвисает челюсть.

— Это я тебе бойкот устроила, что ли?

— Не мне, — Мак кивает через плечо в ту сторону, где Трэвис возится с двигателем джипа. — Ему.

— Я не устраивала ему бойкот!

— А мне так не кажется. Ты ведь все утро его избегала?

— Я не избегаю его! — я наполовину смеюсь, наполовину возмущена, поскольку не уверена, дразнится Мак или нет. Я еще не так хорошо его знаю, чтобы уловить различие.

— Готов поспорить, он думает, что ты его избегаешь.

— Не думает, — я рискую глянуть на Трэвиса и вижу, что он отворачивает голову. — Мы же не приклеены друг к другу, знаешь ли.

— Может, и не приклеены. Но явно создавалось впечатление, будто вы вместе. А этим утром ты убегаешь как трусливый зайчишка всякий раз, когда он приближается.

— Не убегаю. Происходит вовсе не это, — я тру лицо и стараюсь подумать, как объяснить. — Мы на самом деле не были вместе. Не в таком смысле.

— Ты уверена?

— Да, я уверена. У тебя все так просто звучит, но на деле это никогда не просто.

— Ну, если ты так говоришь. Просто мне нравится этот парень. Думаю, он заслуживает лучшего.

— Конечно, он заслуживает лучшего, — эмоции быстро накрывают меня, заставляя мой голос надломиться. — Но между нами все не так. Он не хочет, чтобы люди пялились на нас. Он сказал, что не хочет, чтобы люди считали его извращенцем.

Мак снова хмурится.

— Сколько тебе лет?

— Эм, ты знаешь, какое сегодня число?

— Не уверен. Наверное, начало августа.

— Тогда мне двадцать один год.

— И в чем проблема? Ты взрослый человек. Он взрослый человек. С чего вдруг считать его извращенцем? Как по мне, все просто.

— Это не всегда так работает, Мак.

Уголки губ Мака приподнимаются.

— Не вижу причин усложнять. Но серьезно. Даже если ты не втюрилась в этого парня по уши, хотя бы относись к нему хорошо.

— Я и отношусь к нему хорошо. Просто пытаюсь дать ему немного пространства.

Мак наклоняется, и его глаза блестят. На сей раз я знаю, что он дразнится. Он бормочет прямо мне в ухо:

— И сколько же, по-твоему, ему нужно пространства?

Я весело фыркаю — смешок получается совсем немного дрогнувшим, потому что меня до сих пор терзают эмоции из-за Трэвиса — и дружелюбно ударяю его кулаком в руку.

Крепость его бицепса удивляет меня, заставляя моргнуть и уставиться.

— Черт, Мак. У тебя рука как ствол дерева.

Он усмехается и напрягает мышцы с игривой иронией, которая не может не очаровать.

— Можешь восхищаться сколько угодно.

Я собираюсь ответить, но тут лицо Мака меняется. Его взгляд сосредоточен за моим плечом, так что я оборачиваюсь.

Трэвис стоит там с серьезным лицом. Когда я встречаюсь с ним глазами, он тихо говорит:

— Думаю, они готовы отправляться. Ты со мной поедешь?

Я застываю, захваченная враспloch тревогой и нерешительностью.

Практически все во мне хочет поехать с Трэвисом. Где еще мне есть место?

Но я же сегодня должна быть сильной. Я не должна быть приставучей. Я не заставлю остальной мир верить, будто мы с Трэвисом пара.

Мы не пара.

— О, — говорю я наконец, выдавливая улыбку вопреки своим чувствам. — Я думала, что этим утром могу побыть с Анной, если ты не против.

— Конечно, — Трэвис переводит взгляд с меня на Мака. Затем отрывисто кивает, поворачивает и шагает к джипу, пока пес радостно семенит следом.

— Черт, женщина, — говорит Мак. — Вот это было реально холодно, — последнее слово он чрезмерно растягивает.

Я снова слегка толкаю его.

— Ничего не холодно. Ты понятия не имеешь, что происходит.

— Наверное, не имею. Но я кое-чему научился с тех пор, как мир развалился на куски. И вот один такой урок: Если любишь кого-то, лучше держаться за них изо всех сил.

Я прерывисто втягиваю воздух и выдыхаю, пытаюсь избавиться от прилива новых эмоций.

Мне больше всего хочется держаться за Трэвиса — так крепко, как он мне позволит.

Но мне это не разрешено, если только он не хочет тоже держаться за меня.

День проходит так же, как и утро. Странно, раздражающе, досадливо медленно. Большую часть утра я провожу с Анной. Мы едем в пикапе с Маком и рассказываем друг другу о своих жизнях в последнее время.

Я стараюсь не оглядываться постоянно в поисках Трэвиса, чтобы узнать, что он делает и с кем. Я считаю, что мне лучше не знать.

Примерно в середине второй половины дня караван останавливается. Это еще один повод для раздражения — мы останавливаемся, хотя в дне осталось еще часа три, когда можно продолжать дорогу. Есть весомая причина. Мы дошли до хорошего, безопасного убежища. Заброшенный отель, который послужит всем нам домом на эту ночь. Это маленькое захолустное здание, два этажа с отдельными входами в номера. И это место удалено, окружено лесами. Скорее всего, мы не найдем более безопасного места для ночлега, так что логично остановиться здесь.

Но это доказывает то, что я не хочу оставаться с караваном.

У них даже нет точного места назначения. Они просто пытаются убраться из региона с опасными бандами головорезов, чтобы им было спокойнее.

Я говорю Маку про маленькие городки, которые мы с Трэвисом миновали по дороге и которые пострадали от землетрясений. Их много. И там до сих пор доступно много бензина, еды и припасов. Это хорошее место, где караван может основаться как минимум временно. Мы не видели никаких больших групп за все время, что пробыли там.

Мак кажется заинтересованным и хочет поговорить с другими — кто бы там ни принимал решения за группу.

Мне это тоже не нравится. То есть, то, что если я останусь с ними, у меня не будет права голоса в том, куда я иду и что со мной будет.

Люди устраиваются в номерах отеля, но мне не хочется торчать внутри остаток дня и ночи, так что я пока не захожу. До заката еще несколько часов, а охранники уже расставлены по периметру.

Когда пес подбегает ко мне со свешенным языком и надеждой в глазах, я нахожу упавшую ветку дерева и отламываю подходящего размера палку.

Я несколько раз бросаю ее псу. Как всегда, сначала он сразу приносит ее обратно. Только потом он решает, что лучше ляжет и будет ее грызть.

Я знаю, что вокруг кишат люди, но впервые за два дня я чувствую себя в одиночестве и наслаждаюсь этим.

— Привет.

Кроткий голос удивляет меня, поскольку я думала, что одна. Я поворачиваюсь и вижу, что Трэвис стоит в паре метров от меня, сунув руки в карманы джинсов.

— Привет, — говорю я.

— Хочешь прогуляться? — его глаза смотрят серьезно. Лишь слегка неуверенно. — Может, мы могли бы поговорить.

Мое сердце подскакивает к горлу. Он хочет поговорить. Он знает о моих чувствах. Он наконец-то мягко отпустит меня.

Я не хочу затевать этот разговор. Я меньше всего на свете хочу этого. Но я не нахожу в себе сил отказать Трэвису, когда он просит вот так.

— Хорошо.

— Слышал в лесу пару голубых соек, — говорит он все еще без тени улыбки на лице. — Может, нам удастся их найти.

— Звучит здорово. Я целую вечность не видела голубых соек.

Мы бок о бок идем в лес, и пес следует за нами по пятам, все еще неся в пасти палку.

Трэвис слушает и идет в направлении тихого чириканья, что доносится до нас. Мы легко находим птиц. Их три. Примостились на паре веток. Двое улетают при нашем появлении, но одна склоняет голову и пытливо смотрит на нас.

Меня так восторгают ее яркие маленькие глазки и красочные перья, что я неосознанно хватаюсь за руку Трэвиса.

Я не знаю, как это происходит. Правда не знаю.

Я определенно не делаю это намеренно.

Но моя ладонь движется будто сама по себе. Вниз по руке Трэвиса. Задерживается на запястье. Затем он берет мою ладонь.

Я сжимаю его руку. Ничего не могу с собой поделать. И он крепко держится даже после того, как мои пальцы разжимаются, так что я бы не смогла убрать руку, даже если бы захотела.

Я не хочу.

Мы держимся за руки и продолжаем идти.

Он сказал, что нам надо поговорить, но, похоже, он не спешит начинать. Сейчас он такой расслабленный, каким я не видела его с тех пор, как мы покинули наш маленький домик. Его ладонь теплая и сильная, крепко сжимает мою руку.

Мы видим ворону на высокой ветке, и та неодобрительно каркает на нас, отчитывая за грехи, о которых мы совершенно не догадываемся.

Это заставляет меня рассмеяться.

Трэвис сжимает мою ладонь.

Мы идем, пока не добираемся до края леса. Мои мысли вертятся вокруг Трэвиса, вокруг того, что мы скажем друг другу, когда он наконец-то решит заговорить... и мне не приходит в голову, что мы не осторожны.

Но мы не осторожны.

И мы оба должны знать, к чему это приводит.

Мы выходим из леса, все еще держась за руки, а потом резко останавливаемся от увиденного.

Трое мужчин сидят вокруг костра.

Я мгновенно узнаю одного из них. Это тот седеющий парень, что был на мотоцикле с четырьмя другими, окружившими нас в тот день. Те, которых мы посчитали разведчиками для волчьего стада. Наверное, двое его спутников тоже были в той четверке, но я не узнаю их.

Зато я узнаю седеющего парня. Три мотоцикла стоят рядом.

Мужчины явно удивлены, как и мы. Они пили пиво и жевали табак.

Я шокирована повторной встречей с ними, но это не должно меня удивлять. Мы возвращаемся по той же территории, где впервые видели этих типов.

И мы с Трэвисом вообще не обращали внимания на окружение.

Вообще.

Седеющий тип в прошлый раз сказал, что если увидит нас снова, то мы уже не уйдем живыми.

И если они пройдут чуть дальше, они найдут караван. Они сумеют предупредить стадо.

Все в отеле окажутся в опасности.

Воцаряется странный момент, когда все мы впятером смотрим друг на друга, замерев на грани между узнаванием и действием, и никто из нас не шевелит и пальцем.

Трэвис реагирует первым. Он толкает меня за себя и поднимает дробовик в положение для стрельбы.

— Беги, — рывкает он. — Сейчас же. В лес. Приведи помощь.

Я подчиняюсь. Это чистый инстинкт. Я напугана, и сложно игнорировать повелительные интонации в его голосе. Так что я разворачиваюсь на пятках и бегу.

Один из парней стреляет в меня.

Я не могу в это поверить, но так и происходит. Я не знаю, кто именно, ибо смотрю в противоположную сторону, но целились явно в меня. Я знаю это потому, что пуля просвистела так близко, что я ощутила движение воздуха у левого уха.

Трэвис испускает разъяренный рев. Затем он стреляет. Я полагаю, что это он. Затем еще больше выстрелов. Много. Громкие. Оглушающие. Ужасающие.

Я слышу, что пес рычит как никогда свирепо. Затем раздается незнакомый матерящийся голос, и пес тявкает от боли.

Именно это тявканье проникает сквозь туман паники в моем мозгу.

Гремят выстрелы. Трэвис стоит там абсолютно беззащитный. Его точно подстрелят.

И один из этих ублюдков только что причинил боль моей собаке.

Мне плевать, что сказал Трэвис. Я не буду убегать. Я сделала всего три шага, но разворачиваюсь и достаю пистолет из кобуры.

Если кто в этом мире и принадлежит мне, так это Трэвис и пес.

И они оба сейчас в опасности.

Я вижу, что один из мужчин целится в Трэвиса, так что я стреляю. Первая пуля улетает мимо, так что я пытаюсь еще раз. На сей раз я попадаю ему в плечо, и он падает.

Пес все еще на ногах, и он подбегает к раненому и агрессивно рычит на него. Даже если мужчина в состоянии встать на ноги, ему это никогда не удастся благодаря псу.

Должно быть, Трэвис подстрелил третьего, потому что он лежит на земле и не шевелится.

Седеющий мужчина тоже ранен, но вскакивает на ноги.

Трэвиса ранили. На его бедре видна кровь. Но пуля, должно быть, зацепила вскользь, потому что травма ему не мешает. Он по-прежнему стоит на ногах и перезаряжает дробовик так быстро, что я едва могу отследить его движения.

Но все же это недостаточно быстро.

Я навожу пистолет на седеющего мужчину, но он стреляет прежде, чем я успеваю нажать на курок. Он целится прямо в Трэвиса.

Я слышу выстрел. Вижу, куда наведено дуло. Трэвис только начинает поднимать дробовик, когда в него попадает пуля.

Я читала в книгах, что в моменты кризиса все происходит как в замедленной съемке, но со мной все не так. Обычно все проносится размытым пятном и случается так быстро, что я не могу отследить отдельные детали.

Но сейчас весь мир будто едва ползет. Возникает слишком большая задержка между звуком выстрела и тем, когда Трэвис дергается от попадания.

Я действительно вижу, как пуля вонзается в его грудь, разрывая футболку. Я вижу кровь, расплзающуюся по серой ткани. И я вижу, как он падает назад.

У него уходит слишком много времени, чтобы упасть на землю.

Я слышу гулкий удар, когда он приземляется.

Я кричу. Во все горло. От абсолютной ярости.

Я поднимаю пистолет и стреляю в сидящего мужчину. Я настолько не в себе, что целюсь паршиво. Пуля свистит поверх его волос.

На его лице появляется уродливая ухмылка, когда он ступает ближе к Трэвису, который теперь распростерся на земле. Мужчина игнорирует меня. Он считает, что я не сумею ему навредить. Он собирается снова выстрелить в Трэвиса, чтобы убедиться, что он мертв.

Я точно это знаю.

Я снова целюсь. Моя ладонь настолько вспотела, что я едва могу удерживать оружие. Я стреляю. На сей раз я попадаю ему в бок.

Он охает от боли, делает пару шагов назад. Затем переводит пистолет на меня.

Теперь он зол. Он убьет меня, если сможет.

Я снова стреляю. На сей раз я попадаю ему прямо в грудь.

Он падает и больше не шевелится.

Я бросаю пистолет и бегу к Трэвису, падая на колени у его тела.

— О Боже! Трэвис? Трэвис! Ох, пожалуйста, Господи, пусть он будет жив!

К моему удивлению, глаза Трэвиса открыты, когда я тянусь к нему. Его бледные губы слабо улыбаются.

— Ох, милая. Ты очень хорошо справилась.

Я обеими ладонями зажимаю его пулевое ранение. Оно на самом деле не на груди, а ближе к плечу. Но крови так много. Она везде.

— Трэвис. Пожалуйста, Трэвис.

Он не отвечает. Его глаза закрываются. Он вообще не шевелится.

Я слышу приближающиеся голоса. Они зовут нас. Люди в отеле, должно быть, услышали выстрелы и спешат на помощь.

Теперь уже слишком поздно. Это не имеет значения.

Я сомневаюсь, что что-то будет иметь значение после этого.

Трэвис не шевелится.

Ничто из всего плохого, что со мной случилось, не причиняло такой боли, как сейчас. Я думала, что больше не плачу из-за людей. Я думала, что худшее со мной уже случилось, но только теперь я достигла конца падения.

Все для меня завершилось. Наконец-то. Конец света.

Я продолжаю попытки остановить кровотечение Трэвиса своими руками.

И я плачу.

Глава 12

Только после время ускоряется. Только после события превращаются в размытое пятно. Только после я едва осознаю, что происходит.

Прибегают Мак и кое-какие другие люди из каравана. Двое остаются разобраться с двумя трупами и раненым, тогда как остальные несут Трэвиса в отель.

Там есть доктор, которого они вызывают. В прежней жизни он был акушером-гинекологом, но он — все, что сейчас есть в нашем распоряжении.

Трэвис не мертв, но он и не приходит в сознание.

Мне не позволяют остаться в комнате, пока они занимаются его ранами. Я не хочу уходить, но меня буквально выталкивают.

Я сижу с псом на бетонном полу возле гостиничного номера и жду.

Я не знаю, что происходит в номере. Люди пытаются заговорить со мной — Анна, Мак, даже Шэрил — но я не в состоянии поддерживать нормальный разговор.

Я понятия не имею, как долго сижу там, обнимаю пса и молюсь, пока Мак не выходит из номера и не говорит:

— Тебе лучше зайти внутрь.

Я пытаюсь заговорить и не могу. Мое горло сжимается.

— Он не мертв, — поспешно заверяет Мак. — Я не хотел тебя пугать. Он постоянно зовет тебя.

— Он в сознании? — колени меня не держат, так что я прислоняюсь к стене.

— Нее. Он совершенно не в себе. Но постоянно зовет тебя. Не останавливается. Мы достали пулю и заштопали рану. Он потерял много крови, но думаю, с ним все будет хорошо, если обойдется без лихорадки и инфекции. Выстрел был паршивым, пуля вонзилась неглубоко. Но он не лежит смиренно. Я подумал, если ты будешь рядом, это поможет.

Когда я захожу в номер, Трэвис бледный и весь вспотел. На нем нет футболки, одно плечо скрыто большой повязкой. Его глаза закрыты, волосы прильнули к коже.

Нижнюю половину его тела прикрывает простыня, и он на моих глазах со стоном сталкивает ее ниже. Его глаза закрыты, но когда я приближаюсь к кровати, они распахиваются, и он поднимает голову.

— Лейн!

Он смотрит в никуда. Явно пребывает в бреду.

Я ускоряюсь до неуклюжего спотыкания и наклоняюсь над кроватью, схватив его за ближнюю ко мне руку. Это не та, у которой ранено плечо, и он вытянул эту руку, слепо хватаясь. Я вцепляюсь в нее обеими ладонями.

— Трэвис. Трэвис, все хорошо. Все хорошо. Я здесь.

Доктор — неприметный мужчина средних лет, одетый в мятые брюки хаки и грязную рубашку-поло. Он стоит рядом с кроватью и смотрит на Трэвиса.

— Будь осторожна. Он метался. Нам пришлось удерживать его силой, чтобы я сумел извлечь пулю.

Пальцы Трэвиса до боли сжимают мою руку. Он все еще ерзает на кровати, но поворачивает голову в мою сторону. Его глаза снова закрыты.

— Лейн, — бормочет он.

— Я здесь. Я никуда не уйду.

Требуется несколько минут, но тело Трэвиса наконец-то расслабляется.

Доктор протяжно выдыхает.

— Слава Богу. Бедняге пришлось вытерпеть всю процедуру без обезболивающих. У нас даже нет виски, чтобы его успокоить. Но пуля не повредила ничего жизненно важного. Я правда думаю, что с ним все будет в порядке, если он будет отдыхать и не вызовет расхождение швов. Можешь остаться с ним на время? Похоже, он хочет тебя.

Я все еще цепляюсь за руку Трэвиса и сажусь на стул, который подтаскивает для меня Мак.

— Я останусь.

Проходит несколько часов, и Трэвис приходит в себя.

Я все еще сижу на стуле. Моя спина ноет, рука болит, потому что все это время Трэвис стискивал ее мертвецкой хваткой. Я так устала и опустошена, что запрокинула голову на спинку стула и закрыла глаза. Но я не сплю.

Я дергаюсь от неожиданности, когда хриплый голос Трэвиса произносит:

— Я получаю пулю в грудь, а она решает немного вздремнуть.

Я выпрямляюсь, ахнув. Его глаза открыты и не отрываются от меня. Они кажутся осоловелыми, но взгляд осмысленный, и уголок его губ приподнят.

Я выпаливаю то, что меньше всего имеет значение.

— Ты получил пулю в плечо, а не в грудь. Она почти не нанесла урона.

— Болит просто адски.

— Не сомневаюсь. Но я не спала.

— Ладно.

Мне хочется расплакаться, но я стараюсь держать себя в руках и улыбаться.

— Мне пришлось дать отдых глазам, потому что ты целую вечность не приходил в себя.

— Ну прости, что я такой медленный.

— Все хорошо. Я тебя прощаю.

С минуту мы смотрим друг на друга. Хватка его пальцев наконец-то ослабла, но он не отпускает мою руку.

Наконец, он сухо бормочет:

— Я же сказал тебе бежать.

— Я знаю, что ты мне сказал. Но ты же не думаешь, что я автоматически буду делать все, что ты мне говоришь, нет?

Он фыркает.

— Ты никогда так не делала.

— Я не хотела бежать.

— Видимо, нет.

— Если бы я побежала, тебя бы сейчас не было в живых, — предложение начато легким тоном, но тембр меняется, когда я осознаю правдивость своих слов.

Как я была близка к тому, чтобы потерять его.

Как это разбило бы мое сердце.

— Думаешь, я этого не знаю? — его лицо на мгновение искажается. — Никогда этого не забуду. Никогда в жизни. То, как ты разворачиваешься и расправляешься с двумя мужиками как маленькая воительница.

Я с трудом сглатываю.

— Ты уже подстрелил двоих. Это единственная причина, по которой я справилась. И я думаю, они были пьяными или типа того.

— Были. Ужасно целились. Иначе они бы нафаршировали меня пулями. Но все равно... Ты спасла мою жизнь. Спасибо.

— Всегда пожалуйста, — я сжимаю его ладонь. Мне очень хочется его обнять, но в его нынешнем состоянии это невозможно. Приходится довольствоваться его рукой. — Ты спасал мою жизнь каждый день с тех пор, как я застала тебя за попытками украсть мой мотоцикл.

— Да не крал я его.

Я хихикаю.

— Как скажешь.

Его дыхание медленное и ровное, но он до сих пор болезненно бледный. Его лицо влажное от пота и периодически искажается от боли.

Его глаза не отрываются от моего лица, и выражение в них заставляет мое сердце сжиматься.

— Пес в порядке? — спрашивает Трэвис минутой спустя. — Он тоже очень хорошо справился. Где он?

— С ним все хорошо. Один из парней, видимо, пнул его, но у него лишь немного синяков. Он за дверь, уткнулся носом в щелку. Его не пускают сюда.

— Почему нет?

— Беспокоятся из-за микробов. Инфекция и все такое. Я им говорила, что он очень хороший пес и не станет прыгать на кровать или лизать твои раны, но они не хотят рисковать.

Трэвис хмурится, явно недовольный этим фактом, как и я.

— Они меня-то еле пустили, — добавляю я.

— В смысле?

— В прямом, они не пускали меня в комнату, пока лечили тебя. Они впустили меня только тогда, когда ты начал звать меня в бреду.

— Я такого не делал.

— Делал. Я тебя слышала. Видимо, это убедило их, что тебе будет лучше в моем присутствии. Надо было тебе позвать пса. Может, тогда и его пустили бы.

— Кто все эти люди, указывающие нам, что делать?

Я пожимаю плечами.

— Да все. Доктор и эта женщина по имени Патти, которая была медсестрой, а теперь решила, что она всем начальник. Бобби Фрейзер заглядывает время от времени, чтобы проконтролировать процесс. И даже Мак приходит и говорит мне, что делать. Все эти приказы начинают раздражать.

— И не говори. Это меня тут подстрелили. Если я хочу, чтобы ты и пес были со мной, то я должен иметь возможность быть с вами, — Трэвис кажется весьма капризным, и это заставляет меня улыбнуться. — Мне не надо, чтобы все на свете нам указывали.

— Ну, они же правда помогли. Остановили кровотечение, достали пулю и заштопали тебя, тем самым наверняка спасли тебе жизнь.

Он хмыкает.

— Так что, думаю, мы не должны жаловаться.

Я слышу снаружи голоса и жду, не зайдет ли кто. Но никто не приходит, и голоса постепенно стихают.

Однако это напоминает мне кое о чем.

Я позволяю ладони Трэвиса выскользнуть из моей руки и выпрямляюсь.

— О. Ты хочешь, чтобы я позвала Шэрил? Или... или кого-то еще?

Трэвис моргает и хмурится.

— Что? Зачем?

— Я просто подумала... подумала, что ты захочешь ее увидеть.

— Почему? Она же не пострадала или типа того, нет?

— Нет. Она в порядке. Беспокоилась о тебе. Я просто подумала...

Он все еще хмурится, будто не может понять, что я пытаюсь сказать.

— Я могу поговорить с ней попозже. Мне сейчас не хочется иметь дело с большой толпой.

— Ладно. Ты хочешь, чтобы я... ушла?

Он издает звук ворчливого возмущения.

— Нет! Ну то есть, если ты сама не хочешь. Может, тебе надо отдохнуть или типа того.

— Мне не надо отдохнуть.

— Вообще-то надо. Ты выглядишь вроде как усталой, — он пытается подвинуться на кровати и шипит от боли. — Почему бы тебе не прилечь рядом со мной?

Мне очень нравится эта идея, поскольку моя спина болит после долгого сидения на стуле, но я беспокоюсь, что наврежу Трэвису.

— Лучше не надо. Они рассердятся, если подумают, что я заставила тебя шевелиться. Ты должен лежать смирно.

— Мне плевать, что я там должен, — он отодвигается на одну сторону кровати, оставляя рядом с собой пустое место. — Я же сказал тебе. Мне не нравится, когда мной командуют. Ты совсем маленькая. Для тебя тут предостаточно места.

— Не такая уж я и маленькая.

— Маленькая, маленькая, — он одаривает меня моей любимой улыбкой — той, что мягкая и нежная.

Я никак не могу противиться. Я аккуратно забираюсь на постель, поворачиваясь на бок лицом к нему, но оставаясь на краю, чтобы не вторгаться в его пространство.

Он снова тянется к моей ладони.

Так мы лежим несколько минут.

Наконец, Трэвис тихо говорит:

— Прости меня, Лейн.

— За что?

— За то, что вел себя глупо. За то, что не обращал внимания, когда надо было. Я заслужил, чтобы меня подстрелили. Я привел тебя напрямик к опасности без единого... Мне так жаль.

— Тебе не за что извиняться, Трэвис. Мы не могли знать, что эти парни окажутся там. Я забыла, что мы в том же районе, где видели их впервые. Мы не могли знать, что наткнемся на них.

— Но я, черт возьми, точно должен был знать, что мы можем быть не одни. Не знаю, чем я думал. Чертов идиот. Волновался только о том, что скажу тебе, и как найти нужные слова, и вообще не осматривался в поисках опасности.

— Я тоже не обратила внимания.

Он протяжно выдыхает.

— И мы так и не поговорили.

Мое дыхание застревает в легких.

— Н-нет. Не поговорили.

В комнате на мгновение воцаряется тишина. Слышно только наше неглубокое дыхание.

Он звал меня в бреду. Он не звал Шэрил или кого-то еще.

Само собой, это что-то да значит.

Может, я ошибалась. Насчет многих вещей.

Я хочу облечь свои вопросы в слова, но мне до сих пор очень страшно. Я никогда не делала этого прежде. Я никогда не была так влюблена.

Я любила Питера, и мои чувства к нему были искренними. Но они также были юными. Простыми.

Я никогда не испытывала ничего столь глубокого, сложного и всепоглощающего.

Как люди справляются с такими чувствами? Как они проживают каждый день и занимаются своими делами, когда внутри бушует такой шторм эмоций?

Как они вообще умудряются делиться чувствами с кем-то другим?

— Что ты...? — Трэвис прочищает горло, опускает глаза. — Я хотел спросить... Мне интересно, что ты думаешь делать теперь?

Это совсем не те расспросы, которых я ожидала, и от этого мое сердце ухает в пятки.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну теперь, — он слегка взмахивает рукой. — Я имею в виду твое будущее. Раз Форт-Нокс ни к чему не привел. И раз мы нашли народ из Мидоуза, но это не то... не то, что мы думали. Ты хочешь все равно остаться с ними?

Раз он спрашивает в лоб, я не собираюсь врать. Я качаю головой.

— Нет. Не особенно. Ну то есть, я рада, что мы их нашли, но меня тут ничего не ждет. И вся эта медлительность, приказы и невозможность принимать свои решения... как бы раздражает.

Он шумно выдыхает, и напряжение на его лице слегка ослабевает.

— Да. Я тоже думал об этом.

— В смысле, ты не собираешься оставаться с ними? — я так удивлена, что поднимаю голову с подушки.

Трэвис хмурится.

— Ну, я остался бы, если... если... Но я бы предпочел не делать этого, если хочешь знать правду.

— А как же Шэрил?

— А что Шэрил?

— Разве ты не...? — я не заканчиваю вопрос, потому что внезапно он кажется нелепым.

Само собой, если бы Трэвис до сих пор хотел быть с Шэрил, он бы сразу захотел ее увидеть. Он бы позвал ее.

Он ничего такого не делал.

Это меня он звал. Не ее.

Он внезапно хмурится еще сильнее.

— Так вот что ты думала? Что мы с Шэрил... Нет! Она все еще дорога мне, и так будет всегда. Но она не та, кого я хочу.

Эмоции нарастают во мне с такой силой, что я вынуждена сесть. Я скрещиваю ноги под собой и смотрю на Трэвиса.

Его серо-голубые глаза такие глубокие, такие серьезные.

Он говорит тихим, неестественным голосом.

— Видимо, мне надо... спросить тебя. Если ты не хочешь оставаться с караваном, что ты хочешь делать теперь? У тебя есть настоящие варианты. Я знаю, что тебе очень понравилась Мария. Если хочешь, можешь поехать со своей подругой и присоединиться к ним. Если... этого ты хочешь.

Я сглатываю ком в горле.

— Я думала об этом. Но не знаю. Они не... там только женщины.

— Да. Я знаю. Ну, если ты хочешь мужчину, тут у тебя тоже есть варианты, — его акцент становится сильнее. — Я видел, что ты говорила с Маком. Он правда хороший парень. Умный, как и ты.

— Мак? — я настолько шокирована, что это слово вырывается визгом.

— Конечно. Он... правда хороший парень. Похоже, он тебе нравится. Если ты хочешь, чтобы он был твоим мужчиной, готов поспорить, он не откажет.

— Мак?! — на сей раз я верещу еще громче. Еще ошеломленнее.

— Да. Мак. Почему ты так на меня уставилась?

— Мак во мне не заинтересован.

— Само собой, заинтересован, — теперь Трэвис выглядит слегка сбитым с толку. Слегка неуверенным. — Само собой, он заинтересован.

— С чего ты взял?

— Потому что... — он делает пару прерывистых вдохов. — Потому что любой мужчина тебя захочет. Если ты попросишь, любой мужчина в мире тебя захочет.

Я издаю странный тихий звук. Почти рыдание.

— Трэвис. Пожалуйста. Я не хочу... Я не могу тебя потерять.

Его лицо искажается.

— Милая. Я ужасно доношу свой послы. Попробую еще раз. Ты не потеряешь меня. Если только не хочешь, чтобы я ушел. Я сделаю то же, что сделаешь ты. Если захочешь присоединиться к Марии, я буду таскаться за вами как потерявшийся щенок. Я и пес. Или если ты захочешь быть с Маком или каким-то другим мужчиной, я буду третьим

лишним и начну практиковать медитации, чтобы не набить ему морду за то, что ему дозволено прикасаться к тебе так, как я бы... Или если ты все же захочешь остаться с караваном, я научусь быть терпеливым и смирюсь с отсутствием контроля. Ты не потеряешь меня, Лейн. Но я пытаюсь сказать тебе, что тебе не надо трахать меня, чтобы удержаться рядом. Я у тебя есть, даже если ты больше не хочешь, чтобы я к тебе прикасался.

Теперь я уже реву по-настоящему. Смахиваю дурацкие слезы, которые так и льются.

Трэвис трет ладонью свой щетинистый подбородок.

— По сути, я говорю, что теперь у тебя есть варианты. Я знаю, что между нами все завязалось потому, что... потому что ты отчаялась. Чувствовала себя паршиво. Тебе было нужно что-то, а я был рядом. Я знаю, что в противном случае ты бы никогда не захотела такого мужчину, как я. Я понимаю. Правда, понимаю. Я с самого начала говорил себе, что никогда не... никогда не попрошу тебя о большем, потому что не хочу, чтобы ты чувствовала себя обязанной давать мне что-то, чего не хочешь. Я заставлял себя придерживаться этого принципа с самого первого дня, как мы сошлись, и я буду придерживаться этого даже сейчас, хотя я в панике от риска потерять тебя. У тебя есть выбор, Лейн. Ты не застряла с каким-то старым деревенщиной, который никогда не посещал колледж, едва понимает твои стихотворения и вообще должен был быть просто механиком, ремонтирующим твою машину. Ты не застряла с ним просто потому, что он единственный твой вариант.

Он хриплый, бледный и такой искренний. В его глазах живет обнаженная нужда.

Я протягиваю руку, хватаю его ладонь с постели и прижимаю его предплечье к своей груди.

— Что, если... что, если я хочу этого старого деревенщину?

Трэвис издает сдавленный звук, не сводя с меня глаз.

— Лейн?

— Что, если я хочу его?

— Пожалуйста, Лейн. Пожалуйста, не говори так. Пожалуйста, не проси об этом. Если только ты не всерьез. То есть, правда-правда всерьез. Потому что я поверю тебе. Я захочу большего, чем просто забав в постели с тобой. Я... никогда тебя не отпущу.

Я пытаюсь плечом стереть слезы со щек, но не особо добиваюсь успеха.

— Трэвис, я спрашиваю всерьез. Что, если я хочу этого старого деревенщину?

Его лицо меняется. Глаза полыхают.

— Если ты хочешь его... если ты правда хочешь его... то этот старый деревенщина уже твой.

Я теперь плачу так сильно, что не могу сидеть. Я падаю на постель рядом с Трэвисом, все еще обнимая его предплечье и прижимая к своей груди. Это единственная его часть, к которой я осмеливаюсь прикоснуться, чтобы не навредить его ране.

— Лейн? — зовет Трэвис, поворачивая голову в мою сторону, но по-прежнему лежа на спине.

— Прости. Прости, — я вытираю лицо.

— Почему ты плачешь?

— Потому что я так счастлива.

— Правда?

— Да. Правда.

— Ты же уже знала, что я чувствую к тебе, так?

— Нет! Естественно, я не знала. Откуда мне было знать?

— Думал, это было очевидно. Давно схожу по тебе с ума.

— Давно? Мы были вместе всего пару недель.

— Ну, большую часть этого времени я сходил по тебе с ума. Ты должна была это видеть. Никогда не встречал никого такого храброго, милого и чистосердечного, как ты. Как я мог не влюбиться в тебя? Но я знал, что ты со мной только вынужденно, так что я не думал, что мне дозволено быть с тобой.

— Ну, тебе дозволено, — я сияю, улыбаясь ему сквозь слезы. Наши лица находятся на расстоянии считанных дюймов.

Трэвис тяжело дышит. Его лицо до сих пор влажное, но к нему немного возвращается нормальный цвет.

— Как думаешь...?

— Как думаешь что?

— Как думаешь, я могу поцеловать тебя? По-настоящему?

— Мне бы очень этого хотелось.

Когда я вижу, что он начинает приподниматься, я протестующе верещу.

— Нет! Тебе нельзя вставать. Лежи смирно, и я приду к тебе.

— Я справлюсь лучше, если буду иметь возможность...

— Ты не будешь вставать. Я не собираюсь терпеть укоризненные нотации, если ты слишком активно пошевелишься, швы разойдутся, и у тебя пойдет кровь. Лежи на спине. Я сама тебя поцелую.

Трэвис невнятно бурчит, пока я наклоняюсь над ним. Мои губы замирают над его ртом.

— Ты серьезно ноешь насчет этого?

Он фыркает.

— Милая, если ты меня поцелуешь, я больше никогда в жизни не буду ныть.

Это становится последней каплей.

Я дрожащая и несобранная, но мои губы скользят по его рту. Его губы пересохшие. Они двигаются мне навстречу и не отпускают, когда я пытаюсь отстраниться.

Мое сердце бешено стучит, когда Трэвис поднимает ладонь и удерживает мою голову на месте, чтобы полноценно поцеловать. Его язык скользит по шву между моими губами, а потом он берет мою нижнюю губу своими и чувственно тянет, вызывая водопад удовольствия во всем моем теле.

Я издаю дурацкий гортанный звук и улыбаюсь в его губы.

— Видишь. И так неплохо.

— Неплохо, да? — его ладонь обхватывает мой затылок, и Трэвис улыбается, слегка приподнимая голову для очередного поцелуя. — Целую вечность хотел это сделать.

— Тогда почему не делал? — мне приходится опираться на предплечья, чтобы не переносить вес на его раны. Позиция неловкая, и спина опять болит, но мне абсолютно все равно.

— Потому что я старался держать подобающую дистанцию.

— Подобающую дистанцию! Ты трахал меня.

— Ты думаешь, я не в курсе? Но я продолжал повторять себе, что делаю это лишь потому, что ты меня попросила. Так что я все равно мог сказать, что не брал больше, чем мне дозволено. Но я знал, что если поцелую тебя, то уже не смогу помнить о границах. Ты понятия не имеешь, как я был близок к этому... снова и снова. Я и не знал, что можно хотеть чего-то так сильно, как я хотел поцеловать тебя. Но я знал, что нельзя позволять это себе. Я бы никогда не сумел тебя отпустить.

Я покрываю короткими поцелуями все его губы, подбородок, щеки. Его кожа колючая под моими щеками. Поверить не могу, что мне наконец-то разрешено это делать.

— А теперь тебе и не придется меня отпускать.

— Теперь не придется, — он одаривает меня маленьким сладким поцелуем. — Я люблю тебя, Лейн. Ты это поняла, верно?

— Да. Я поняла. Я тоже тебя люблю.

Его губы снова завладевают моими, язык проскальзывает в рот. Мое тело вибрирует от удовольствия. Оно становится таким глубоким, что завиток наслаждения все туже сворачивается между моих ног, а потом мы резко отстраняемся из-за голоса у двери.

— Я практически уверен, что это не пойдет на пользу пулевому ранению. —

Мак. Он кажется забавляющимся.

Я отстраняюсь от Трэвиса, хихикая, и прячу лицо на его здоровом плече.

Мак входит в комнату.

— Видимо, это означает, что тебе лучше.

— Мне было бы лучше, если бы нам не помешали. Стучать никогда не пробовал? — несмотря на такой ответ, Трэвис не кажется ворчливым. Теперь он покраснел и улыбается как идиот.

— Я просто заглянул проверить пациента и убедиться, что Лейн ничего не надо. И тут еще пес, который отказывается уходить. Все об него спотыкаются.

— О,пусти его, пожалуйста, — говорю я, приподняв голову.

Мак оглядывается назад, словно проверяя, нет ли наблюдателей, затем отходит в сторону, чтобы пропустить пса в комнату.

— Только никому не говорите, что его пустил я.

Пес спешит к кровати и принюхивается к матрасу. Я глажу его, и он бежит к другой стороне кровати, чтобы Трэвис его тоже погладил.

Мак широко улыбается мне.

— Видимо, раз я застал вас целующимися на его больничной койке, все оказалось вполне просто.

Я отвечаю на его улыбку и снова прижимаю предплечье Трэвиса к своей груди.

— На самом деле, не так уж просто, но мы все равно сумели разобраться.

В итоге я провожу ночь на кровати рядом с Трэвисом.

Патти, чрезмерно опекающая медсестра, не в восторге от этой ситуации, но мы игнорируем ее грозные предупреждения и делаем, что хотим. Поприветствовав нас, пес вынужден спать за дверью.

Следующим утром я просыпаюсь раньше Трэвиса, и у меня хватает времени сходить в туалет и привести себя в порядок до его пробуждения.

Доктор заглядывает проведать его практически в то же мгновение, когда он открывает глаза, и Трэвис говорит ворчливо и отрывисто во время осмотра и смены повязки.

— Я могу дать тебе аспирин и адвил, — говорит доктор. — Сожалею, но это все, что у нас есть. Если у кого и есть что посильнее, они не делятся.

— Мне нормально, — Трэвису явно не нормально. Он все еще выглядит так, будто ему больно. На самом деле, этим утром ему как никогда дискомфортно.

— Ты не сможешь отправиться в дорогу еще день или два, — доктор выглядит обеспокоенным. — Караван уйдет этим утром, но вы не сумеете пойти с нами.

— Все нормально, — говорю я. — Мы все равно не собирались оставаться.

— Ему нужно, чтобы о нем заботился кто-то еще, помимо тебя.

— С нами все будет нормально, — Трэвис скрипит зубами.

— Я могу остаться, — говорит Мак. Он держался у порога с тех пор, как доктор зашел в комнату. — Как минимум на день или два. Потом нам с Анной надо будет отправляться в Западную Вирджинию.

— А как же Мэйси и Дженна? — спрашиваю я.

— Они передумали. Останутся с караваном.

Это почему-то не удивляет меня, поскольку эти две женщины не казались такими твердо намеренными присоединиться к Марии, как Анна.

Доктор, похоже, считает, что его работа выполнена, и уходит.

— Куда вы направитесь? — спрашивает Мак.

— О... я толком не знаю. Мы это еще не обсуждали, — я поворачиваюсь и смотрю на Трэвиса. Он серьезно наблюдает за мной. — Может, нам стоит... В горах есть место, где

мы какое-то время будем в безопасности. Может, нам стоит вернуться в тот дом. По крайней мере, пока ты не встанешь на ноги. А потом можем решить, что делать.

Трэвис кивает мне и смотрит на Мака.

— В таком случае, нам в ту же сторону, что и вам с Анной. Так что, может, мы можем поехать вместе. Какое-то время я не смогу нормально защищать Лейн, так что буду благодарен за помощь.

— Звучит здорово, как по мне. Ты уверен, что сможешь отправиться в дорогу через день или два?

— Я буду готов, — выражение лица Трэвиса не оставляет места для возражений.

Если это вообще в пределах человеческих возможностей — быть готовым к дороге через два дня, то Трэвис это сделает.

К середине утра мы с Трэвисом наконец-то снова оказываемся одни. Караван ушел, и мы попрощались с Шэрил и остальными жителями Мидоуза.

Они направляются в горные районы, поврежденные землетрясениями. Им некуда больше идти, и там наверняка там не менее безопасно, чем в любом другом месте.

Может, они сумеют найти район с большим количеством домов, пригодных для проживания.

Они попытаются обустроить там свою жизнь.

Если Трэвис в конечном счете захочет к ним присоединиться, меня это устроит. А если мы останемся в доме, что я бы предпочла, мы все равно будем достаточно близко, чтобы время от времени навещать и убеждаться, что Шэрил и остальные в порядке.

Пока Мак и Анна выходят наружу с псом, чтобы взять еду из нашего джипа и проверить периметр на предмет незваных гостей, я растягиваюсь на кровати рядом с Трэвисом и тянусь, чтобы взять его за руку.

— Хочешь еще поцеловаться? — спрашивает он хриплым и нежным голосом. Кажется, теперь ему лучше, когда толпа людей двинулась дальше.

Я тихо смеюсь и наклоняюсь, чтобы прижаться губами к его рту, но не задерживаюсь надолго.

— Мы можем поцеловаться попозже. Сначала я хочу поговорить

— Ладно. О чем?

— Ты не против отправиться обратно в тот дом? Нам необязательно ехать туда. Мне просто больше ничего не пришло в голову.

— Не против. Мне это кажется идеальным вариантом. Нигде не будет так же безопасно, особенно когда я в таком плохом состоянии.

— Я тоже так подумала. Нам необязательно оставаться надолго. Лишь до тех пор, пока ты не поправишься. А потом мы можем решить, что делать дальше.

— Мы можем сделать все, что ты хочешь. Я прошу лишь о том, чтобы быть с тобой. Я с радостью сделаю все, что сделает тебя счастливой.

— Это мило, но я хочу обсудить. Я тоже хочу знать, чего тебе хочется. Если бы ты мог сделать что угодно, если бы я вообще не играла роли в твоём решении, что бы ты сделал?

— Ты всегда будешь играть роль в моих решениях. Так было с тех пор, как ты держала меня на прицеле у мотоцикла.

— Поначалу ты не очень-то учитывал меня.

— Нет, учитывал.

Я хмурюсь и начинаю возражать, но Трэвис мне не дает.

— Я думал, что ты самая храбрая и красивая из всех, что я видел в своей жизни, но я боялся за тебя.

— Со мной все было нормально.

— Я не знал этого наверняка. В этом мире? Я боялся за тебя, — он опускает взгляд, затем снова смотрит мне в глаза. — Так что я последовал за тобой.

Я ахаю.

— Нееееет!

— Да, последовал. Это было непросто, поскольку у меня не было нормального транспортного средства, но я не мог вынести, что ты одна в таком мире. И что с тобой может случиться. Так что я отслеживал тебя. Шел по твоему следу. А как еще я, по-твоему, появился именно там, где была ты?

— Ты сказал, это потому, что мы двигались по одному маршруту!

Его губы слегка подергиваются, хотя глаза остаются серьезными.

— И ты мне поверила?

Я возмущенно фыркаю.

— Ты бессовестный обманщик!

Он усмехается и тянется к моей руке, подносит костяшки к своим губам и целует их каждую по одной.

— Да, я бессовестный обманщик. Но это доказывает, что я учитывал тебя в своих решениях с самого начала. И это никогда не изменится.

На мгновение я отвлекаюсь на трогательность момента, но мне удается взять себя в руки.

— Может быть. Но возвращаемся к моему изначальному вопросу. Притворись, что я решила сойтись с Маком, и мы не хотели видеть тебя рядом, — я хихикаю от его хмурой гримасы. — Что бы ты сделал тогда?

Он вздыхает.

— Наверное, вернулся бы в тот дом. Мне там нравилось. Очень. Я бы забрал пса, если бы ты оставила его мне, и посмотрел, нельзя ли мне стать частью той сети, которую постоянно упоминает Мак — помогать людям, которые в этом нуждаются. Думаю, я смогу приносить пользу, когда встану на ноги, и это лучше, чем сидеть и не думать ни о чем, кроме разбитого сердца из-за потери тебя. Так что, наверное, это я и сделал бы.

Мои глаза широко раскрываются, и я сжимаюсь от предвкушения.

— Правда? Ты бы так сделал?

— Д-да. Наверное. А что?

— Потому что я бы тоже так сделала! Именно об этом я и думала. Мне нравился тот странный маленький домик. Мне нравилось, что там нет толп народа, но я не думаю, что хочу быть изолированной вечно. Я не хочу просто прятаться. Я хочу... помогать людям, если есть возможность. Так что, может, Мак, Мария и остальные в этой сети могут использовать нас. Меня и тебя. Мы могли бы... сделать что-то хорошее.

Уголки губ Трэвиса приподнимаются.

— Ты правда этого хочешь? Ты не говоришь это просто потому, что думаешь, будто я хочу это услышать?

— Нет! Я серьезно. Именно этого я хочу. Я хочу... после падения астероида я затаилась. Как будто все, что я могу — это просто выживать каждый день. И я не хочу, чтобы так было и дальше. Думаю, я только теперь осознаю это, увидев, как ты вчера едва не умер. Я хочу жить. Я хочу, чтобы мы жили. По-настоящему жили. Я хочу просыпаться с тобой по утрам. Я хочу попробовать посадить сад и вырастить что-нибудь. Я хочу по возможности помогать людям. Я хочу завести нескольких друзей. Я хочу найти всех птиц, что еще живы в лесу. Я хочу слушать насекомых ночами и смотреть на закат солнца. Я хочу целовать тебя, пока мы занимаемся любовью. Я хочу... ребенка от тебя, — я сглатываю, осознав, что болтаю без фильтра. — Ну типа, если ты хочешь. И если у нас получится.

Мои руки дрожат, пока Трэвис смотрит на меня, на мгновение лишившись дара речи. Затем что-то на его лице меняется:

— Милая, я тоже этого хочу.

— Ты серьезно?

— Да. Я серьезно. Я хочу все это. После смерти Грейс я думал, что значимая часть моей жизни необратимо оборвалась. Но я ошибался. Ничего не кончено. Все каким-то образом снова ожило. И это случилось потому, что я нашел тебя. Теперь я хочу жить. Я хочу по-настоящему жить с тобой.

Два дня спустя Трэвис, Мак, Анна и я отправляемся на восток. Трэвису все еще очень больно, но он настаивает, что готов к дороге, и мы не хотим еще сильнее задерживать Мака и Анну.

Им предстоит более долгая дорога, чем нам.

Путешествие медленное и затягивается из-за необходимости держаться вне видимости и постоянных поисков бензина, но в итоге мы достигаем места назначения.

Мы прощаемся с Маком и Анной на краю леса, в начале земляной тропы, которая ведет к нашему маленькому домику. Мы договорились общаться, оставляя записки в оговоренных местах, чтобы мы начали приобщаться к сети для помощи людям.

Когда пикап Мака и Анны скрывается из виду, я веду джип по тропе в лесу, Трэвис сгорбился на пассажирском сиденье, а пес лежит на куче полотенец у его ног.

Я задерживаю дыхание, когда сворачиваю вверх по горе.

В лесу тихо. Кажется, что на мили вокруг никого нет.

Но никак нельзя знать, что дом такой же пустой, каким мы его оставили.

Когда я доезжаю до конца тропы, лес расступается, как я и помнила. И вот он, странный маленький домик с солнечными панелями наверху и мастерской сзади.

Он выглядит тихим, нетронутым.

Мы выбираемся. Трэвис бледен и хромает, но держит дробовик наготове, пока я отпираю дверь.

Внутри никого нет.

Пес радостно лает и бежит напрямик к своему маленькому коврику перед печкой, царапая его несколько раз передними лапами и убеждаясь, что все в порядке.

Я поворачиваюсь к Трэвису и улыбаюсь.

Впервые с момента отъезда из Мидоуза я чувствую себя как дома.

Две недели спустя Трэвис ворчит, пока я втираю антисептическую мазь в его рану.

Это уже толком не рана. Кожа по большей части зажила, оставив красноватый шрам. Швы убраны несколько дней назад. Но я беспокоюсь не о коже. А о том, как все заживает внутри.

Об этом никак нельзя судить, разве что по боли, которую испытывает Трэвис, да по его способности пользоваться плечом.

Он говорит, что все нормально, но я знаю, что ему до сих пор больно. Пройдет немало времени, прежде чем он вернется в прежнюю форму. Возможно, он никогда не сможет пользоваться плечом, как раньше.

— Видишь, — бормочет Трэвис. — Говорил же, что все нормально. Воспаления не будет.

— Похоже, что не будет. Но это пулевое ранение. Такое за ночь не залечишь.

— Да, но это всего лишь 22 калибр. И выстрел был паршивым. Пуля вонзилась неглубоко. Все правда в порядке, Лейн. Я вернулся в прежнюю форму.

— Тебе все еще больно. Можешь притворяться, что это не так, но я-то знаю. И я не позволю тебе перенапрягаться просто потому, что ты упрямый мачо.

— Это никак не связано с мачо. Это связано с тем, что у нас целую вечность не было секса.

Я усмехаюсь и поглаживаю его голую грудь, наслаждаясь текстурой кожи, сосков, волосков на груди. Трэвис растянулся на постели, одетый в одни трусы. Он большой, теплый, сексуальный и хмурящийся.

Мы нашли в погребке еще один маленький коврик и постелили его в спальне, чтобы пес мог спать с нами. В данный момент он растянулся на боку и громко храпит.

На мне одна из больших рубашек предыдущего хозяина дома. Я опускаю руку к паху Трэвиса и массирую его через трусы.

— Я делала все возможное, чтобы позаботиться о тебе.

— Я не жалею об этом, — он начинает затвердевать под моей ладонью и приподнимает бедра навстречу моему касанию. — Но я люблю тебя. И случилось какое-то чудо, и ты любишь меня в ответ. А из-за этого чертова пулевого ранения ты не позволяешь мне заниматься с тобой любовью. Этого достаточно, чтобы свести мужчину с ума.

Я наклоняюсь, чтобы поцеловать его, все еще лаская через ткань трусов.

— Так будет не вечно.

— А ощущается как вечность.

— Я не хочу, чтобы ты еще сильнее навредил себе.

— Знаю. Но что, если я буду просто лежать и не двигаться? Ты можешь быть сверху и сделать всю работу.

Я хихикаю ему в губы.

— Так никогда не будет. Я слишком хорошо тебя знаю. Ты обрадуешься и не сумеешь лежать смиренно. И в итоге еще сильнее повредишь плечо.

Трэвис шипит, когда я запускаю руку под пояс трусов и обхватываю его эрекцию.

— Я буду очень хорошим.

— Не будешь ты хорошим. А я не буду рисковать, — я стаскиваю его трусы. Он помогает, приподнимая бедра. — Но если перестанешь жаловаться, я сделаю для тебя кое-что особенное.

Он поднимает голову и смотрит на меня распяляющимися глазами.

— Что у тебя на уме?

Я опускаю рот к его паху и показываю ему.

Проходит еще две недели, и Трэвис перестает вздрагивать от каждого движения плечом.

Рана полностью затянулась и больше не выглядит чувствительной. И он старательно трудился, разрабатывая плечо. Он практически вернул нормальную свободу движений, хотя я знаю, что поврежденное место еще ноет.

Всю вторую половину дня мы занимались стиркой. Трэвис настоял, что поможет, и я не вижу причин отказывать ему. Под конец я устала, так что принимаю долгий душ, а потом мы тихо ужинаем рагу, кукурузным хлебом и пивом.

Теперь пиво нравится мне больше, чем в первый раз.

Когда Трэвис говорит, что примет душ перед сном, я знаю, что у него на уме.

И честно говоря, я думаю, что время наконец-то пришло.

Трэвис, похоже, в порядке. Несколько дней назад мы получили записку от Мака, должно быть, оставленную каким-то путешественником в нашем месте для коммуникации. На этой неделе Мак будет в наших краях и хочет посмотреть, как у нас дела, и поправляется ли Трэвис. И потом мы, может, получим работу, поскольку Трэвис выздоровел так быстро, как только можно было ожидать.

Я с нетерпением жду этого. Делать добро для мира.

Это не единственное, чего я жду.

Вопреки моему беспокойству, я уже не думаю, что секс навредит Трэвису. Даже если он будет делать это так же энергично, как раньше.

Я старалась быть терпеливой. И он заботился обо мне в той же манере, как я заботилась о нем.

Но это не то же самое.

Прошло уже больше месяца.

Я тоже хочу заняться с ним любовью.

Так что у меня сна ни в одном глазу, и я жду, когда он приходит в спальню. От него пахнет мылом, зубной пастой и совсем немножко Трэвисом.

Он стоит над кроватью, глядя на меня.

— Ты же не откажешь мне сегодня, нет?

Я улыбаюсь.

— Я не откажу тебе.

Он издает гортанный звук и роняет полотенце, которое обернул вокруг талии. Затем забирается на меня, целуя с такой спешкой и страстью, что у меня перехватывает дыхание.

Долгое время он просто целует и ласкает меня. И мое сердце, и мое тело готовы, когда он наконец-то разводит мои бедра и пристраивается к моему входу.

— Ох, милая, — бормочет Трэвис, входя. — Я скучал по тебе вот так. Я так сильно по тебе скучал.

Я ощущаюсь теснее, чем мне помнилось, будто он наполняет меня до упора. Я ахаю и сгибаю колени, двигая бедрами навстречу ощущениям.

— Бл*ть. Ох, бл*ть. Тебе хорошо, Лейн?

— Да, — я впииваюсь пальцами в его поясницу. — О Боже, так хорошо. Я тоже скучала по тебе вот так.

Он совершает несколько толчков.

— Да. Ничто не может быть лучше, чем находиться в тебе.

Я еще сильнее приподнимаю колени, позволяя ему погрузиться глубже.

— Боже, ты кажешься таким большим.

Трэвис фыркает от веселья и делает несколько дерганных толчков.

Мне так нравятся ощущения, что спина сама выгибается.

— Да! Сделай так еще.

Он наращивает быстрый ритм, опираясь на предплечья надо мной и больше наклоняясь на одну сторону, чтобы поберечь травмированное плечо.

— Тебе так нравится? — он потеет и улыбается мне. — Я знаю, что моей милой малышке нравится тряска.

Я хихикаю и одновременно стону от удовольствия, и в итоге получается нелепый звук. Трэвис берет меня с такой силой, что сотрясает и кровать, и мое тело, но он определенно бережет себя, и этот факт позволяет мне расслабиться и наслаждаться процессом.

Я обвиваю его руками и двигаю бедрами в ритме с ним. Наши тела издают сексуальные шлепающие звуки, пока оргазм не скручивает меня с силой, загладевая всем телом. Я кричу, когда по мне проносится дрожь удовольствия, и я знаю, что Трэвис тоже вот-вот утратит контроль.

Его хриплые вздохи превращаются в сдавленные восклицания.

Я крепче обхватываю его бедрами, все еще запыхавшись от оргазма.

— Не выходи. Пожалуйста, не выходи.

Трэвис стонет и роняет голову, потираясь бедрами о мои бедра, и его контроль срывается. Разрядка сотрясает его тело. Он выдавливает «Люблю... тебя... милая», пока кончает.

Это ощущается иначе. Когда он кончает в меня.

Я обнимаю его руками и ногами, когда он расслабляется. Мы оба хватаем воздух ртом. Трэвис поднимает голову, чтобы медленно поцеловать меня.

— Люблю тебя, — бормочет он мне в губы.

— Я тоже тебя люблю.

— Ты уверена, что мне не стоило выходить?

— Да. Я уверена.

— Я знаю, что с детьми вроде как теперь сложно. Но тут никак нельзя сказать наверняка. Возможно, мы делаем ребенка каждый раз, когда занимаемся этим.

— Я знаю, — я крепко обнимаю его. — Это сделало бы меня счастливой. Я хочу испытать с тобой все.

Трэвис тихо стонет и утыкается лицом в изгиб моей шеи.

— Я тоже хочу всего с тобой.

— Значит, нам нужно сделать еще кое-что.

Он замирает.

— Что?

В моем голосе слышится улыбка, когда я говорю:

— Нам наконец-то придется выбрать имя псу.

Следующим утром солнце встает в приглушенных фиолетовых тонах.

Я пью кофе, выпускаю пса, и иду к восточной части дома, чтобы увидеть как можно больше рассвета.

Минуту спустя я ощущаю, что Трэвис подходит сзади.

— Рассвет фиолетовый, — говорю я с улыбкой.

Мы стоим и смотрим, попивая кофе. Пес в итоге подбегает и садится рядом с нами, склонив голову и насторожив уши торчком, словно пытаюсь понять, что мы делаем.

— Знаешь, что? — я с улыбкой поворачиваюсь к Трэвису. — Если просто запечатлеть кадр вида, так сразу и не поймешь, закат это или рассвет.

Трэвис хмурится.

— Это можно понять по тому, где солнце — запад или восток.

Я нежно тыкаю его в бок.

— Я не об этом говорю. Я имею в виду просто вид. Вне контекста. Ты бы никогда не понял, закат это или рассвет.

Он притихает на минуту, размышляя. Он улавливает мое настроение. Бормочет:

— Да. Да. Верно.

— Мы все живем свои жизни в одном кадре настоящего. Может, солнце для нас никогда не садилось. Может, это всегда был рассвет.

Трэвис перекладывает кружку кофе в левую руку, чтобы переплести свои пальцы с моими.

— Думаю, так и было.

Мы больше ничего не говорим. Нам и не нужно.

Мы потягиваем наш кофе (роскошь, которая, как мне думалось, навсегда канула в лету) и смотрим, как солнце поднимается выше по дымчатому небу. Насыщенно фиолетовый цвет становится светлее, ярче, превращается в синеву.

Я ошибалась. Теперь я это знаю.

Конец света никогда не наступал.

То, что я считала последним проблеском света, всегда было моим началом.

Эпилог

Год спустя

Августовский день жаркий и парной, и я уже в той части лета, когда мечтаю об осени. Я усталая, грязная, вся вспотела под одеждой. Трэвис быстро едет по кочковатой горной тропе, джип постоянно подпрыгивает, трясая мое тело, косы, внутренности.

— Можешь немного сбавить скорость, пожалуйста? — прошу я наконец, держась за поручень и глубоко дыша, чтобы прогнать тошноту.

— Прости, — Трэвис кардинально замедляется и бросает на меня обеспокоенный взгляд. — Тебя тошнит?

— Меня не тошнит. Просто мне не надо, чтобы меня так трясло.

Он искоса поглядывает на меня, явно поддразнивая.

— Я думал, тебе нравится тряска.

— Не в машине же, — я стараюсь не рассмеяться, но получается не очень хорошо. — В постели — это другое.

— А. Понял, — его улыбка слегка угасает. — Я не хотел, чтобы тебя укачало. Просто не терпится вернуться домой.

— Да. Мне тоже.

Мы провели вдаль от нашего маленького домика почти две недели — это самое долгое отсутствие за последний год. Вылазка прошла хорошо. Мы помогли сопроводить группу из примерно пятидесяти пожилых человек, которых надо было доставить в более безопасное место, и все прошло гладко, без серьезных рисков и травм, не считая солнечных ожогов и утомления от жары. Мы с Трэвисом стали регулярной частью сети помощников Мака, и выполнение таких работ всегда помогает мне почувствовать, что я вношу ценный вклад.

Но две недели вдаль от дома — это долгий период, во время которого все время надо быть настороже из-за возможной опасности. Я буду рада вернуться.

Пес свернулся у моих ног, время от времени ворчливо поднимая голову, когда машину слишком сильно трясет. Он везде сопровождает нас и всегда выкладывается на все сто.

Но он такой же, как и мы. Ему больше всего нравится быть дома.

Теперь уже недалеко, и я предвкушаю. Я тянусь и тычу Трэвиса в руку.

— Тебе необязательно ехать так медленно. Обещаю, меня не стошнит на тебя.

— Не хотелось бы, чтобы тебя стошнило на пса.

Я смеюсь.

— У него теперь есть имя, знаешь ли.

— Да. Но думаю, он все равно предпочитает «пес».

— Нет, не предпочитает. Он знает свое время. Так, Герцог?

Пес поднимает голову, но увидев, что ничего не происходит, кладет ее обратно, протяжно фыркнув.

— До сих пор не могу поверить, что мы назвали его в честь того стихотворения, — бормочет Трэвис.

— Я думала, то стихотворение — твое любимое.

— Так и есть. Но герцог — убийца!

Теперь я уже беспомощно хихикаю.

— Ну, или Герцог, или Ланселот в честь моего любимого стихотворения. Ты сам выбрал Герцога.

— Не буду я называть своего пса чертовым Ланселотом, — он пытался удержать оскорбленную гримасу, но она сменяется мягкостью, когда его взгляд падает на мое лицо.

— Почему ты так на меня смотришь?

— Как так?

— Ты знаешь.

Трэвис протягивает руку и нежно поглаживает мою щеку большим пальцем.

— Ничего не могу поделать. Слишком люблю тебя. Иногда это выливается через край. Особенно когда ты смеешься. Почти и забыл, что такое смеяться, пока не сошелся с тобой.

— Ну, это правда. Когда мы начали путешествовать вместе, ты только и издавал тихий фыркающий звук. Я поначалу даже не знала, что это смех.

— Это правда был смех. Просто я не сразу вспомнил, как быть человеком.

— Ты всегда был человеком. Ты всегда был хорошим. Ты напомнил мне, что это возможно.

Мы смотрим друг на друга несколько долгих секунд, и Трэвис сбавляет скорость до черепашей, чтобы джип не въехал в дерево.

Я покраснела и улыбаюсь, когда он переводит взгляд на тропу перед собой.

— Я рада, что мы смогли сделать эту работу.

— Я тоже.

— Мак выглядит счастливым. Тебе так не кажется?

— Еще как кажется.

— Я рада. Он хороший мужчина. Он заслуживает счастья.

Трэвис, кажется, хочет сказать что-то в ответ, но мы добрались до поворота вверх по горе к нашему дому, и это отвлекает нас от всего остального.

Даже Герцог садится и принимает душ к воздуху.

— Мне не терпится принять душ, — говорю я, когда мы подъезжаем ближе. —
Прошло уже почти две недели.

— Да. Мне тоже.

— Тебе это определенно нужно. Уже давненько не ощущала твой запах так сильно.

Трэвис шурится, сердито глядя на меня, но это не очень-то убедительно. Я вижу, что он пытается не рассмеяться.

— Я знаю, что тоже воняю, так что тебе не нужно это говорить.

Он качает головой.

— Ты не воняешь.

— Эта ложь не очень убедительная.

— Не ложь. Мне нравится, как ты пахнешь, — похоже, он не пытается польстить мне. Просто говорит то, что считает правдой.

— Как я пахну? — спрашиваю я с искренним любопытством.

Трэвис прочищает горло и отворачивается. Его щеки слегка розовеют, и я понимаю, что он смущается. Это тот же мужчина, который смутился, заглянув под мою майку, держа коробку тампонов или говоря о своих трусах. Он практически не изменился. Он все еще очаровательно стеснительный. Но сейчас он говорит мне правду.

— Ты пахнешь как моя.

Когда я не отвечаю сразу же, он бросает на меня быстрый взгляд.

— Что?

— Ничего. Просто надо будет хорошенько полюбить тебя, когда мы наконец-то доберемся домой.

— Да?

— О да.

— До или после душа?

— Еще не знаю. Посмотрим, как пойдет.

Мы не принимаем душ сначала.

Герцог в таком восторге, когда мы выезжаем на поляну на вершине горы, что выскакивает из джипа еще до того, как он припаркован. Он бежит через двор, радостно

лая, и мы с Трэвисом оба смеемся, пока отпираем входную дверь и проверяем, все ли в порядке.

Последние несколько месяцев мы работали над ремонтом мастерской, превращая постройку в маленькую однокомнатную хижину, чтобы мы могли предоставлять временное убежище людям, которые в этом нуждаются. На самом деле, Трэвис делал большую часть работы и давал мне легкие задачи, где я не могла нанести много урона. Проект должен быть закончен в следующем месяце.

Все именно так, как мы оставили две недели назад. Никто пока что не наткнулся на наш дом.

Я надеюсь, что так будет еще очень долго.

Я улыбаюсь, удовлетворенно глядя на гостиную, когда Трэвис без предупреждения подхватывает меня и несет в спальню.

— Что, если я хотела сначала принять душ? — требую я, обвивая руками его шею.

— Душ может подождать. Ты обещала хорошенько меня полюбить.

— Да? Я не уверена, что припоминаю.

Он преувеличенно рычит.

— Лучше бы тебе поскорее вспомнить, женщина, — вопреки притворной свирепости, он очень бережно кладет меня на постель и целует, забираясь сверху. — Теперь вспомнила?

Я тянусь и обхватываю его лицо ладонями.

— Что-то такое всплывает в памяти. Может, ты сможешь мне вспомнить.

Трэвис целует меня, целует, целует и еще целует. Затем снимает мою одежду и ласкает, пока я не начинаю выгибаться и хныкать. Я уже занималась его одеждой по возможности, но он наконец теряет терпение, встает и раздевается примерно за три секунды.

Затем переворачивает меня на четвереньки и трахает, пока я не кончаю. Я едва успеваю перевести дыхание, а он уже перекатился на спину и затаскивает меня на себя. Я седлаю его бедра и нетерпеливо скачу на нем, пока нас обоих не накрывает жесткой разрядкой.

К тому моменту я вымоталась и падаю на него сверху, голая, потная и удовлетворенная.

Трэвис обхватывает меня руками и крепко обнимает.

— Я люблю тебя, милая.

— Я тоже тебя люблю. И мы определенно хорошенько полюбили друг друга.

— С моей стороны никаких возражений, — он поворачивает нас так, что мы оба лежим на боку, и наконец ослабляет хватку. Его глаза тихие и нежные, пока он водит кончиками пальцев по моим грудям и наконец-то добирается до живота.

Он начинает округляться наружу. Моей беременности уже пять месяцев.

— Это было не слишком, нет? — тихо спрашивает Трэвис.

— Нет. Определенно не слишком. Ты, может, и большой, но не настолько большой.

Он фыркает.

— Я не это имел в виду.

— Я знаю, что ты имел в виду, — я глажу его колючий подбородок. — Мне все равно нравится так заниматься сексом. Я беременна. Я не превратилась в другого человека.

— Я знаю. Просто беспокоюсь.

— Знаю. Я тоже беспокоюсь. Но пока что со мной все хорошо, и мы будем стараться изо всех сил, когда ребенок родится. Это все, что мы можем сделать.

— Да.

— Воздух сейчас намного лучше по сравнению с тем временем, когда Грейс была маленькой. Нет оснований считать, что с нашим малышом случится то же самое.

— Знаю.

— И дети тысячами рождались и вырастали без больниц.

— Это я тоже знаю. Я буду беспокоиться. Тут ничего не поделаешь. Но я... надеюсь.

— Я тоже, — я очень нежно целую его.

Когда мы узнали, что я беременна, что-то в Трэвисе как будто сломалось, и он смог наконец-то оплакать Грейс. Это было тяжело. Для нас обоих. Но это исцелило что-то в нем — что-то, что затянулось шрамом, но так и не заживало. До сих пор.

Какое-то время Трэвис обнимает меня, пока мне не становится слишком жарко и липко. Тогда я встаю, принимаю душ и переодеваюсь в леггинсы и просторную рубашку.

Я занимаюсь ужином, когда Трэвис заходит на кухню, пахнувший мылом и одетый в чистую одежду. Я как обычно улыбаюсь ему, но медлю, когда мельком замечаю выражение на его лице.

Он выглядит серьезным. Капельку нервничающим.

— Что такое? — спрашиваю я.

— Ничего. Просто хотел кое о чем спросить тебя.

— Правда? О чем?

Он прочищает горло.

— Хотел кое-что тебе дать.

— Трэвис? Что происходит? Чего ты такой напряженный? — мое сердце бешено стучит. Такое чувство, будто вот-вот произойдет что-то важное.

Он сует руку в карман и достает, раскрывая ладонь и показывая мне что-то.

Кольцо.

Золотое кольцо с красивым маленьким бриллиантом-солитером.

Помолвочное кольцо.

Я таращусь на него с разинутым ртом, совершенно опешив.

Трэвис снова прочищает горло.

— Ничего страшного, если ты не... Я знаю, это не самое важное. Но я хотел... Я хотел сделать все официально. Что я тебя люблю. Что ты для меня — все. Что я буду твоим вечно. Если... если... ты этого хочешь.

Мои глаза переполняются слезами, когда я наконец-то отвожу взгляд от кольца на его ладони.

— Где ты это достал?

— Нашел. Давненько уже искал. И Мак помог мне отыскать пару обручальных колец. Думаю, они нам подойдут. Шэрил сказала, что в их маленький городок переехал священник. Так что он мог бы, наверное... — он переступает с ноги на ногу. — Если ты хочешь.

— Ты хочешь...

— Пожениться. Да. Хочу, — его взгляд опускается, затем поднимается обратно. — Ты хочешь?

Я дрожу. Не могу остановиться. Я улыбаюсь ему сквозь слезы.

— Да, я хочу выйти за тебя замуж! — я кидаюсь в его объятия.

Несмотря на мой энтузиазм, Трэвис умудряется не уронить кольцо и крепко обнимает меня.

Заинтересовавшись нашим выражением радости или запахом еды, Герцог приходит на кухню и обнюхивает наши лодыжки.

Трэвис наконец-то отпускает меня и надевает кольцо на мой палец. Оно идеально подходит по размеру. Понятия не имею, как ему удалось его найти.

Мы оба смотрим на кольцо, пребывая во влюбленном транс.

Я никогда не думала, что вновь смогу иметь это. Никогда не думала, что это возможно в таком мире.

Радость, которая кажется почти идеально чистой.

Я купаюсь в ней, напоминая себе, что эта радость — моя, и Трэвиса, и Герцога, и нашего ребенка, с этого момента и до конца света.

Конец